

КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ

САДА О КОНАНЕ

КОНАН и четыре стюдии	КОНАН и боги тьмы	КОНАН и меч коудуна	КОНАН просает вызов	КОНАН и дюймов человек	КОНАН и песни снегов	КОНАН и невеста секира	КОНАН на дороге королей	КОНАН принимает вой
1	2	3	4	5	6	7	8	9
КОНАН и карусель богов	КОНАН и дар митры	КОНАН и ночные камни	КОНАН и гроб дайомы	КОНАН и зеркало стражи	КОНАН и времена жаждущих стрем	КОНАН и письм войны	КОНАН и таинст вия	КОНАН и пад иердала
10	11	12	13	14	15	16	17	18
КОНАН и города погибших людей	КОНАН и историк судеб	КОНАН и соратни аримата	КОНАН и залогово око	КОНАН и призрак прощало	КОНАН и вождество мрака	КОНАН карнавал киммерий	КОНАН и роки истеб	КОНАН и пад иердала
19	20	21	22	23	24	25	26	27
КОНАН и заговор тени	КОНАН и копье крома	КОНАН и враг вечности	КОНАН и пакистан лайнеры	КОНАН и часы бессмертия	КОНАН и чайка	КОНАН и клятвой страх	КОНАН и токийцы треаджи	КОНАН и алтарь победы
28	29	30	31	32	33	34	35	36
КОНАН и птица бессмертных	КОНАН и покоритель плоти	КОНАН и враг проклятых	КОНАН и оконы зеленоли	КОНАН и клятва небес	КОНАН и детство миров	КОНАН и колесо власти	КОНАН и зол древних	КОНАН и зелен зимородок тьмы
37	38	39	40	41	42	43	44	45
КОНАН и тигр сети	КОНАН и храм ночи	КОНАН и король воров	КОНАН и пожелан огонь	КОНАН и любовь честных	КОНАН и калерим земля	КОНАН и хозяин секира	КОНАН и корота мины	КОНАН и покори тельница света
46	47	48	49	50	51	52	53	54
КОНАН и сияние зла	КОНАН и зелен шадзира	КОНАН и скел хаоса	КОНАН и жрец старина	КОНАН и сестра шинги	КОНАН и повелитель миан	КОНАН и трибы хайбории	КОНАН и всадни ки бури	КОНАН и сила исполнения
55	56	57	58	59	60	61	62	63

КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2005

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использованы

Фрагменты работы Ken Kelly

Подписано в печать 5.05.05. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 8000 экз. Заказ № 1070.

К64 Конан и узники камня : [сборник] — М.: АСТ; СПб.:
Северо-Запад Пресс, 2005. — 403, [13] с. — (Конан).

ISBN 5-17-030708-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-264-5 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитается по свету в поисках приключений.
Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Венди до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2005

© С. Шипкин, оборт, 2005

© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2005

Вступление

артос, небольшой прибрежный городок, казалось, не имеет слишком большого значения в огромном Хайборийском мире. Но именно здесь развернулась схватка между магами Черного Круга и волшебниками, именующими себя Хозяевами Побережья.

Выходцы из Стигии, они, тем не менее, далеко не всегда проявляли себя отъявленными злодеями, какими в Хайбории привыкли считать всех стигийцев.

По-своему мудро и справедливо они управляли этими землями, а для простолюдинов всегда держали наготове магические развлечения...

...Конан со своими товарищами на корабле «Вестрел» угодил в жесточайший шторм. Эта буря, причинившая немалый ущерб судну, имела не вполне обычное происхождение. Она была создана с помощью чар Хозяевами Побережья.

Хозяева были готовы прийти на помощь морякам, пострадавшим во время магического шторма. А покуда матросы «Вестрела» занимались починкой корабля, Конан со своим старшим помощником отправился в опасное странствие.

Однако и тех, кто остался в Сартосе, ждут не менее пугающие приключения...

* * *

...С моря дул легкий освежающий ветер. К сожалению, поблизости не было людей, способных оценить прохладу, что он дарил. Чайкам, копотившимся на линии прибоя, до капризов погоды не было никакого дела. На морском побережье Стигии никогда не бывало настолько жарко или настолько холодно, чтобы птицы, здесь обитавшие, начинали задумываться о временной смене места жительства.

Шторм, бушевавший несколько недель, вынес на берег целый ворох вещей, которым на сущем не место. Конечно, больше всего было водорослей. Но нашлось место и для всякой морской живности, долго не выдерживавшей обитания вне родной стихии, а потому жутко вонявшей. Чайки отыскивали рыбок посвежее и немедленно набивали ими свои животы.

Валялись на берегу и обломки кораблей. Судя по разбитым доскам и разорванным парусам, море не поскутилось ни на волны, ни на ветер. Возле перемолотых останков кораблей практически не поврежденное человеческое тело выглядело

чем-то воистину удивительным. Судя по неестественно вывернутым шее и правой руке морехода, несколько переломов у него все-таки было, но выглядел он необычайно целым и сохранившимся. Даже шитая золотом рубаха, выдававшая в нем офицера, порвалась только в двух местах. Правда, водоросли, налипшие на тело несчастного, немного портили общую картину.

Одной из чаек надоело рыскать в поисках очередной тухлой рыбешки, и она уверенной поступью направилась к моряку. Птица несколько раз обошла тело, готовясь решить, годится ли оно в пищу. В конце концов остановив свой выбор на глазах, она стала приоравливаться, как бы получше к ним подобраться.

Внезапно левая рука человека устремилась к птице. Чайка, не ожидавшая от трупа такой подлости, отреагировать не успела. Только пронзительно вскрикнула, а затем совершила впечатляющий полет в морскую даль со свернутой шеей.

— Не надо было так делать, птичка, — хрипым голосом произнес мертвец, поднимаясь на ноги. — Мне нравится это тело, ни к чему его портить.

Человек внимательно осмотрел свои конечности и нашел состояние правой руки совершенно неудовлетворительным. Голова у него болтась из стороны в сторону, но об этом он, казалось, совершенно забыл. Мертвец грустно улыбнулся, словно давая понять судьбе, что поступила она с ним весьма гадко, и принял читать заклинание. Слова, что он произносил, не были схожи ни

с одним из хайборийских наречий. Когда заклятье подошло к завершению, и рука, и шея «погибшего» были уже как новенькие.

Тогда моряк принял счищать с себя остатки водорослей и песок. Завершив эту работу, он произнес еще несколько слов на том же языке, и мгновение спустя перед ним возникла его точная копия. То был высокий, стройный молодой человек. Карие глаза, небольшой, чуть-чуть курносый нос, тонкие губы, немного выдающийся вперед подбородок.

Моряк одобрительно улыбнулся, оценив внешность своего двойника. А вот испачканная водорослями рубашка ему явно не понравилась.

Недавний мертвец несколько раз обошел магически созданную фигуру, пытаясь запомнить мельчайшие детали своего облика. Его внимание привлекли пустые ножны на поясе. Оглядевшись по сторонам, он заметил у самой кромки воды саблю, выпавшую из них. Он поднял ее и повесил себе на пояс. И тотчас же в ножнах двойника возникла ее копия.

Моряк вновь и вновь осматривал свое магическое отражение, и оно все больше и больше ему не нравилось.

В конце концов, он произнес заклятье, которое полностью очистило его одежду и обувь. Теперь о случившемся с ним несчастье по внешнему виду догадаться было практически невозможно. Просто не слишком богатый дворянин, решивший прогуляться по побережью.

Эта мысль заставила его улыбнуться. Уж кем-

кем, а человеком, любящим побродить в одиночестве и поразмышлять, он не являлся.

Мореход было двинулся по берегу в сторону полуночи, но потом вспомнил про двойника. Отражение следовало убрать. Правда, пользоваться магией лишний раз ему не хотелось, потому что рано или поздно за это придется платить. Но иного выхода не оставалось.

Десяток странных, отрывистых слов, и двойника как не бывало.

— Наслаждаешься свободой, сын?

А вот и расплата. Если он слишком часто прибегает к помощи магии, в голове непременно возникает этот голос. Голос его давным-давно погибшего отца.

— По правде говоря, я еще не до конца разбрался со своими ощущения. Чрезвычайно необычная форма бытия.

— Ну, для меня-то она как раз самая что ни есть нормальная. — Мореход представил себе ухмылку, которая возникла бы на лице его отца, обладай тот материальным телом. Но мысленные образы смеяться не умеют. — Может, ты уступишь мне этого пирата? Обещаю не портить его.

Мертвый мореход вел мысленный разговор и одновременно быстрым шагом двигался в сторону небольшого городка, который он ощущал не-подалеку. Воздух не проникал в легкие моряка, сердце его не билось. Человек бы вряд ли заметил это, а вот птицы чувствовали и спешили убраться с пути непонятного существа. Моряку это не нравилось, и он неприязненно морщился. Тे-

лу можно вернуть подобие жизни, но для этого пришлось бы снова прибегнуть к магии.

— Не переходи грань, — обратился он к отцу. — Мне почему-то кажется, что я единственный из нас четырех веду эти душепитательные беседы. Так что если желаешь общения, будь добр — прекрати говорить глупости.

— Глупости? — В голосе появились иронические нотки. — Подожди немного и увидишь, как эти глупости становятся реальностью.

— Ты мне надоел. Убирайся!

— Как пожелаешь, — сказал отец. — Только помни, я вернусь. А пока оставлю тебе подарочек...

Из моря поднялся столб воды. Мгновение — и он рассыпался на тысячи капель. Непрерывно двигаясь, они в конце концов слились в изображение смеющегося старика.

В сознании морехода раздался безумный хохот его отца.

В камне он не был способен проявлять какие-либо эмоции. И колдовать не мог. Получалось, что отец сумел на краткое мгновение овладеть его телом. Неприятно.

Мореход произнес заклинание, и водный старик превратился в ишака, разразился мычанием и исчез. В памяти пирата присутствовал образ осла, а вот звуки, им издаваемые, явно относились к другому животному. Но ничего, отец стерпит. Пожалуй, так ему и надо. Однако в будущем стоит быть поаккуратнее при работе с чужими воспоминаниями.

Нынешний обладатель тела капитана пиратского фрегата принялся копаться в голове мертвеца, стремясь отыскать там свое новое имя. Ко-ратцо. Гадко звучит. Даже предыдущему владельцу оно не нравилось. Оказывается, его так называли в честь легендарного зингарского военачальника, несколько столетий тому назад одержавшего ряд знаменательных побед над Аргосом. Пират вроде бы приходился ему каким-то дальним родственником в тридцать девятом колене.

Мертвый маг горестно вздохнул. Он искренне не понимал, как люди могли использовать какие-то клички, не имеющие к их природе никакого отношения. Его настоящее имя, «Тот-Что-Живет-В-Левой-Верхней-Части-Камня-И-Взирает-На-Грызущих-Из-Нижних-Областей», полностью отражало его суть, бытие и цель существования. Но еще во время прошлого воплощения он осознал, что людям в такие тонкие материи не проникнуть. И раз он теперь не дух, а человек, значит, придется взять себе одно из их «имен». На время, разумеется. До тех пор, пока он не станет богом. Тогда можно будет выбрать себе нормальное отображающее имя, а не какую-то несчастную кличку.

Глава 1

О нелегкой судьбе пророка

н заговорил.

— Опять?!

Бирес был взбешен. «Он» — это полумертвый оракул. Магу пришла в голову мысль, что, пожалуй, следовало бы добить этого гада, от которого одни неприятности. Два раза! Целых два раза за последний месяц. Сие бездыханное тело молчало полтора столетия. А тут взяло и разговорилось!

— Тот же бред, что и в прошлый раз? — поинтересовался у слуги один из трех Хозяев первого круга приближения.

— Нет, — торопливо произнес слуга. Он явно боялся гнева своего хозяина. — На этот раз почти удалось выстроить зрительный образ. Весь второй круг уже там. Они занимаются этим. Карфот просил вас поторопиться. Он не уверен, что без вас троих удастся отобразить картину полностью.

— Просил поторопиться?! — заорал Бирес.

Глава второго круга стал позволять себе слишком много. В ведении Карфота находилась казна сартосских Хозяев Побережья. А четыре месяца назад под его начало перешли «лиловые». Но магом-то он оставался никудышным, и в ближайшее же время следовало ему об этом напомнить.

— Он смеет о чем-то меня просить?!

Слуга молча переминался с ноги на ногу, додгадываясь, что любой его ответ вызовет новую вспышку гнева. Бирес очень не любил, когда его заставали во время его постельных утех. И еще он терпеть не мог высокочек из второго круга.

Маг окинул слугу уничтожающим взглядом.

— Убирайся! — рявкнул он. — Передай, что я появлюсь в зале оракула, когда сочту нужным.

Стоило слуге закрыть дверь, как Бирес мгновенно вскочил с постели и принялся одеваться.

Девочка лет тринадцати, с которой он провел три замечательных колокола, теперь сидела на кровати, поджав колени. Что делать дальше, она не знала. Стоит ли начать одеваться или лучше дать возможность магу еще некоторое время полюбоваться своими прелестями?

Бирес избавил ее от мучительного выбора. Затягивая пояс на тунике, он походя бросил заклятье на старостигийском, и девочка превратилась в голубку. Правда, если будучи человеком она являла собой существо живое, то теперь уже не могла этим похвастаться. Обычно Бирес сразу не убивал своих «пташек», предпочитая рассаживать их по клеткам и наблюдать за изменениями в их

поведении. Но сейчас не было времени на возню с девчонкой. В «Пустынной» части базара Сартоса всегда можно найти себе новую любимицу.

Бирес нацепил на каждый из пальцев правой руки по кольцу с агатом. Ими он пользовался, когда наибольшая опасность могла исходить от магов стигийской школы. Для других случаев имелись другие камни. Когда он уже дотронулся до дверной ручки, ему пришла в голову удачная мысль: на всякий случай взять с собой и несколько рунных амулетов. На столике рядом с его кроватью стояла шкатулка, в которой он хранил те артефакты и магические ингредиенты, потребность в которых возникала ежедневно. За сохранность этого маленького набора он не беспокоился. Замок был настроен лично на него, и любой вор при попытке открыть заветный сундучок тут же отправился бы на свидание к Нергалу. Способов обойти ловушку не существовало.

Взяв необходимое, Бирес еще раз прикинул — не забыл ли он чего. Убедившись, что все в порядке, он покинул свою комнату и бегом направился в зал оракула. Конечно, то было недостойное мага поведение. Но в нынешней ситуации придется наплевать на хорошие манеры. В то, что у оракула банальная бессонница, не верилось.

Дом, где обитали Хозяева, снаружи казался небольшим. Однако, как и во многих подобных ему сооружениях, здесь действовало заклинание искажения пространства. Так что коридоры, по которым мчался Бирес, по своей протяженности

могли поспорить с некоторыми улочками Сартоса. Их внешнее однообразие объяснялось все тем же магическим происхождением. Серые стены, на которых на одинаковом друг от друга расстоянии висели одинаковые картины.

Часть магов время от времени выступала за усовершенствование примененного заклятия, но каждый раз находились те, кто нововведениям противился. Так что дальнеше споров дело никогда не заходило.

Зал оракула находился за большой деревянной дверью, окрашенной в черный цвет. Пусть и некрасиво, зато сразу бросается в глаза. Проскочить мимо и не заметить просто невозможно. Благо хозяин комнаты воспротивиться безвкусице не в состоянии.

На двери лежало несколько защитных заклинаний, призванных обратить незваного гостя в прах и пепел. На магов первого круга они, между прочим, действовали не хуже, чем на остальных. Бирес в который раз усмехнулся этим мерам предосторожности: ни один из Хозяев в жизни бы не пошел по доброй воле к тому говорящему скелету, что находится внутри.

Когда Бирес наполовину завершил формулу, призванную обеспечить ему безопасный проход сквозь ловушки, дверь отворилась изнутри. На пороге стоял Карфот. Внешне он разительно отличался от высокого, худого, коротко стриженного Биреса. Карфот был стигийцем лишь наполовину. Его мать была рабыней из Кофа. Вот он и уродился невысоким, плотно сбитым, с живыми

зелеными глазами. Наперекор всем догматам Черного Круга головы он не брил.

— Постучаться не мог? — язвительно поинтересовался маг второго круга.

Бирес с трудом сдержался от того, чтобы превратить негодяя в таракана. Игнорируя Карфота, маг вошел внутрь.

В комнате было темно. Одно из заклинаний, поддерживающих жизнь в оракуле, пожирало солнечный свет. На противоположной от двери стене располагалось несколько окон. На улице ярко светило солнце, но, миновав стекло, лучи его немедля умирали. Хоть Бирес и знал принцип действия заклинания, оно тем не менее пугало его до дрожи в коленях.

Взгляд мага обратился к пророку. Вокруг его иссохшего тела стояли пять лампад. Оракул лежал прямо на полу. Ему не полагалось ни постамента, ни саркофага. Во времена своего смертного существования он был простым крестьянином, к удобствам не привыкшим. Потому сейчас следовало поддерживать в нем иллюзию прежней жизни.

В комнате присутствовало пятнадцать человек. Взявшись за руки, они стояли над телом оракула. Ни одного представителя первого круга Бирес среди них не увидел. Что ж, этого и следовало ожидать...

— Разомкните круг, — повелительно бросил высокий маг, направляясь к собравшимся. — Я войду.

Работать с оракулом Биресу совершенно не

хотелось. В прошлый раз от общения с ним остались жуткая мигрень и ощущение мертвечины в собственной душе.

Однако другого выхода не было.

Бирес взял ладони двух магов второго круга и начал плести заклинания, собирая на себя всю магическую энергию. Можно, конечно, было просто доработать те «сети», что создали до него, но они показались Биресу слишком хрупкими. Оракулу вполне по силам их разрушить. К тому же картина видений наверняка оказалась бы искажена.

Тот маг, что первым начал работать с оракулом, отдал заклинанию Биреса те крупицы пророчества, что сумел собрать он сам. Послание это заставило Биреса благосклонно улыбнуться.

Как ни странно, но и в изначальную магическую «сеть» попала неплохая рыбешка. В сознании Биреса замелькали виды современного Сартоса. Совсем не похоже на предыдущее пророчество, состоявшее из хаотичной смеси цветов, звуков и запахов. Маг пропустил послание через заклинание «кольца», чтобы все находящиеся в комнате могли видеть то же, что и он. Теперь можно переходить к следующему этапу.

Бирес засинул свои «сети», и снова перед ним возник Сартос: его дома, улицы, обитатели. Все вперемешку, все вразнобой. Тысячи песчинок, подхваченных пустынным ветром. Надо успеть сложить единую картину до того, как они унесутся прочь.

Человеку такое не по силам. Но магические

создания, из которых состояла «сеть» Биреса, не-плохо справлялись с поставленной задачей. То были духи низшего порядка, не знающие ничего, кроме цели, заданной заклинателем. Бирес лишь наблюдал за их действиями, пытаясь обнаружить слабые участки «сети». Когда ему это удавалось, он уничтожал не справляющихся с работой духов, заменяя их собратьями, обладающими большей долей разума.

Настроение мага существенно портил запах смерти, исходивший от оракула. Он проникал прямо в сознание, заставляя Биреса содрогаться от ужаса. Его страхи передавались духам, а это отнюдь не добавляло прочности магической сети. Оракул стал частью Биреса, а мысли его стали мыслями Биреса. Пророк жаждал забвения, и магу с огромным трудом удалось отрешиться от мысли о самоубийстве и сосредоточиться на пророчестве.

* * *

«С моря дул сильный ветер. Капитаны кораблей, стоящих в порту Сартоса, с тревогой смотрели в голубую даль.

Где-то в городе залаяла собака. Несколько офицеров прогуливались по набережной. Порыв ветра сорвал шляпу с головы одного из них, и он, смешно размахивая руками, побежал ее ловить. В городе брехало уже не менее десятка собак, и все новые и новые участники присоединялись к этому безумному хору.

Трое сумасшедших митриан опустились на колени, и принялись биться головами о землю.

В таверне «Морской змей» начался пожар. Люди старались выбраться наружу, но пламя не подпускало их к окнам и двери. Через некоторое время здание было полностью охвачено огнем. Изнутри больше не доносилось криков.

Вокруг агонизирующей таверны стали собираться странные люди под предводительством туранца, на одном из пальцев которого красовалось кольцо с золотым павлином.

Офицер практически поймал шляпу, но в последний миг она от него ускользнула. Мертвый митрианец лежал с разбитой головой. Один из псов прекратил выть и принял жадно лакать вытекающую из трещины в черепе кровь.

Два оставшихся в живых безумца продолжали свое занятие. Огонь перекинулся с таверны на соседние дома, однако никто и не думал тушить пожар.

Из небольшого поместья, в котором обитали Хозяева, доносились непонятные крики. Вот и второй митрианец упал замертво. Теперь полыхал весь город.

И все же люди не обращали на пламя никакого внимания. Они продолжали заниматься своими обычными повседневными делами, пока не сгорали заживо.

Пламя перекинулось и на обитель Хозяев. Через несколько мгновений от нее ничего не осталось.

Ветер с моря усилился. Моряки, казалось, не

замечали гибнущего города. Их взгляды были прикованы к тонкой полоске горизонта. Собаки прекратили вить.

Вот и третий служитель Митры завершил свое бренное существование. Офицер поймал шляпу. Наконец удалось разглядеть его лицо. Это был обтянутый кожей череп, что некогда принадлежал полумертвому старику, который когда-то был оракулом, а еще раньше — крестьянином.

Над погибающим городом звучал чей-то безумный смех».

* * *

Силы оставили Биреса, и он непременно бы упал, если бы чьи-то сильные руки не подхватили его.

— Довольно занимательное зрелище, — произнес стоящий у двери невысокий альбинос. — Я гляжу, ты не разучился колдовать.

Карун-Ра. Глава первого магического круга Сартоса. Очень опасный человек. Один из немногих, кого Бирес по-настоящему боялся. Никто не знал, насколько он стар. Выглядел он как молодой человек лет двадцати пяти, с выцветшими волосами и легкой залысиной, голубыми глазами, небольшим носом и тонкими губами. Заклятье, применяемое им для поддержания внешней молодости, требовало огромных магических затрат. Казалось, оно было призвано подчеркнуть невероятную силу этого человека.

По имени главу Хозяев называли редко. Ему

больше нравилось прозвище, которое он заполучил полвека назад. Тогда во время одного из своих опытов с кхарийской магией он лишил сам себя зрения. Карун-Ра призвал к себе магов и лекарей со всей Хайбории. Они осматривали его и в один голос заявляли, что лекарства не существует. Закончилось это паломничество магов лишь после того, как сам Тот-Амон признал случай безнадежным.

Но Карун-Ра не сдался. С помощью учеников он за десять лет перекопал горы трактатов по магии исцеления и в конце концов вернул себе зрение. Но прозвище «Слепец» так за ним и осталось. Карун-Ра даже гордился им и не думал обижаться.

— Я справился бы намного лучше, если бы кое-кто не прохлаждался, а помог мне!

Бирес сверлил взглядом Каруна-Ра. Слепец никогда никому не льстил, потому, если и ему отвечали соответствующим образом, он к этому относился нормально.

— Полно, Бирес, — быстро проговорил альбинос. — Ты отлично справился. А мне было чем заняться в это время. Кстати, какие соображения об увиденном?

— Бред!

Карун-Ра внимательно посмотрел на Биреса, будто пытался что-то вспомнить. Затем хлопнул себя по лбу и произнес короткое заклинание на старостигийском. Бирес вновь почувствовал себя полным сил.

— Правда? — с издевкой в голосе проговорил

Слепец. — А я усмотрел там кое-что интересное. Вот только здесь слишком много лишних ушей.

После этих слов маги второго круга дружно засобирались и направились к выходу.

— Нет-нет, уважаемые, — остановился их Карун-Ра. — Не утруждайте себя. Мы сами сейчас покинем это место. А вы побудьте здесь еще немного — на тот случай, если у нашего костлявого друга вновь появится желание пообщаться.

С этими словами Слепец развернулся и зашагал к двери. За ним последовали Бирес и тот маг, что несколько мгновений назад поймал его под руки. Звали его Арзарес. Еще один Хозяин, ничуть не похожий на тот образ «страшного стигийца из Черного Круга», что рисуют перед прихожанами благопристойные митрианские жрецы. Арзарес был высок, плечист, обладал кошачьей грацией и совершенно бесхитростными чертами лица. Одна из «жертв» новой кампании Тот-Амона по поиску магических талантов. Страшно подумать, но всего два года назад Арзарес служил всего-навсего простым стражником в пригороде Кеми.

— Карфот, ты тоже с нами, — напомнил Слепец главе «лиловых».

Бирес тихо выругался себе под нос.

От зала оракула до покоев Каруна-Ра путь был неблизкий. Однако Слепец решил не тратить времени попусту и, как только четверо путников вышли в коридор, начал работать с заклинаниями пространства.

Биреса аж передернуло, когда он представил,

какие магические силы собирает в данный момент на себя Карун-Ра. Приходилось вносить изменения не в расстояние между объектами материального мира, а в магическую составляющую, призванную поддерживать равновесие. В основном — в заклинание увеличения пространства, наложенное на поместье Хозяев.

Бирес не сомневался, что ему самому не хватило бы знаний даже на то, чтобы просто вывесить необходимую формулу, не говоря уж о ее произнесении.

Таким образом четверо магов, сделав не более десятка шагов, оказались в рабочем кабинете главы первого круга.

Обстановка здесь оказалась довольно экстравагантной. Стены были выкрашены в ярко красный цвет. С них на людей смотрела пара десятков демонских голов самых различных видов. Некоторые из них даже подмигивали гостям. Пол был устлан шкурами непонятных животных.

Рядом с рабочим столом Слепца стоял аквариум. В нем плавало около пятнадцати рыбок, которые постоянно дрались между собой. В результате победитель пожирал побежденного. Некоторое время эта увеличившаяся вдвое особь плавала по аквариуму, пугая своими размерами остальных его обитателей, а затем начинала дельтиться. Получались две новые рыбки, обладавшие чертами и победившего бойца, и проигравшего.

Но больше всего Биресу нравились здесь два деревца, которые все время росли, но никак не

могли вырасти. Самым занимательным было то, что человеческий глаз легко отслеживал процесс роста, а вот момент, связанный с отмирианием, оставался скрытым. И только тот факт, что деревья еще не заполнили собой все пространство, говорил о единовременности существования двух этих процессов.

По прибытии на место Карун-Ра тут же развалился в огромном плетеном кресле и жестом предложил гостям присаживаться. Бирес недолго думая уселся на стол. Карфот расположился на единственном стуле. Арзаресу пришлось наклоняться к себе небольшое креслище.

Бирес тут же пожалел о том, что на его месте не оказался маг второго круга. Тому бы на такое заклинание знаний не хватило.

— Итак, начнем? — спросил Слепец. — Да, кстати, угощайтесь.

Семь слов на смеси староаргосского и кхарийского языков, и в руках у всех присутствующих возникли бокалы с красным вином. Бирес попробовал. Вино оказалось приятным на вкус. Стигиец решил, что стоит как-нибудь потренироваться на досуге. Формулу он, вроде бы, уловил. Очень уж эффектное заклинание. Великолепно подходит для того, чтобы произвести на кого-нибудь впечатление.

— Историю оракула ведь все знают?

Даже Карфот не смог удержаться от смешка. Вот уж воистину, историю оракула в Черном Круге знали все. Триста с небольшим лет назад в небольшой рыбакской деревеньке под Луксуром

родился мальчик. До тринадцати лет он ничем не отличался от остальных детей. Родителям помогал, с другими ребятишками в игры играл. Одним словом, ребенок как все.

А на свой тринадцатый день рождения он взьми да и скажи соседу, что у него послезавтра собака сдохнет. И что вы думаете? Сдохла. И с тех пор он чуть ли не каждый день вещать принялся. Да все сплошь гадости предсказывал. Сегодня рыбы не будет, завтра за податью придут, послезавтра вон тот дяденька к Нергалу отправится.

Так с ним и мучилась деревня, пока доморощенного пророка в пятнадцать лет в Луксур на обучение жрецы Сета не взяли. Про мальчика они слышали давно и спорили о нем много. В конце концов, решили, что предсказания у него столь неприятные от того, что он хороших вещей разглядеть не может. Стали его обучать.

И действительно через два года характер видений переменился. Теперь это были сплошь войны, мятежи и болезни. Пошли разговоры, что от такого оракула вред один, и неплохо бы его в жертву принести.

Последней каплей стало предсказание войны с Тураном. Вернее, не самого факта войны, ее Стигия сама долго и упорно провоцировала, а полностью и безоговорочного поражения.

Теперь судьба молодого крестьянина была предрешена. Его бросили на алтарь Сета. Жрец уже нанес ему несколько ритуальных ударов ножом в живот, призванных вызвать предсмертные

мучения, и готовился перерезать несчастному горло, когда в храм прибыл посланник из Кеми.

Оказалось, что при переводе одного из харийских текстов, найденного при недавних раскопках, обнаружилось весьма интересное пророчество. В нем говорилось, что родится однажды в бедной семье величайший предсказатель всех времен и народов. Ничего хорошего и доброго он людям не поведает, но ему уготовано судьбой спасти весь мир.

Вот так нежданно-негаданно и избежал смерти молодой оракул. Но раны его были столь серьезны, что теперь он не мог ни видеть, ни говорить, ни двигаться. Многие решили, что к это только к лучшему.

Однако несчастья вокруг него происходить не перестали. Было похоже, что видения у него продолжаются, но рассказать о них он никак не может. Несколько лет лучшие маги, специализирующиеся на составлении заклятий, работали над «сетью», что ловила бы обрывки предсказаний. В итоге они добились успеха, и это ознаменовало новый поворот в судьбе оракула.

Когда стало окончательно ясно, что он все еще вещает, храм Сета в Луксуре постарался как можно быстрее избавиться от полуживого тела. Однако никто его забирать не желал. В дело пошли взятки, угрозы и смертоносные заклинания. Кое-как луксурцы сплавили пророческое тело.

С тех пор оракул кочевал из храма в храм по всей Стигии.

Надолго он нигде не задерживался. Когда

жрецы осознавали, кого они пригрели на своей груди, то не жалели ни денег, ни влияния, чтобы вешающее тело оказалось от них подальше.

Лет десять назад оракул переехал в Сартос. Услышь казначеи Аквилонии и Немедии о размежах взятки, полученной тогдашним главой первого круга, они бы удавились от зависти. К счастью, старик, это несчастье в город доставивший, вскоре скончался.

Ходили очень упорные слухи, что ему в этом помогли некоторые соратнички. Бирес разговаривал верил и искренне жалел, что ему не посчастливилось принять личное участие в том заговоре.

На смену покойнику пришел Карун-Ра. Слепец прикладывал огромные усилия к тому, чтобы от оракула отделаться. И, насколько Бирес был в курсе, через пару месяцев тело должны были забрать.

Стоило отметить, что за все те четыре года, что оракул провел в Сартосе, вреда от него не было. Молчал, как рыба. А тут, перед самой отправкой, взял да и выдал два предсказания за седмицу, гаденыш!

— Ну, и что вы думаете нам показало это недвижимое сокровище? — осведомился альбинос, потягивая вино.

— По-моему, наш оракул перешел в новую стадию своего бытия, — предположил Бирес.

Первым предстояло высказаться ему, затем Арзаресу. Если Карфот сочтет нужным что-то добавить, то сделает это последним.

— Боюсь, его сознание не выдержало столь

длительного пребывания вне непосредственной связи с телесной оболочкой. Изначально у него были устные пророчества, потом видения, которые надлежало собирать в единую картину с помощью «сетей». Теперь же придется работать над новыми заклинаниями для превращения этого бреда в нечто доступное для понимания. А до тех пор просто воспринимать каждую попытку оракула пообщаться с внешним миром как знак непонятных, но зловещих событий. С одним из таких нам придется столкнуться в самое ближайшее время. В то, что все вокруг сойдут с ума и погибнут в пламени, я не верю.

Карун-Ра никак не отреагировал на слова Биреса, лишь продолжал наслаждаться сотворенным магией вином.

— Думаю, Бирес прав, — Арзарес был немногословен.

Талантом гигант, возможно, и превосходил всех собравшихся в комнате, но из-за недостатка магического образования о некоторых вещах мог рассуждать, исходя лишь из логических посылок.

Бирес кивнул ему в знак одобрения.

Карун-Ра переключил свое внимание с вина на очередную дуэль в аквариуме. Карфот молчал, то ли не зная, что добавить, то ли не решаясь говорить без разрешения Слепца.

— Какие же вы скучные! — наконец произнес Карун-Ра, поднимаясь со своего кресла. Альбинос подошел к одной из демонических голов и почесал у той за ухом. Раздалось благодарное урчание. — Карфот, предложи мне версию, которая

меня удивит. Эти двое на подобное явно не способны.

Бирес хмыкнул. Слепец нехорошо посмотрел на него.

— Ты говоришь о спасении мира? — спросил маленький человек, возглавлявший армию «лиловых».

Альбинос хлопнул в ладоши в знак одобрения.

— И-мен-но, — по слогам произнес он, склонившись над Карфотом. — Почему не предположить, что время наконец пришло?

На лицах Азареса и Карфота отразились некоторые сомнения в чистоте рассудка расхаживающего перед ними мага. Бирес же громко расхохотался.

— Ты всегда отличался неординарным складом ума! — сказал он отсмеявшись. — Но такого, признаться, я никак не ожидал!

Карфот собирался что-то добавить. Но потом сообразил, что если он выскажет все то, что у него на уме, то примет точку зрения ненавистного ему Биреса. Поборовшись немного с самим собой, глава «лиловых» предпочел смолчать.

— А тебе, Бирес, не достает воображения! — посетовал Слепец. — Почему бы не предположить, что мы действительно увидели ближайшее будущее Сартоса? Безумие, огонь и смерть. Вполне возможно, что это один древних богов, решивших вернуться в наш мир, пробует силы. Сначала Сартос, потом Луксур, потом — вся Хайбория.

Никто из гостей Каруна-Ра не вдохновился идеями светловолосого мага. Было непонятно, к

чему Слепцу устраивать весь этот спектакль. Древние боги вернуться никак не могли. Врата в нашу реальность для них закрыты навечно. И даже если бы произошло невероятное и кто-нибудь из древних божеств заглянул бы в нынешний мир, то Сет, Митра и прочие быстренько бы отвадили их от подобного баловства. Боги не любят конкуренции. Карун-Ра не мог не знать этого.

— Не верите? — со вздохом спросил альбинос, помолчал немного и улыбнувшись добавил: — Я тоже не верю. Просто ничего толкового в голову не приходит. Какая катастрофа способна за столь короткий срок уничтожить целый город?

— Ты знаешь что-то неизвестное нам, что позволяет тебе столь категорично толковать слова оракула? — нехорошим тоном поинтересовался Бирес. — Я же говорил, что не считаю нужным воспринимать видение буквально. Просто примем к сведению это предупреждение и будем ждать дальнейшего развития событий. Можно вызвать ученых магов из Луксура — на случай новых видений. Пусть изменяют имеющиеся заклинания.

— Никакого Луксура! — гневно сказал Карун-Ра. Часть демонов опасливо зажмурилась. В аквариуме несколько рыбок приступили к процессу деления. — Только ставленников Тот-Амона нам здесь не хватало! Вмиг голов лишился. Сначала шторм этот проклятый, теперь пророк. На нас и так все магические общества уже нехорошо посматривают: сначала торговлю артефактами развели, потом за ней же не уследили, пото-

пив два-три десятка кораблей, а теперь еще и город поджечь собираемся. Черный Круг очень быстро найдет виновных в этом разгильдяйстве. Устроят показательный процесс над зарвавшимися магами, в результате которого все мы окажемся на костре или на плахе.

— Лично мне самым правильным толкованием представляется искаженное видение, — проговорил Арзарес. — Так что хотя бы самим стоит поэкспериментировать над имеющимся заклинанием «сети».

Ни Карун-Ра, ни Бирес даже отвечать на это стали. Задача была принципиально непосильной.

— Итак, у нас три варианта, — подытожил Карфот. — Первый: неизвестное «нечто» угрожает Хайбории, и наш костлявый друг поможет это «нечто» остановить. За этот вариант говорят необычайность увиденного и появление в конце человека, до боли напоминающего оракула. Против «неизвестного нечто» говорит сам факт того, что подобные «нечто» в гости на огонек заходят крайне редко.

Второй вариант: гибель Сартоса и всего его населения в магическом пламени. Самое неприятное из всех толкований. Либо мы сгорим, либо потом нас всех казнят за попущение и нерадость. К счастью, в буквальное толкование увиденного верится с трудом, особенно если припомнить недавний бред оракула.

При третьем варианте нас ждет неприятный сюрприз, масштабы которого предугадать невозможно.

— Хорошо изложил, — похвалил мага Карун-Ра. — Что бы там ни было, важно не позволить этим пророчествам достигнуть ушей Тот-Амона. Будем сами держать оборону. Когда оракул делал не глобальные, а конкретные предсказания, они исполнялись в строго очерченные сроки. Третий-четвертый день после видений. Так что у нас есть некоторое время в запасе, и терять мы его не будем. Завтра днем «случайно» задействуем один артефакт, способный вызвать небольшую магическую бурю. Ничего страшного, но мгновенные перемещения и магическая связь с внешним миром исчезнут примерно на седмицу. Самое приятное, что нам это сойдет с рук. Я уже года три отсылаю в Луксур письма, в которых сообщаю о том, что некоторые из наших игрушек разваливаются прямо на глазах из-за невозможности обеспечить для них нормальные условия хранения ввиду недостаточного финансирования. Ничего вразумительного я в ответ так и не получил.

— Слепец, ты серьезно? — спросил Карфот. — У нас под боком склад неблагонадежных магических артефактов?

— Не совсем, — ухмыльнулся Карун-Ра. — Те, что и в самом деле повреждены, совершенно безвредны. Просто я счел нужным дополнить списки еще парочкой вещиц, что могли бы пригодиться в ситуации, вроде нашей.

— И в Черном Круге ни о чем не подозревают? — удивился Арзарес.

— Подозревать — подозревают, — ответил вместо Слепца Бирес. — Вот только денег на усо-

вершенствование хранилищ очень сильно давать не хотят.

Карун-Ра подмигнул ему и с помощью заклинания пополнил пошатнувшийся запас вина в бокале мага.

— Все. Хватит перемывать косточки неизвестных нам скунцов, — уже серьезно сказал альбинос. — Вернемся к более важным делам. Завтра мы займемся установкой этого самого барьера. Потребуются силы всех трех кругов. Об истинной сути волшебства знать, разумеется, будем только мы. Представление я организую что надо. Никто ни о чем не догадается.

— Справишься сам? — спросил Бирес.

В одиночку обмануть несколько десятков не самых слабых магов представлялось ему делом далеко не простым.

— Сомневаешься? — вопросом на вопрос ответил Карун-Ра.

— Ни капли, — отозвался Бирес. — На всякий случай спросил.

— Вот и замечательно. После возникновения завесы у нас будет один день на подготовку к грядущему бедствию. Хотя на самом деле организовывать оборону мы начнем уже прямо сейчас. Просто завтра, я надеюсь, у нас более четко обрисуется направление, в котором стоит работать. Должны же появиться какие-то предвестники...

— Потом два дня сражаемся, — продолжил речь Бирес, — а в оставшееся время ликвидируем сколько-нибудь заметные свидетельства постигшего нас бедствия.

— Ну да, — согласился с ним Карун-Ра. — Так и будем действовать.

— И кому поручат заниматься проблемой камня? — полюбопытствовал Арзарес.

Бирес в очередной раз подивился бывшему солдату. Как же легко забыть, что перед тобой сидит не просто гора мускулов, а маг первого круга! Арзарес никогда не был говорлив, зато хорошо умел слушать и раскладывать услышанное по полочкам.

Сочеталось это его качество с другим, которым большинство военных не обладало. Огромный стигиец умудрялся время от времени тыкать людей носом в те вещи, о которых они предполагали не думать, несмотря на кажущуюся целесообразность подобных размышлений.

Так, ни один из досточтимых магов не затрагивал в разговоре проблему артефакта, носившего несуразное наименование «Исчезнувший камень».

За этим камнем несколько седмиц назад послали в поход одного пиратского капитана — из тех, что постоянно крутятся в Сартосе, предлагаая магам свои услуги. Недавно при переводе рукописи докхарийской эпохи Хозяева натолкнулись на упоминание о том, что артефакт «Исчезнувший камень» находится в заброшенном храме на одном из островов неподалеку от Барахского архипелага. Никакой охраны, никаких защитных заклинаний. Приходи и бери. А вроде бы один из сильнейших артефактов, созданных магами Хайбории.

Конечно же, никто по-настоящему не поверил в подлинность записи, но проверить на всякий случай все-таки решили. Каково же было удивление всех Хозяев, когда означенный пиратский капитан взял да и уничтожил один из сигнальных амулетов, давая понять, что поход был успешен!

Но радость оказалась недолгой. Пират погиб в самом сердце неизвестного магического шторма, который, помимо прочего, погубил и десятки других кораблей.

В Сартос тут же прибыли посланники всех магических сообществ Хайбории, наложили временный запрет на ненавистную им торговлю артефактами и принялись выяснять, что же произошло на самом деле. Хозяева предоставили заезжим гостям все сведения, которыми они располагали, только бы те убрались побыстрее. Тем более, что скрывать было нечего — типичный несчастный случай.

Однако конца расследованию так и не было видно. Карун-Ра даже подумывал о том, чтобы дать этим магам седмицу на завершение всех дел. А по ее прошествии вышвырнуть их всех подальше, чтобы не зарывались.

Когда оракул проснулся в прошлый раз, первой мыслью Биреса было предположение о том, что видения связаны именно с «Исчезнувшим камнем». Не верилось, что артефакт такой силы просто сгинул в морских глубинах. Подобные вещи сами тянутся к людям. Следовало ожидать, что вскоре какой-нибудь рыбак найдет его в своих сетях.

В принципе, об «Исчезнувшем камне» известно немногое. Некий колдун, предположительно лемуриец, с его помощью умудрился захватить практически полмира. Потом мага убили. Камень же был непонятным образом утерян. Так, кстати, название и возникло (истинное, думается, звучало покрасивее).

Артефакт этот на самом деле мог оказаться обыкновенной выдумкой. Имелось слишком мало свидетельств, подтверждавших его существование. В Черном Круге его возвели в четвертую категорию: «вещи магического происхождения, представляющее опасность для Стигии, сопредельных стран, мироустройства в целом и божественного управления, вероятность существования которых с заметной степенью приближения оценивается в одну треть».

— Арзарес, ты знаешь, — обратился к магу Слепец, — иногда лучше промолчать. Все настроение испортил.

Рослый стигиец только пожал плечами.

— А-а! — махнул на него рукой Карун-Ра. — Камень, так камень. Будто других тем для обсуждения нет... Карфот! Снарядишь десяток своих людей, выбери посмекалистей. Пускай штудируют книги, в которых времена активного существования камня среди людей описываются сколь-либо подробно. Пусть особое внимание обратят на использование его магических свойств в военных кампаниях. В общем, сам знаешь, что искать. Арзарес, ты, горе мое, зайдешься тем, что хорошенько изучишь последствия шторма. Материа-

лов горы, но никто в них пока разбираться не пытался. Будешь первоходцем. Ты — парень дотошный, может, чего и раскопаешь. Бирес, тебе придется отправиться на базар. Походишь по «Магической», послушаешь, что люди говорят, на побрякушки колдовские полюбушься.

— Со шпионажем и «лиловые», по-моему, не плохо справляются, — нахмурился Карфот. — Зачем поручать подобное дело дилетанту?

— Не заговаривайся! — остудил пыл главы лиловой гвардии Слепец. — Бирес нутром учуяет, если там что-то нечисто. Когда колдовать получше научишься, сам поймешь и не будешь лезть с глупыми замечаниями.

Карфот кивнул, но было видно, что он остался недоволен.

— Теперь прошу оставить меня, — молвил Карун-Ра. — Мне надо поработать.

— Магический коридор откроешь? — с надеждой в голосе спросил Бирес.

— Ножками, ножками...

Карун-Ра щелкнул пальцами, и дверь его кабинета отворилась, предлагая гостям свои услуги.

По пути к себе в покой Бирес размышлял над тем, что будет с городом, если это и вправду «Исчезнувший камень». «Опасность для мироустройства и божественного управления» — вот как! Может, тогда не стоило бы отгораживаться от остального мира? Кто знает, что их ждет послезавтра?

Маг вздохнул и попытался успокоиться. Всегда вероятность того, что предсказание связано

с артефактом, мала. О свойствах камня практически ничего не было известно. Имеются жалкие крохи информации о лемурийском колдуна. Хроники даже не сохранили его имени, равно как и истинного названия камня. Если этот маг завоевал полмира, следовательно, упоминания о нем должны были остаться. Только... Только если все это — не одна большая выдумка. А похоже, что именно так все и обстояло.

Глава 2

О хлебе и зреющих

W

Матросы под командой Зелтрана, как могли, приводили в порядок «Вестрел». Капитану Конану с величайшим трудом удалось вывести корабль из магического шторма. Только теперь это было не гордое морское судно, а сущее деревянное корыто. Занять денег у местных магов на приведение корабля в прежний вид, насколько понимал Зелтран, у Конана и Сигурда не получилось.

Но, видимо, какое-то прибыльное дело все-таки подвернулось им под руку. Во всяком случае, Конан через одного из местных мальчишек передал боцману, что седмицы на три они с Сигурдом покинут Сартос. По истечении этого срока Зелтран должен был принять на себя командование кораблем, а до тех пор ему велено «латать дыры». Этим он в данный момент и занимался.

Три дня назад море успокоилось. Рыбаки, на-

чинавшие понемногу выходить на промысел, говорили, что на некотором расстоянии от берега всё еще штормит. Хозяева с помощью своей магии, наверное, могли заглянуть чуть подальше, но делиться с моряками увиденным они не спешили. Ежедневно за два колокола до полудня они присыпали продовольствие на корабли, пострадавшие во время шторма.

Зелтран несколько раз подбивал на разговор «лиловых», один из которых в обязательном порядке сопровождал посылку. Боцмана интересовало, когда магические сообщества Хайбории снимут свой запрет на торговлю с Хозяевами.

«Лиловые» в ответ делали самые невинные лица и утверждали, что ни о каких запретах и не слышали!

Как же! О том, что Хозяева начудили со штормом и теперь вынуждены дожидаться окончания расследования, прекратив на время большинство сношений с внешним миром, судачил весь Сартос. Наверняка сами стигийцы эти слухи и распустили.

Следовало признать, что это было довольно тонким ходом. Местные жители уже с седмицу нехорошо поглядывали на людей, напоминающих магов и не напоминающих стигийцев. Моряки же вообще готовы были на клочки порвать заезжих магических ищек. Зелтран исключением не был.

До крайнего срока, назначенного Конаном, оставалось четыре дня. Зелтран верил в своего капитана. Какую-то сумму они с Сигурдом точно достанут. Вот только хватит ли этих денег на

полную починку корабля и на жалование команде — большой вопрос.

И потому когда вчера на корабль прибыли двое шемитов и предложили заем, боцман, недолго думая, распорядился проводить их к нему в каюту.

Но нормального разговора не получилось. Гости начали плести непонятные сказки о том, что им надо получить первоначальное согласие всех капитанов пострадавших кораблей. Об условиях займа они ничего не говорили.

В итоге сошлись на том, что назавтра Зелтран пошлет одного из своих людей к шемитам — узнать, как продвигаются их переговоры.

Выбор пал на Грува. Седой пират был, по разумению Зелтрана, одним из самых башковитых людей из его окружения. Некогда Грув был красивцем, но ныне его лицо обезображенено огромным лиловым шрамом. Где он его заработал, моряк никогда не рассказывал.

Боцман «Вестрела» подозревал, что в молодости Грув служил в гвардейском отряде одной из закатных стран. Пират говорил на пяти языках, писал на трех, неплохо разбирался в торговом деле. Где-то же должен он был всему этому обучаться! Для студиоса Грув был слишком хорошим фехтовальщиком, на дворянина просто похож не был, манеры совсем не те. Конечно, остается еще возможность, что он, подобно Конану, насобирал знаний с миру по нитке. Впрочем, Зелтран в этом сильно сомневался.

Боцман коротко рассказал Груву о предложе-

ние шемитов и наказал ему самому смотреть и решать. В то, что купцы смогут предложить нечто серьёзное, Зелтран не верил. Ну, дадут они денежки. И что после этого помешает морякам внезапно забыть о своих обязательствах? Маги могли проконтролировать пиратов, и потому обманывать их никто не спешил. Только шемиты к магии никакого отношения иметь не могли, иначе бы их действия подпадали бы под запрет о торговле. Получается, что вчерашние визитеры были то ли мошенниками, то ли идиотами, вроде местных митриан.

Пообедав, Зелтран отправился к себе в каюту — отдохнуть и ждать новостей. Чтобы времени даром не терять, боцман достал из шкафчика чернильницу, перо, кипу бумаг.

Но только он собрался немного поработать, как в дверь постучали.

— Входи!

За дверью оказался Грув. Выражение лица у седого пирата было донельзя серьезным. Похоже, купцы смогли его удивить.

— Давай, садись. Рассказывай, что случилось.

Грув вопросительно посмотрел на кувшин с вином, стоящий на столе рядом с письменными принадлежностями. Зелтран кивнул, и моряк, схватив сосуд, сделал несколько жадных глотков. Вытерев рот рукавом рубахи, Грув пододвинул к себе стул, оседлал его и принялся рассказывать.

— Представляете, боцман, эти бородатые прохиндеи умудрились-таки собрать у себя капитанов всех спасшихся от шторма кораблей. Даже

неудобно как-то вышло. Получается, что только мы офицера не прислали. Но купцам, похоже, все равно было, им корабли нужны, а не люди.

— Не тяни. Говори, что предложили!

— Нелепицу они какую-то предложили, — отозвался Грув. — Для начала потребовали, чтобы никто из присутствующих о разговоре этом не распространялся. Все, разумеется, дружно головами кивать начали. Мол, никому да ни в жизнь... Дурака обмануть — дело, как известно, правое. Шемиты, вроде, поверили и начали говорить о предстоящей сделке. В качестве задатка, вы только вдумайтесь, боцман, — сорок золотых стигийской чеканки предложили.

— Во те на! Мы с такими деньгами наш кораблик за седмицу залатаем. Будет плавать лучше, чем раньше.

— Постойте, вы дальше послушайте. Я же тоже в начале было обрадовался. Решил, что в обмен нам пару шкатулок с черным лотосом вручат и карту с тихой гаванью в Аргосе или Зингаре. Контрабандой заниматься, конечно, непривычно, но в нашей ситуации выбирать не приходится. Но — нет. Оказывается, купцам всего лишь надобно доставить груз зерна в Аквилонию.

— Зерна?

— Пшеницы, если вам это интересно.

— Может, все-таки это лотос, — предположил Зелтран. — Растворяют порошок в воде, потом полученной смесью пшеницу пропитывают. А на месте с помощью магии отделяют лотос от злаков.

— Хорошо придумано, — согласился седой пират. — Но опять же, под запрет о магической торговле подпадает. Если Хозяева признают, что на их несчастье деньги кто-то делает, наглецу мало не покажется. Зерно нам, кстати, предъявили. На вид вроде нормальное. Ни магии, ни лотоса.

— Бред.

— Вот и я о том же. Клянусь Митрой, боцман, хотел я от их предложения отказаться. Но шеми-ты проклятые условие поставили: либо все присутствующие договор подпишут, либо никто ничего не получит. Почти все сразу же согласились. Только трое, как я, сомневающихся. Ну, нам и намекнули, что если будем продолжать упорствовать, то их команды пустят кровь нашим.. Одним словом, выбора у меня не оставалось.

— Не нравится мне это.

— Мне тоже. Попахивает большими неприятностями.

— Смотри, Грув! — повысил голос Зелтран. — Команде ни слова о произошедшем. Сходил на берег, получил деньги, договорился о доставке в Аквилонию неизвестного груза. Пусть ребята сами голову поломают, что нам везти предстоит. Правду им знать необязательно, особенно такую.

— Понял, боцман, — ответил Грув.

— Можешь идти.

Грув поднялся и направился к двери.

— Еще одно, боцман, — добавил моряк, уже стоя на пороге. — Мы тут с ребятами вечерком одно заведеньице собираемся навестить. Пойдете с нами?

Зелтран брезгливо прищурился.

— «Морского Змея», что ли? Не пойду. Не могу я с девкой кувыркаться, когда вокруг все магией дышит.

— Не, мы не в «Змея», — покачал головой Грув. — Мне знакомые с «Летящего», который от нас неподалеку стоит, рассказывали: у базара не то таверну, не то бордель какой открыли. Недавно. Вчера или позавчера. Вот мы и хотели сходить посмотреть, что там и как. Магии, вроде, быть не должно.

— А на какие деньги тогда гулять собирались? — поинтересовался Зелтран.

Все золото, бывшее в распоряжении команды, еще две с половиной седмицы назад взяли с собой Конан и Сигурд, которые и по сей день не вернулись. От голодной смерти пиратов спасли стигийцы, которые, пытаясь загладить вину, наладили поставку продовольствия на все пострадавшие от шторма корабли.

А еще десять дней назад Хозяева во избежание волнений среди моряков приняли решение взять на себя оплату услуг девиц из «Морского Змея». Правда, этих самых девиц порой на всех не хватало, и по этому поводу случались замечательные драки, в которых успела покалечиться половина матросов с «Вестрела».

— Новенькие тоже нам сочувствуют, — ответил Грув. — С моряков денег не берут... Во всяком случае, мне так ребята с «Летящего» сказали.

— Чушь какая! — удивился Зелтран. — Сначала зерно, за которое платят золотом, теперь

шлюхи, что морякам за просто так отдаваться готовы. Ладно, схожу я с вами, посмотрю на это чудо.

— Я зайду тогда? — спросил Грув.

— Заходи. Я пока порисую немного.

Когда Грув вышел, Зелтран взял кувшин и одним махом допил вино. В городе происходило нечто странное. Боцман в совпадения не верил. Вот только как связать между собой странных шемитских купцов и девиц, которые не берут денег за свои услуги?

Какое-то время Зелтран ломал голову над этой загадкой. Потом махнул рукой, решив, что лучше потратить оставшееся до визита в Сартос время не на построение бесполезных догадок, а на составление карт с проливами Барахских островов. За подробные лоцманские схемы на «Морской» части базара давали неплохие деньги. На полный ремонт корабля, конечно, не насобираешь, но какой-то запас на крайний случай иметь следовало.

Разметка рифов и мелей у Зелтрана сегодня шла на удивление плохо. В голову постоянно лезли мысли о странном грузе, который они устами и росчерком Грува обязались доставить. К тому моменту, когда в дверь каюты боцмана постучали, Зелтран закончил лишь две карты, успев испортить пять заготовок.

Вместе с Грувом на берег собирались еще трое матросов, все довольно молодые.

Солнце еще не успело опуститься за горизонт, но воздух уже начал заметно свежеть. Для согрева пустили по кругу бурдючок с вином. Зелтран

планировал оценить происходящее в новой таверне трезвым умом и от напитка поначалу отказывался, но потом все-таки присоединился к общему веселью. В сознании у боцмана появилась предательская мысль, что, возможно, будет лучше просто отдохнуть вместе с остальными, чем заниматься поиском ответов на ненормальные вопросы.

Через полколокола Грув вывел всю честную пиратскую компанию к небольшому приземистому домику. Окна отсутствовали. Что-то подсказывало боцману, что бордели так выглядеть не должны.

— Здесь? — удивленно спросил у матроса Зелтран.

— Здесь, — как-то нетвердо ответил Грув.

— Уверен? — переспросил Зелтран.

— Не до конца, — не стал кривить душой моряк.

В этот миг дверь домика отворилась, и на улицу вышел огромный, просто до неприличия толстый стигиец. Поначалу он не заметил шестерых матросов, стоящих неподалеку, и только сладко потягивался, наслаждаясь вечерней прохладой. Зелтран, чтобы привлечь его внимание, тихонечко кашлянул.

Желаемый эффект был достигнут. Развернувшись к пиратам, толстяк отвесил им несколько глубоких поклонов, что при его комплекции можно было счесть за подвиг. На лице появилось стандартное для зазывал выражение «добро пожаловать, гости дорогие».

— Прошу, прошу! — толстяк яростно замахал руками, оттесняя пиратов ко входу в заведение. — Посетители... Мы так рады посетителям. Вы просто не можете себе представить!

— Постойте, погодите, — Зелтран попытался немного остыть пыл радушного хозяина. — Понимаете, мы слышали, что ваше заведение предоставляет потерпевшим бедствие морякам точно такую же скидку, как и «Морской Змей».

— Абсолютнейшая правда, — сказал толстяк. — Мы не возьмем с вас ни единой монетки. Все совершенно бесплатно. Проходите, проходите же!

Зелтран отметил про себя, что другого-то выхода у них и не оставалось. Туша зазывала надежно перекрыла все возможные пути отступления.

— Ну что, ребята, слышали? — хмыкнул боцман. — Платить не нужно. Вы главное смотрите, не особо уж усердствуйте. Поосторожнее там! Девчонок не попортите. Ха-ха!

Оставалось надеяться, что моряки поймут, что он имел в виду на самом деле. Грув, похоже, и сам сообразил, что что-то тут нечисто, а вот за остальных Зелтран всерьез беспокоился. Боцмана не оставляла в покое мысль, что они идут прямо в пасть ко льву.

Обстановка в борделе была богатой и совсем не соответствовала внешнему облику заведения. В дальнем конце комнаты располагалась сцена. Вдоль стен стояли мягкие диванчики, на которых могли с комфортом расположиться посетители. Сами стены были обиты синим бархатом.

Толстяк трижды хлопнул в ладоши, и из помещения, находящегося за сценой, вышли двенадцать девушек. Лица их были раскрашены под различных птиц и зверей. Одежды на девушках не было. Приблизившись к морякам, они взяли под руки каждого из них и повели на диваны. Зелтрану достались диковинные для Стигии «сова» и «рысь».

— Устраивайтесь поудобнее, сейчас начнется представление, — сказал толстяк и вновь трижды хлопнул в ладоши.

Свет в зале погас. Девушки начали бесстыдно ласкать Зелтрана. Пока «рысь» целовала боцмана в шею, «сова» аккуратненько распускала шнуровку на его рубахе.

В темноте раздались шаги. Зелтран было насторожился, но оказалось, что это всего одна из служанок принесла гостю вино. Напиток, на вкус боцмана, был излишне сладок и, сделав пару глотков, он отставил бокал в сторону.

Зелтран вновь сосредоточился на девушках. Он целовал то одну, то другую, но переходить к более решительным ласкам не спешил. Толстяк что-то говорил о представлении, которое вот-вот начнется. Будет глупо, если вновь зажгут свет, а он окажется без штанов.

Откуда-то справа начали доноситься характерные стоны. Кто-то из пиратов решил не ждать у моря погоды, а начал действовать. Зелтран махнул рукой на приличия, притянул к себе правой рукой «сову» (а может все-таки «рысь», темно же), и левой начал возиться с ремешком на шта-

нах. В этот миг над сценой появилось голубоватое свечение. Зелтран немножко отстранил от себя девушек.

Зазвучала музыка. Стоны справа прекратились. На сцене появился высокий мужчина с длинными седыми волосами. Видимо, крашеные, решил Зелтран, потому как мужчина был достаточно молод. Одет он был во все черное. Это лишний раз подчеркивало его неестественно бледный, словно у покойника, цвет лица. На губах незнакомца играла едва заметная улыбка.

— Я рад приветствовать вас в моем скромном заведении, — обратился седоволосый к пиратам. — Сегодня вас ждет увлекательнейшее путешествие в мир иллюзий и блаженства. Я открою вам многие сокровенные тайны, вы сможете окунуться в непостижимое. Я проведу вас тайными тропами к истокам наслаждения. Я научу вас всему, что следует знать. Начнем же!

Зелтран был весь внимание. Станный тип с невероятно бледным лицом ему очень не понравился. Боцман уже пожалел, что согласился сопровождать Грува. Можно, конечно, было встать и уйти, но что-то подсказывало ему, что это будет ошибкой, за которую придется заплатить жизнью.

Свет над сценой погас. Затихла музыка.

— Много лет назад, — вешал из темноты голос седовласого, — когда боги еще были молоды, когда огонь только-только покорился человеку, на земле существовало невероятное количество религиозных культов. Кто-то обещал людям бога-

тые урожаи, кто-то говорил о великих военных победах, а кто-то сулил наслаждение. То наслаждение, что приходит через боль. С тех пор прошли столетия и все эти учения рассыпались прахом, но я сумею обратить время вспять, чтобы вы своими глазами увидели, как все было. Увидели и, разумеется, испытали.

Несколько мгновений ничего не происходило. Тишина и темнота.

Затем вновь зазвучала музыка. Но теперь это были барабаны, а не флейты. Над сценой один за одним стали появляться языки пламени. Сначала они были неподвижны, но затем пустились в безумный пляс, следуя ритму, заданному барабанами.

— Точно так же в те времена шаманы заклинали огонь, прося у него силы для двух избранныков, которые назначили себе свидание в урочный час.

Огни мелькали с такой скоростью, что постепенно Зелтран перестал отделять один от другого. Боцману почему-то пришло на ум, что это пляска очень похожа на ту, которую должен исполнить мотылек, принявший в себя пламя свечи. Наслаждение через боль... и смерть.

— Избранного вводили в центр круга и давали ему особого вина.

На сцену, ведомый «львицей» и «олененком», взошел один из матросов. Вышедший из темноты седовласый протянул ему бокал с неизвестным напитком.

Матрос улыбнулся и принял угощение.

— К сожалению, секрет напитка погиб вместе с теми богами, что преподнесли его человеку. Попробовавший сего вина переставал чувствовать любую боль. Он обретал великую мощь. Сгорая изнутри, он изливал себя всего в тот миг наслаждения, что уготовили для него жрецы.

«Львица» и «олененок» раздели молодого пирата и принялись натирать его тело маслом. Тот лишь бестолково улыбался. Зелтран понимал, что должен вмешаться, но ни руки, ни ноги его не слушались. Он силился что-нибудь крикнуть моряку, но не мог издать ни звука.

Когда уже каждый участок загорелой кожи пирата блестел в отблесках продолжающего безумный танец пламени, на сцене появилась еще одна девушка. Она была высока, очень хороша собой, с округлой грудью и упругими бедрами. На лице ее краски не было. Похоже, изображала она саму себя.

— Когда избранник был готов, — заговорила девица хриплым голосом седовласого, — в круг входила девушка, согласившаяся вбрать в себя его пламя.

Пират сделал к девице первый неуверенный шаг, затем еще один. Наконец он заключил ее в объятья и, недолго думая, взял ее. Девушка не возражала. Улучив момент, она развернула голову в сторону пиратов и продолжила свои объяснения, при этом не отрываясь от основного действия.

— Распаленный напитком избранник впадал в состояние экстаза. Он старался выплеснуть из

себя ту энергию, которую копил в себе всю свою жизнь. Огонь любви должен был стать первой искрой.

Зелтран не мог ни на миг оторваться от действия. Происходящее казалось ему невероятным, чудовищным, но в то же было удивительно притягательным. Так собравшаяся на казнь толпа любуется работой опытного палача. Седовласый был мастером своего действия.

— Но за первой искрой непременно следовала и вторая, — хриплым голосом произнесла девица, одновременно постанывая от ласк моряка.

Огоньки прекратили безумную пляску. Некоторое время они словно следили за движениями парня и девушки. Потом один огонек медленно приблизился к паре и опустился на растертую маслом спину моряка. За ним последовал еще один. Потом еще два. Один за одним они устремлялись к пирату. Он уже полыхал, но не прекращал двигаться. Начали отваливаться куски мяса, обугливались кости, а он все напирал на красотку. Зелтран был немало удивлен тому, что пламя перекинулось и на девушку. За миг до того, как пират и девица рассыпались прахом, голоса любовников слились в едином безумном крике наслаждения.

На сцене появился седовласый. Он наклонился, поднял с пола горсть пепла, оставшегося от двух избранных. Несколько мгновений он держал его перед собой, любовно разглядывая.

— Правда, они были хороши? — поинтересовался он. — Я давно не испытывал подобного

удовольствия. Вот это смерть! По-моему, о большем и мечтать нельзя. Хотя... Это было только начало. Мы продолжаем.

Вдруг раздался стук в дверь. Седовласый искренне удивился. Похоже, он не ожидал подобного развития событий.

— Прошу вас простить меня великодушно, — обратился он к пиратам. — Мы прервемся ненадолго.

Седовласый направился к двери. При этом он прошел буквально в двух шагах от Зелтрана, и боцману показалось, что хозяин борделя не дышит.

— Кто там? — поинтересовался бледный.

— Я! — Голос принадлежал женщине. И было похоже, что его обладательница уже теряла терпение. — Открывай скорее, дурак!

Седовласый не стал спорить и сразу распахнул дверь. В комнату влетело тело толстяка. У бедняги было перерезано горло. Затем вошла белокурая воительница, обряженная в кольчугу. Если бы Зелтран мог, он бы расхохотался. Как эту девицу еще никто не убил и не изнасиловал, было непонятно. Очень уж вид у нее вызывающий и вооружение бестолковое.

Но тут боцман обратил внимание на то, что с неестественно длинным мечом соседствует очень аккуратненький кинжал, как раз под руку девице. Из-под кольчужки выглядывал кожаный жилет, а звенья самой кольчуги как-то странно поблескивали. Боцман был готов об заклад биться, что сделана она была из какого-то непрочного,

но очень легкого металла. Мишуря, благодаря которой девицу просто не принимают всерьез. Толстяк, похоже, совершил именно эту ошибку, и результат, как говорится, налицо.

— Он не хотел меня пускать! — заявила седовласому девица.

— Правильно. Я ему запретил, — ответил бледный хозяин борделя. — У меня тут представление.

— У тебя всегда представление, — как-то обиженно произнесла девушка.

— Ты по обыкновению права, милочка, — не стал спорить седовласый. — Так что же заставило тебя отнять жизнь у не самого плохого моего слуги? Откуда такая срочность? Ты же знаешь, что я в любом случае выкроил бы для тебя время. Или ты столь нетерпелива?

Девушка была красной от едва сдерживаемой ярости.

— Я видела твоего брата!

— Которого? — встрепенулся вмиг посеревший седовласый.

— Откуда я могу знать? — удивилась девушка.

— И то правда, — махнул рукой бледный и добавил: — А он тебя не заметил? Ты ведь могла привести его прямо ко мне. Милая, скажи, что ты этого не сделала.

— Нет, конечно же, — улыбнулась девушка.

Зелтран как-то сразу не обратил внимания на то, что она была настоящей красавицей. Огромные зеленые глаза, пухленькие губки, чуть вздернутый носик.

— Я за последние седмицы Сартос от и до изучила, так что скрыться в его закоулках для меня не проблема, — молвила красотка.

— Удивительно, но я никогда не рассматривал тебя с этой стороны. Приготовься, сейчас ты испытаешь очень необычные ощущения. Такого мы с тобой еще никогда не проделывали.

Седовласый сделал шаг в сторону девицы. И упал замертво. Белокурая посмотрела на распростертое перед ней тело, развернулась и вышла прочь.

Зелтран попробовал пошевелить рукой. Не получилось.

Хотелось верить, что со временем к конечно-стям вернется подвижность. А в настоящий момент оставалось только сидеть и ждать. Рано или поздно кто-нибудь из моряков заглянет в бордель и освободит их. Интересно, девушки все еще рядом?

Тишину нарушили три хлопка в ладони. В комнате вновь зажегся свет.

Девушки исчезли. На краю сцены сидел толстяк в окровавленной рубахе. Горло его было целым.

— Понравилось представление? — обратился он к пиратам.

Зелтран попытался задать ответный вопрос: «Что происходит?», но не сумел. Магия седовласого все еще действовала на него.

— Чего молчите? — недоуменно произнес толстяк. — Мне лично не понравилось. Мир иллюзий и блаженства, познание наслаждения через

боль. Братишка всегда был немного извращенцем. Но ненормальным почему-то называют меня, а не его. Странно это.

Толстяк соскочил со сцены, подошел к дивану, на котором сидел Зелтран, взял оставленное пиратом вино и допил его.

— Синий бархат, синий бархат, — сказал он, проводя пальцем по стене. — По-моему, с ним связано какое-то его воспоминание. Он не очень-то сентиментален, но ведь в любом правиле есть исключения. Что же вы молчите?

Толстяк наклонился к Зелтрану и посмотрел боцману прямо в глаза.

— Скажи же мне, почему ты молчишь? Ты, наверное, не хочешь со мной разговаривать или... не можешь?

Зелтран постарался кивнуть без особой надежды успеха. Удивительно, но получилось.

— Вас заколдовали? — притворно ужаснулся воскресший мертвец. — Тогда я просто обязан вам помочь. Сейчас я прочитаю заклинание, и все встанет на свои места. Улюк-кубулюк-трапалюк! Хлоп!

Одновременно толстяк направил палец на одного из пиратов.

С руки заклинателя сорвалась искра и медленно полетела к цели. Когда она коснулась пирата, того объяло небольшое облачко, и вскоре он превратился в золотую статую верховного вендейского божества.

— Не получилось, — признал свою ошибку толстяк и поинтересовался у Зелтрана: — Или он

всегда таким был? Нет. Жаль, не повезло парню. Попробуем еще раз. Крахабак-ляперак! Шляк!

Теперь целью был избран сам Зелтран. Боцман с ужасом наблюдал за приближающейся искрой. Когда она коснулась его груди, каскад боли накрыл моряка, и он потерял сознание.

Глава 3

О том, чего на свете ну никак не может быть

о начала полного собрания второго и третьего кругов в заклинательной зале оставалось еще полколокола. Чтобы попусту не терять время, Ка-рун-Ра решил дополнительно обсудить общий план действий с Биресом, Арзаресом и Карфотом.

Бирес еще вчера вечером доложил главе первого круга о результатах своего похода на «Магическую» часть базара — вернее, о практически полном отсутствии этих самых результатов. Арзаресу, насколько он знал, вроде бы удалось найти что-то интересное. Карфот, похоже, потерпел неудачу.

Слепец стоял рядом со своим аквариумом. Рыбки, словно чувствуя близость хозяина, ожи-вились. Драки стали более ожесточенными. Бирес проверил магическое поле вблизи альбиноса. Ка-

рун-Ра не колдовал. Скорее всего, обитатели аквариума просто воспринимали настроение хозяина и в зависимости от ощущений меняли степень своей агрессивности.

Если эта догадка верна, то мысли у Слепца сейчас были отнюдь не радужные.

— Мне больше всего нравится вот этот, синий, — сказал альбинос, указывая на средних размеров рыбешку. От остальных она отличалась тем, что плавала как-то нервно, как будто ее держали за невидимые веревочки. — Он родился вчера вечером, сразу после того, как вы ушли, и до сих пор не проиграл ни одной схватки. Хитрый тип. Смотрите.

Навстречу синему плыла крупная желто-красная полосатая рыбка. Любимец Каруна-Ра сначала спокойно двигался ей навстречу, а потом неожиданно стал забирать вверх. Полосатый, сочтя подобное поведение явным проявлением трусости, проигнорировал маневр синего и продолжил плыть по прямой. Но тут внезапно синий своим коронным дерганым движением развернулся вокруг собственной оси и набросился на полосатого сзади. Несколько мгновений спустя жертва была разодрана на мелкие кусочки и съедена. Синий увеличился в размерах. Бирес с нетерпением ждал того момента, когда он начнет делиться. Вот он раздулся, вот вырос второй плавник... Еще немного — и будет две рыбки вместо одной.

— Этого я немного не понимаю, — прокомментировал Карун-Ра, — но вмешиваться пока не хочу.

Вместо большой синей рыбки, теперь плавали две маленькие. Зелено-фиолетовая в полоску и... синяя. Причем стиль передвижения последней по аквариуму полностью копировал манеру плавания ее прямого предка.

Некоторое время все четверо молча наблюдали за синей рыбкой. Бирес был готов поспорить, что каждый из магов думает об одном и том же: нет ли какой-нибудь связи между поведением любимцев Каруна-Ра и недавними пророчествами полуживого оракула? Хотя, возможно, что это всего лишь маленький спектакль, с непонятной целью разыгранный Слепцом.

— Ладно, — проговорил наконец альбинос. — Давайте вернемся к нашим насущным проблемам. Пусть каждый еще раз поделится тем, что ему удалось разузнать. Может, совместными усилиями мы и соберем эту мозаику. В одиночку у меня ничего не вышло. Бирес, мы слушаем тебя.

Худощавый маг подошел к столу. Налил себе немного настойки из графина. Пользоваться магией не хотелось. Через полколокола поколдовать удастся вдоволь.

Напиток горчил. Зато опьянение от него было хорошим. Голова очищалась, мысли текли быстрее...

— Ничего существенного мне вчера не попалось. Вроде бы, все как обычно. Один маг на десяток мошенников. Нашлось несколько не совсем понятных личностей, которые меня заинтересовали. Попытался копнуть их поглубже.

— Что?! — Карфот позеленел.

Реакция нормальная и предсказуемая. Если бы одного из Хозяев застукали за использованием подобных заклинаний до окончания расследования, скандал поднялся бы еще тот.

— Я аккуратно, — пожал плечами Бирес. — Никто ничего не заметил. Зато я сумел найти нечто насколько удивительное, настолько и приятное. Заинтересовавшие меня маги проверяли те артефакты, что сбываются на «Магической». Искали подлинники, негодяи. Под шумок. Надеялись, что мы даже не предположим в них подобную наглость. Так что теперь нам есть, что предложить нашим дорогим гостям, когда они начнут дружно возмущаться по поводу нашего сегодняшнего колдовства.

— Все это, конечно, замечательно, Бирес, — неторопливо произнес Арзарес. — Но удалось ли тебе обнаружить что-нибудь, связанное со вчерашним пророчеством?

Бирес взял небольшую паузу, обдумывая, стоит ли делиться некоторыми из своих предположений. Наконец он решился.

— Слепец, это сложно передать словами. Просто смутные ощущения. Вчера на «Магической» происходило нечто странное, хотя сторонний человек вряд ли бы это заметил. Разговоры, что вели меж собой продавцы и покупатели, были немного иными. Даже интонации изменились. А еще мне не понравились лица. Улыбки, где их не должно быть, ярость, что проявляется абсолютно не к месту. И таких мелочей сотни, если не тысячи. Я пытался проникнуть в суть своих сомнений,

ний, понять, в чем же здесь проблема. Но ничего не вышло.

— Мои люди тоже сообщали о чем-то подобном, — добавил Карфот.

Это был весомый аргумент. Бирес понял, что не ошибся. Раз уж его заклятый враг соизволил с ним согласиться, да при этом еще и колкости не вставил, значит, дела обстоят совсем плохо.

— Безумие охватывает Сартос? — выговорил Карун-Ра. Кому он адресовал этот вопрос, осталось загадкой. То ли себе, то ли гостям...

Вертлявая синяя рыбка расправилась еще с одним сородичем. Бирес почувствовал, как в нем зреет желание прихлопнуть этого питомца Каруан-Ра...

— Возможно, что все происходящее, — сказал Арзарес, — является результатом воздействия «Камня».

— Я склонен с тобой согласиться, — кивнул магу Слепец. — Расскажи остальным, что тебе удалось узнать.

— Вчера я ходил в библиотечный архив. Меня интересовало все, что касалось попавших в шторм кораблей. То, откуда они отправлялись, куда держали путь, по какому курсу двигались. Я помнил, что «лиловые» пару седмиц назад ходили по кораблям и выясняли у капитанов, что да как. Взяв себе в помощники библиотекаря из бывших моряков, я поделил область шторма на участки и принялся вычислять, в которых большего всего кораблей отправилось на дно. И мне открылась интересная картина. Участки, которые находи-

лись от сердца бури дальше всего, оказались самыми безопасными. За одним исключением. Те корабли, что пересекали отрезок пути от Сартоса до центра шторма, неизменно тонули. Получилась своеобразная полоса смерти. Я считаю, что именно по ней двигался «Камень». Корабль, везший его, погиб не в самом начале бури, как мы предполагали, а в тот момент, когда до Побережья оставалось два-три дня пути. Что погубило его, не знаю. Но, возможно, мы еще живы только благодаря тому, что «Камень» не достиг тогда берегов.

— Как видите, картина безрадостная, — сказал Карун-Ра. — Нам известно, что «Камень» где-то рядом, но мы ничего не знаем о нем самом. Людям Карфота не попалось ни одной достойной внимания записи.

— Слепец, ситуация очень серьезная, — обратился к главе Хозяев Бирес. — У меня все меньше уверенности в том, что предсказание нельзя толковать буквально. Возможно, не стоит ставить «завесу».

— Справимся без Тот-Амона, — заявил Карун-Ра. — Если все и вправду так плохо, как тебе представляется, то мы вполне можем рассчитывать на помощь оракула в спасении нашего бренного мира.

Бирес неодобрительно покачал головой, но возражать не стал.

— Время, — напомнил Арзарес. — Нам пора отправляться.

Карун-Ра кивнул и начал читать заклинание.

Бирес немного этому удивился. Он думал, что Слепец решится поберечь силы и на этот раз обойдется без магических тоннелей, тем более что в саму заклинательную залу открыть проход невозможно. Слишком большие магические силы сосредоточены внутри нее. Сами стены залы за долгие годы успели насквозь пропитаться остатками брошенных там заклятий. Слепец мог доставить компанию своих коллег лишь в один из близлежащих коридоров. Так что, хочешь — не хочешь, а прогуляться все равно придется.

Слепец завершил заклятье, вытер рукавом хламиды пот со лба и подмигнул Биресу:

— Не сомневайся, мы победим! И без всяких Тот-Амонов.

— Хотелось бы верить, — сказал Бирес и вступил в открывшийся портал.

А когда вышел из него, то так и замер с отвисшей челюстью. Даже то, что его созерцают свыше полусотни магов двух низших кругов, не могло привести его в чувство. Карун-Ра только что совершил невозможное. Достань альбинос луну с неба, маг удивился бы этому куда меньше.

Из ступора Биреса вывел немилосердный толчок в спину. Арзаресу надоело ждать, пока ему наконец соизволят освободить дорогу. Тому, что портал открыли непосредственно в заклинательную залу, гигант нисколько не удивился. Во всяком случае, на лице его это никак не отразилось.

Вошедший третьим Карфот вскинул правую бровь — и этим ограничился. Бирес решил, что в такой невозмутимости сказывается его работа с

«лиловыми». Конфиденту застывать с открытым ртом не положено.

Карун-Ра вошел в залу с таким видом, будто порталы сюда он открывал чуть ли не ежедневно. Окинув взглядом комнату и убедившись, что все на своих местах, он прошел к месту первого заклинателя, точке, на которую сводилась вся магическая энергия, концентрировавшаяся в комнате.

Устройство заклинательной залы позволяло обойтись без таких устаревших приемов, как создание колдовского круга. Маги просто занимали те позиции, которые соответствовали их непосредственным задачам при работе с заклятьями. Каждый мог сосредоточиться на выполнении исключительно своих магических действий. К тому же, в случае ошибки одного заклинателя остальные не должны пострадать.

— Всем известно, зачем мы здесь? — спросил Карун-Ра. — На всякий случай напомню. Сейчас мы создадим завесу, которая существенно снизит возможные магические проявления, связанные с рунической и начертательной магией. Причину называть, я думаю, не стоит. Все знают о пророчестве. Мы рассматривали предложение по ограничению абсолютно всех магических проявлений, но, во-первых, это подорвало бы не только силы возможных, прошу простить меня за это слово, ставленников оракула, но и наши с вами; а во-вторых, нам пришлось бы держать ответ перед другими магическими сообществами. Конечно, проблемы возникнут и после применения ны-

нешнего заклятия, но, насколько мне известно, начертателей в Сартосе — считанные единицы, и с их недовольством мы разберемся.

Бирес слушал вполуха. Этую речь они на пару с Каруном-Ра составили сегодня утром у него в кабинете.

— Прошу всех разойтись по отведенным вам позициям, — сказал Слепец. — Мы начинаем.

Биресу, как и прочим собравшимся, за исключением главы Хозяев, роль была отведена элементарная. Надо было просто призывать на себя силу и изливать ее на Каруна-Ра. Правда, не непрерывным потоком, а делая небольшие, в пару вздохов, паузы.

Чтобы лучше сосредоточиться, Бирес закрыл глаза. Типичный прием у магов Черного Круга.

Сколько времени ушло на построение завесы, Бирес не понял.

Вначале он еще пытался отследить происходящие вокруг явления, но вскоре ему это приснулось, и он с головой погрузился в ласкающие волны океана магических энергий.

Пробуждение было неприятным. Краски реального мира показались Биресу чересчур яркими, режущими глаз. Маг зажмурился и помотал головой в надежде восстановить четкость зрения. Помогло, хотя и не сильно. Каруна-Ра он видел, а вот выражения его лица был разобрать не в состоянии.

«Ладно, — подумал Бирес, — раз Слепец всех нас в пасть к Нергалу отправить не грозится, значит, все прошло нормально. Теперь от осталь-

ного мира Сартос отделяет плотная магическая завеса».

— Неплохо, весьма неплохо, — голос доносился от двери, ведущей в заклинательную залу.

Бирес резко обернулся. Рядом со входом в комнату, опершись на копье, стоял стражник с лиловой повязкой на рукаве. Бирес протер глаза, решив, что это обман зрения. На двери залы лежали самые сильные в особняке защитные заклятия, обойти которые не смог бы сам Тот-Амон. А тут — простой стражник...

— Кто вы такой? — вежливо поинтересовался у гостя Карун-Ра.

— Ваш новый господин, — сказал стражник.

Бирес наконец смог его разглядеть. Это был Ксарти, молодой кареглазый паренек, всего три месяца назад поступивший на службу к Хозяевам. Если бы не тон, с которым обращался Карун-Ра к стражнику, Бирес точно бы оставил от него кучку пепла.

— Спорное утверждение, — заметил Слепец.

— Отнюдь, — сказал Ксарти. — Я могу сделать с вами все, что захочу.

Страж щелкнул пальцами, и пять магов третьего круга один за одним упали на пол. Бирес почему-то ничуть не сомневался, что встать им уже не суждено, разве что кто-нибудь решит в некромантии попрактиковаться.

— Если вы думаете, что я убил их просто так, то вы ошибаетесь. Эти пятеро желали моей смерти, хотя я им ничего дурного не сделал.

Внезапно Ксарти резко развернулся направо,

и двое магов, на которых пал его взгляд, превратились в живые факелы.

— Не рекомендую пытаться бить мне в спину, — обратился Ксарти к собравшимся. — Я это почувствую и нанесу удар первым.

Бирес про себя усмехнулся. Он не верил, что Ксарти способен читать мысли. Это искусство было утеряно в стародавние времена, а многие видные маги и вовсе считали, что в самой природе человека произошли изменения, которые навсегда закрыли ментальным магам доступ в чужое сознание. Просто Ксарти неплохо разбирался в людях. Маги — существа импульсивные, и вполне можно допустить, что кто-то из них и в самом деле возжелал прихлопнуть незваного гостя. А теперь, после семи трупов, пыла у смелчаков поубавится.

— Дураки получили по заслугам, — одобрил действия гостя Слепец.

— Я вижу, вы мне верите, — сказал Ксарти. — Вы умный человек, если конечно эту характеристику вообще можно применить к людям. К примеру, ваши собратья по ремеслу доказывают, что делать этого не стоит. Придется с ними немного поработать.

Внезапно Бирес почувствовал слабость, из-под ног исчезла опора, мысли стали путаться.

— Я не понимаю, что сейчас со мной происходит, — словно со стороны услышал он свой голос.

Одновременно с ним заговорили все собравшиеся в зале маги.

— Моих знаний и способностей недостаточно,

чтобы оценить сложившуюся ситуацию... С каждым вздохом уверенность в моих силах покидает меня, а страх заполняет душу... Я не верю странному гостю и хочу убить его...

— Хватит! — приказал Ксарти.

Оцепенение спало. Бирес понял, что несколько мгновений назад неизвестный маг взял да и вывернул его сознание наизнанку. Он извлек из головы Биреса его мысли и заставил произнести их вслух.

— Ваши способности вызывают уважение, — сказал Карун-Ра.

— Ваши тоже, — ответил комплиментом на комплимент Ксарти. — Вы упорно гоните из головы все нежелательные мысли, заполняете сознание незначительными образами. Достойное похвала усердие. Вот только все это без толку. Я знаю, что вы жаждете моей крови больше всех в этой зале. Следовало бы вас прикончить, но вы ведь все равно ничего не сможете мне сделать, а губить такой талант было бы слишком расточительно.

— Позвольте мне повторить свой вопрос, — совершенно спокойно проговорил Карун-Ра. — Нам всем было бы проще, если бы вы объяснили, кто вы такой. Господин — не господин, это дело третье.

— Вам нужно мое имя? — сказал стражник. — Этого паренька звали Ксарти. Можете и меня называть так же.

— Вообще-то я имел в виду сущность, — уточнил Карун-Ра. — Вы ведь не человек?

— Я дух, — сообщил Ксарти. — А вы все — мои пленники. Я мог бы спокойно дергать за ниточки, и вы, как послушные марионетки, исполнили бы мои приказания. Но я предпочитаю иметь слуг со свободной волей. Они куда полезнее.

Ксарти прервался на секунду, покачал головой — и миг спустя еще десять магов упали замерзть.

— Как мне это надоело! Хотя, может, это было и к месту. Хорошая иллюстрация к моим следующим словам. Помните, я могу убить любого из вас в любой момент и тем способом, который сочту наиболее подходящим. И я сделаю это, как только почувствую, что вы всерьез решили меня предать. Можете меня ненавидеть, желать мне смерти и прочее... На здоровье. До тех пор, пока вы на моей стороне, я вас не трону.

— Раз уж речь зашла о сторонах, — сказал Карун-Ра, — видимо, имеется некто, с кем вы планируете бороться?

— Да. В Сартосе вскорости должны объявиться трое моих братьев. Естественно, у нас не было общей матери по крови, но ведь вам, людям, нужны понятные вам термины.

— Так легче общаться, — улыбнулся Слепец.

— Тогда, пусть будут «братья», — согласился Ксарти. — Я не могу дать вам их описание. Они, как и я, — духи, а потому способны легко перемещаться из одного тела в другое. Но узнать их все-таки возможно. У каждого есть одна отличительная черта.

— Ксарти, а вы сами способны их узнать? — перебил гостя Карун-Ра.

— Да, но для этого мне надо подойти к ним достаточно близко. А это опасно. Потому я здесь. Вы найдете их для меня, а затем уничтожите.

— Неприятная перспектива, — сказал Слепец, — но вы не оставляете нам выбора. Расскажите о каждом из них.

— Первый — самый опасный. Он хитер, словно лис, и изворотлив, как змея. Я не знаю, чего от него можно ожидать. К счастью, у него есть слабое место. Он нетерпелив, а властолюбие его не знает границ. Можете мне поверить, самое малое, что его устроит в вашем мире, — это роль бога.

— Судя по всему, от него стоит ожидать самых активных действий?

— Да! Вот только куда он ударит и каким оружием, не будет ясно до последнего момента.

— Что скажете о следующем? — поинтересовался Карун-Ра.

— Его слабость — любовь к плотским утехам. Он постарается перепробовать все способы, что изобрел человек для удовлетворения похоти, а когда переберет их все, примется изобретать новые. С ним справиться будет легче всего. Он плохой стратег и никудышный воин, все его мысли направлены лишь на получение удовольствия. Но предупреждаю заранее, этому моему брату частенько сопутствует удача. Столько раз он умудрялся уйти сухим из воды!

— Наша первая жертва?

— Я не ставлю вам очередности, но думаю, что именно этого любителя горяченького вы обнаружите первым.

— Остался еще один.

— Последний мой брат... Он — безумец. Поступки его не логичны совершенно. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующий момент. И самое обидное, что он сильнее нас троих вместе взятых. Даже одно пребывание его среди люди заражает их безумием, они начинают творить совершенно непостижимые вещи, уверенные при том в здравости своих действий.

— Мне кажется, этот ваш брат уже в Сартосе, — сказал Карун-Ра. — Появились первые признаки того массового безумия, о котором вы говорите.

— Надеюсь, что хотя бы остальных пока нет в городе.

— Вы уверены, что они появятся? Сартос — отнюдь не столица мира.

— Они придут, — сказал Ксарти. — Я в этом не сомневаюсь. Ваш мир слишком тесен для нас четверых. И прежде, чем отправляться покорять его, следует довершить начатую партию. Доской на этот раз будет Сартос.

Карун-Ра обвел взглядом всех оставшихся в живых магов. Бирес прочитал в его глазах молчаливый приказ подчиняться странному духу, забредшему на огонек. Слепец выглядел уставшим и надломленным. Таким его Бирес еще ни разу не видел.

— Наш разговор окончен, — сказал Ксарти, —

можете идти. Только помните о своей новой цели и о моем предупреждении. И еще одно! Никому не говорите ни слова о том, что здесь сегодня произошло. В городе должны думать, что у Хозяев все как обычно. Я не собираюсь оповещать братьев о своем визите.

Бирес развернулся и пошел к выходу. Ему предстояло пройти всего в нескольких шагах от Ксарти. На губах духа играла победная улыбка. Бирес на миг заглянул в карие глаза стражника, но, вопреки ожиданиям, не заметил в них ничего необычного.

Маг так и не понял, что заставило его обернуться. Наверное, желание еще раз убедиться в том, что все произошедшее — реальность, а не фантом, созданный магией Слепца.

Четверо Хозяев второго круга приближения так и не сдвинулись со своих мест. Стояли, замерев, словно статуи, и смотрели то на Биреса, то на Ксарти.

— Что с ними? — спросил Бирес у духа, дивясь собственной храбрости.

— Они нужны мне для экспериментов, — сказал Ксарти. — Я, подобно вам, увлекаюсь магией. Это, если так можно выразиться, моя отличительная черта. Если бы вы были с ними дружны, Бирес, я бы дал вам возможность попрощаться, но вам ведь до них нет никакого дела, так что прошу меня не задерживать. И еще. Если из библиотеки начнут исчезать книги, не беспокойтесь, это я их сюда перемещаю.

Как только Ксарти закончил фразу, дверь в

заклинательную залу затворилась, при этом чуть не дав Биресу по носу.

К себе в комнату маг пришел уже полностью опустошенный. Он упорно гнал из головы мысли о Ксарти, его братьях и собственной горькой судьбе.

Сомнений в том, что после того, как Хозяева прикончат всех трех духов, четвертый разберется с ними, у Биреса не было.

Замкнутый круг, который никак не разорвать. Спасти можно было лишь расправившись с Ксарти. Но стоит созреть в голове какому-нибудь достаточно реалистичному плану, как дух тут же почувствует это и расправится с вольнодумцем.

Бирес решил, что ему нужно немного отвлечься. Ксарти ничего не говорил о том, чтобы немедля приступать к поиску его братьев. Скорее, наоборот, предостерегал от необычного поведения.

А если все Хозяева, словно ищейки, начнут рыскать по Сартосу, это точно привлечет нежелательное внимание.

Маг подошел к зеркалу и начал изменять черты своего лица. Уменьшил нос, сменил цвет глаз, сделал так, чтобы на щеках выросла коротенькая щетина.

Слабенькая личина, способная обмануть лишь далеких от магии людей, но нельзя было забывать о запрете на магию в пределах Сартоса. Каждый раз, отправляясь на базар, Бирес хоть немного, но изменял свой облик. Ему не хотелось,

чтобы по городу ходили слухи, что один из Хозяев пару-тройку раз в седмицу покупает маленьких девочек, которые потом пропадают без следа.

Бирес мысленно уже предвкушал грядущее развлечение. На сегодня он решил взять северянку, юную пташку из Нордхейма или Бритунии. Когда ему прискучат ее ласки, он обратит ее в маленькую сойку.

Глава 4

Об изменчивости мира

«Морском Змее» было многолюдно. Пираты праздновали уход бури. Они достали из тайников свои последние монеты и отправились на постоянный двор, чтобы хорошенъко напиться в честь воцарения нормальной погоды. Это радостное настроение передалось и девицам, что обслуживали моряков. А может, дело было в том, что с прекращением бури утратит силу и повеление Хозяев «о бесплатном удовлетворении потребностей мореплавателей, бедствие претерпевших».

Коратцо веселился наравне со всеми. И делал он это совершенно искренне. По дороге в Сартос он долго размышлял над тем, чем следует заняться в первую очередь. Из воспоминаний зингарского капитана он извлек наиболее важные знания о жизни современной Хайбории. Мертвый пират оказался человеком на редкость непросве-

щенным, но даже из его скучного опыта духу стало понятно, что со временем последнего воплощения в мире изменилось практически всё.

Можно, конечно, было совершить пару перемещений, посмотреть на мир глазами других людей, но Коратцо сомневался, что от этого будет существенная польза. Он, конечно, наберется новых знаний, но почувствовать ритм жизни так и не сумеет. Куда проще пообщаться с людьми в обстановке свободы и веселья.

Духа немного смущало то, что в «Морском Змее» Коратцо уже бывал, а это означало, что его могли узнать. Но этим опасениям он не придал большого значения. Все знания зингарца ныне были в полном распоряжении духа. Старые знакомые пирата никогда бы не догадались о том, что у его тела появился новый распорядитель.

— Красавчик, не желаешь покуыркаться? — спросила Коратцо симпатичная девушка с россыпью золотых кудряшек.

Один из его братьев с радостью откликнулся бы на это предложение, Коратцо же сразу попытался оценить его со стратегической точки зрения. С одной стороны, он мог остаться за игральным столом, продолжить метать кости и пить вино. Рано или поздно его тело бы не выдержало, и хмель начал бы проникать в голову, а он точно помнил по предыдущему разу, что без погружения в состояние опьянения сути человека не понять.

С другой стороны, постельные утехи были одним из самых распространенных среди людей за-

нятий. Вот только вряд ли в этом деле хоть что-то изменилось за все прошедшие годы.

Девица, чувствуя душевные метания пирата, решила оказать на него прямое физическое воздействие. То бишь, взяла и поцеловала, прижавшись к нему всем телом.

Коратцо понял, что теперь у него выбора не осталось. Оттолкни он от себя девушку, и товарищи по игре в кости обрели бы все основания усомниться в его постельных предпочтениях. Это раньше можно было спокойно развлекаться и с людьми любого пола и любого возраста, и с животными. Сейчас подобные утеша общества отвергало. Зингарский пират за свою недолгую жизнь успел хорошо погулять, и у духа не было никаких оснований не доверять ему в этом вопросе.

Коратцо прервал поцелуй, взял девушку на руки и понес на второй этаж. На лестнице клубились облака магического тумана, создавая ощущение восхождения на небеса. Дух отметил для себя, что людям, должно быть, нравятся такие дешевые эффекты. Жизни их слишком коротки, и у них просто нет времени проникать в суть вещей, а оболочка всегда доступна взгляду.

Коратцо заглянул в мысли девушки, что сейчас покрывала поцелуями его шею.

«Интересно, сколько монет получится стрясти с этого хорька? Проклятые стигийцы лишили нормального заработка! Сет знает, на что теперь приходится соглашаться, чтобы наутро хоть пару медяков оставили».

Ничего заслуживающего внимания в этой симпатичной головке не водилось. Зато у девушки были потрясающие волосы, прекрасные голубые глазки, полные губки. Фигурка тоже ничего. И эта красивая внешняя оболочка заслоняла собой внутреннюю пустоту. Похоже, в этом отношении со временем прошлого воплощения ничего не изменилось.

— Нам туда, — прошептала девушка, покусывая ухо зингарца. — Вторая дверь налево.

И тут перед Коратцо замаячила одна проблема, о которой он вначале не подумал. Еще на подходе к Сартосу он решил пойти на риск и придать телу некое подобие жизни. Он привел в порядок сердце, желудок и легкие. Без этого не обойтись. В прежнем состоянии он даже кружку вина выпить бы не смог нормально. Вопреки его опасениям, отец не появился — или просто не стал надоедать разговорами. Но теперь, чтобы предаться утехам на любовном ложе, ему вновь придется прибегать к магии.

Девица тем временем, словно желая напомнить духу о его непредусмотрительности, начала ласкать его чуть ниже пояса. Коратцо выругался про себя и бросил заклятье. Все пришло в нормальное, а вернее сказать, соответствующее состояние.

— Ты что-то сказал, милый? — нежно спросила девушка.

«Ненормальный. Точно ненормальный. И зачем я только сюда работать-то пошла? Знала бы мама, что тут творится! Эти моряки в странах

полуденных такого нахватаются, а потом здесь давай практиковать... Ни стыда, ни совести!»

— Спросил: как тебя зовут?

«На каком это, интересно, языке меня так звать могут? Глухая я, что ли?!»

— Марта.

— Ты из Аквилонии? — Года три назад зингарский пират встречался с премилой девушкой из Тарантии по имени Марта. Впрочем, его восхищение сией юной прелестницей не помешало ему продать ее в рабство, когда чувства поутили.

— Из Немедии, но если тебе больше нравятся аквилонки, то я не прочь на время стать одной из них.

Коратцо ногой отворил дверь, на которую указала ему девушка. Рукой было бы удобнее, но среди пиратов подобная куртуазность была не в чести.

— Мне нравятся просто красивые девушки, — сказал дух.

Он положил Марту на кровать, улыбнулся краешком губ и начал освобождать ее от платья. Склонившись над ней, он шептал ей нежные слова и одаривал поцелуями. Девушка просто лежала и наслаждалась, вопреки обыкновению не спеша брать инициативу в свои руки.

«Он — милый».

Коратцо знал, как нужно себя вести в подобной обстановке. Частично он использовал свои старые воспоминания, частично обращался к опыту зингарца. В первую очередь духа интересовало, как быстро у него получится завоевать сим-

патии отдельно взятого человеческого существа. Начинать ведь, как известно, лучше с малого.

А во-вторых, после того, как они с Мартой наслаждаются друг другом, Коратцо планировал по-расспросить ее о мире и людях, его населяющих. Поэтому и надо действовать так, чтобы девушка укоренилась в мысли о том, что «он — милый». Это заметно облегчит разговор.

Когда минуло два колокола, они лежали на смятых простынях и потягивали красное вино, бутыль которого девица извлекла откуда-то из-под кровати.

Коратцо почти физически ощущал, как в нем нарастает чувство раздражения. Он впустую потратил целую гору времени. Ничего нового о таинствах любви ему так и не удалось узнать. Все как было, так и осталось. Что взять с существ, у которых тело постоянно берет верх в борьбе с мозгом?

«Как же замечательно! Вот бы этот морячок остался еще на пару деньков. Давно так хорошо не было».

В мыслях девицы уже значительное время не происходило никаких изменений. Коратцо признался самому себе, что он, видимо, малость перестарался. Вести сейчас разговоры с Мартой смысла не имело. Все равно ничего вразумительного девица сказать не сможет. Надо что-то делать.

Он уже приготовился кинуть заклятье, как в голове раздался знакомый до боли голос:

— Здравствуй, сынок. Смотрю я на тебя и

удивляюсь. Вроде бы раньше за тобой таких склонностей не водилось.

— Я стремлюсь познать все!

Заняться все равно нечем, так почему бы немного не пообщаться с отцом?

— Не думаю, что в этой области тебе приоткроется что-то новое.

— Я уже понял. Люди ограничены строением своих тел.

— Ошибаешься, — рассмеялся отец. Коратцо уже не удивился проявлению эмоций. — Это ты ограничен. Твой брат каждый раз умудряется отыскивать новые аспекты наслаждения.

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя самые низкие из всех четырех способности к восприятию чувств. Именно поэтому ты и шатаешься по борделям, напиваешься, играешь в кости, снимаешь девиц на ночь. Ты не знаешь, что такое азарт игры, каково сжимать в объятьях нежное девичье тело. Тебе не дано насладиться даже чувством опьянения.

— Мне это и не нужно, — мысленно ответил отцу Коратцо. — Я лишь желаю понять, как люди относятся к этим вещам.

— И как? Получается? — ехидно спросил голос отца.

— Плохо, — признался дух Камня.

— Тогда позволь тебе немного помочь. Ты никак не мог решиться привести девушку в чувства, боялся, что появлюсь я и помешаю вашему разговору. Мне больно смотреть на твои мучения. Прими мое заклятье, как знак доброй воли.

Коратцо ощутил какое-то движение в магических сферах. Отправную точку, правда, различить не удалось. Но это уже был шаг вперед. Пожалуй, и дальше стоит тешить самолюбие отца. Еще пара таких вмешательств — и можно будет понять, как он творит волшбу.

— А я так и не спросила, как тебя зовут? — сказала Марта.

— Коратцо, — ответил дух.

Он быстренько проверил мысли девушки и остался доволен. Отцовское заклятие вернуло ей способность к нормальному общению.

— И чем ты занимаешься? Ты похож на капитана корабля.

— Я и вправду похож на него, — признался дух. — Когда-то это тело принадлежало одному зингарскому пирату. Но сейчас он мертв, а я живу в его оболочке.

— Кто же ты тогда на самом деле? Бог?

Девушка не поверила ему ни на йоту. Решила, что это всего лишь игра.

Может, так даже и лучше.

— Нет, но я хочу им стать. Я — дух. Долгие годы мы с моими братьями и отцом жили в предмете, который принято среди людей называть артефактом.

Марта звонко рассмеялась. Коратцо прочитал в воспоминаниях мертвеца, что мужчинам такой смех очень нравится.

— Это правда, — подмигнул он ей. Если она и дальше будет думать, что это шутка, то у него появится возможность пообщаться с девушки

на равных. — Давным-давно мы все пятеро уже жили среди людей.

— И вам так не понравилось, что вы решили вернуться в свой артефакт?

— Нас к этому вынудили, — ответил Коратцо. — Неприятная история. Мне не хочется о ней говорить.

— А о чем хочется? — спросила Марта, поддвигаясь к нему.

— О мире, какой он сейчас. Отец говорит, что у меня проблемы с восприятием окружающих меня вещей. И временами я склонен признавать его правоту.

— Дух, — возбужденно спросила девушка, — а ты очень силен?

— Сложный вопрос. Смотря с кем сравнивать. Тебя, наверное, интересуют люди? Так я намного могущественнее любого человеческого мага.

— Это здорово! Можешь мне что-нибудь на колдовать?

— Могу, но не буду. Тогда ты не захочешь со мной дальше разговаривать, а начнешь клянчить безделушки.

— Твой отец прав, — надула губки Марта. — Девушек ты точно не понимаешь. Нельзя такие вещи говорить.

Коратцо нахмурился.

Он вовсе не собирался обижать Марту. Опыт зингарца подсказывал ему, что он избрал правильную линию поведения. Где он допустил ошибку, было непонятно.

— Не злись, — попросил дух девушку. — Хо-

чешь, я расскажу тебе, почему нас загнали в Камень?

— Камень? — переспросила Марта.

— Да, тот артефакт, в котором мы жили. Один из моих братьев как-то обмолвился, что название это не слишком романтичное. Он предложил именовать наш дом Изумрудным Глазом Дракона или, на худой конец, Черной Смертью Одинокой Мышки-Полевки.

Марта рассмеялась.

— Я всегда завидовал его чувству юмора, — спокойно сказал Коратцо. — Я могу рассказать какую-нибудь старую шутку, но придумывать новую остроту, увы, не в состоянии. С оценкой чужого остроумия, как видишь, у меня тоже проблемы. До этого момента я думал, что он тогда говорил серьезно.

— Не уходи от темы, — сказала Марта, сстроила строгую гримасу и погрозила Коратцо пальчиком.

— В прошлое воплощение, — начал свой рассказ дух Камня, — мы жили куда дружнее, чем сейчас. Нас сплачивала общая ненависть к одному человеку, нашему отцу.

Мне не передать словами, как больно быть вырванным из привычного мира, в котором ты был счастлив и законы которого понимал. Отец извлек наши сущности из Камня и использовал их в качестве оружия против своих врагов. Он был очень умен и талантлив, но ему не хватало опыта. Это его и сгубило.

Как только отец обрел над нами власть, он ре-

шил проверить ее пределы, предоставив нам видимость полной свободы. Но мы были слишком напуганы произошедшими переменами и совсем не знали окружающего мира, а потому даже и не пытались вырваться из-под связывавшего нас заклятия. Отец тогда не понял этого.

Шли годы. Одно за одним человеческие государства признавали над собой власть юного мага, а мы четверо постепенно обретали себя в этом мире...

— Ты так здорово рассказываешь, — умиленно произнесла Марта. — Считай, что я тебя простила. Но историю я все равно хочу дослушать до конца.

— И вот однажды мы решили, что сумеем прожить и без своего отца. Для того, чтобы разорвать сдерживающие нас узы, даже больших усилий не потребовалось. Но мы все-таки немного побаивались человека, которого столь долгое время величали повелителем.

Мне сложно говорить за других, но лично я был ему благодарен за то, что он сделал. Мир человеческий не в пример богаче мира Камня. Новое существование было хоть и сложнее, зато намного интересней.

Теперь, спустя много лет, я понимаю, какую мы допустили ошибку, сохранив жизнь нашему отцу. Он просто не смог поверить в то, что мы можем его простить. Он ждал, что мы вернемся и расправимся с ним. Возможно, кто-то из нас и был не прочь так поступить. Мне тяжело понять ход мыслей моих братьев.

Уже тогда я решил для себя, что хочу быть богом. Это сложная задача, но выполнимая. Я начал возводить храмы в свою честь и заставлял людей возносить мне молитвы. Понемногу я преображался, но эффект получался не тот, на который я рассчитывал. Такими темпами я стал бы богом лет через четыреста-пятьсот.

Мне этого времени не дали. Отец поборол свои страхи и начал действовать. Он устроил на нас настоящую охоту. Не забывай, он был властелином почти половины всех населенных земель. Его конфиденты рыскали повсюду, искали нас четверых. Отец раздал им оружие, способное разрушить нашу связь с этим миром и загнать нас обратно в Камень.

— И так он вас пленил, одного за другим?

— Нет. Жертвами его слуг стали лишь двое моих братьев. И тогда мы решили убить нашего отца.

Оставшийся в живых брат за время своего свободного существования очень сильно продвинулся вперед в искусстве магии. Он основал школу, где проводил дни и ночи, ставя свои бесчисленные эксперименты. Сколько усилий стоило мне оторвать его от них?! Даже узнав о гибели братьев, он не поверил в серьезность опасности, повисшей над нами. Лишь напомнив ему о тех книгах по магии, что хранились в библиотеке отца, я убедил его присоединиться к моему походу.

Именно походу! Тысячи моих прихожан встали под знамена армии, что я повел к цитадели отца. Мы выдержали много битв. Хотя без помо-

ши магов, что привел мой брат, победить было бы сложнее. И вот мы окружили башню, где скрывался отец.

Не сговариваясь, мы с братом покинули войско и направились к месту нашего рождения в этом мире. Отец нас ждал. Он улыбался. Брат хотел уничтожить отца, но я попридержал его. Мне хотелось узнать причину его веселья. Тогда я уже начал понимать, что в эмоциях людей может скрываться очень многое.

Я спросил у отца, что смешного он видит в том, что умрет через мгновение. Он ответил, что ему и вправду впору бы плакать при виде той глупости, что сотворили те, кто именует себя его сыновьями. Он указал нам на воинов, что пришли со мной, и на магов, что пришли с моим братом.

И я узрел все то, чего не видел раньше. Все эти люди ненавидели всех нас, они желали расправиться с нами. И я понял, что им достанет сил уничтожить и нас, и отца.

Тогда отец и предложил нам уйти обратно в Камень, сказав, что отправится вместе с нами. Мы согласились. Отец начал творить волшбу и так увлекся, что не заметил, как мой брат немногого подправил его заклинание. Не знаю, желал ли он убить отца и у него не вышло, или задумывал что-то другое, но так или иначе отец остался в живых, в некотором роде утратив свою телесность. Даже в Камне он был чем-то вроде сгустка мыслей.

Наше путешествие в мир людей и обратно то-

же сыграло с нами злую шутку. Мы уже просто не могли жить как раньше. У нас появились мысли и стремления. У каждого, разумеется, свои. А мир Камня очень узок, потому все время мы тратили на борьбу друг с другом и призраком нашего отца.

Я полагал, что после воплощения моя ненависть к братьям поугаснет, но я ошибался. Как и прежде, я жажду их крови.

«Браво, сын! Ты не разучился произносить речи.»

«Убирайся прочь!»

Марта заворожено смотрела на воплощенного духа. Коратцо подумал, что она таких историй с детства не слышала. Заглянул в ее мысли и убедился в своей правоте.

— И чем ты сейчас собираешься заняться? — спросила девушка. Она была согласна играть дальше. Не хотела обрывать сказку на самом интересном месте.

— Для начала найду братьев и убью их. На этот раз — окончательно. Камня ведь больше не существует.

— Что с ним стало?

— Не знаю. Мы вырвались на свободу, а Камень утратил свои свойства и сгинул в пучине морской. Если будет возможность, поинтересуюсь, что же там произошло, у своего братца-мага — прежде, чем его убить.

— Потом снова начнешь возводить храмы?

— Нет. Точнее, не сразу. За время, проведенное в Камне, я осознал, в чем была моя ошибка.

Те люди, что шли за мной, делали это из страха. У них был выбор — подчиниться или умереть. И как только появился шанс выскользнуть из этой ловушки, они им воспользовались.

— Значит, надо сделать так, чтобы у них не было такого шанса?

— Надо сделать так, чтобы у них не было желания уходить из-под моего покровительства. Я не столь давно пришел в этот мир, но кое-что уже успел узнать о нем. Нынешние боги, в отличие от тех, что жили раньше, с большим вниманием относятся к жизням людей. К тому же они борются за власть, за верховенство. Вряд ли они пожелают принять новичка в свою дружную компанию. Если я полезу напролом, то ничего не добьюсь.

— И что ты будешь делать?

— Ты знаешь, откуда боги черпают свою силу? — спросил Коратцо.

Девушка отрицательно замотала головой.

— Из веры. Чем больше у них прихожан, тем они сильнее. Я должен сделать так, чтобы люди сами провозгласили меня своим богом.

— Ты воспользуешься своей силой и дашь людям то, что они просят? Будешь добрым богом, как Митра?

— Нет, я не буду добрым богом. Я вообще не верю ни в добро, ни в зло.

— Я тебя не понимаю, — пожала плечами Марта. — То ты говоришь, что тебе нужна преданность, то о том, что добрым быть не желаешь.

— Именно непонимание меня больше всего и

пугает, — признался Коратцо. — Объясни мне, что хотят люди? Я дам им это, а там уж, если они изволят, пускай считают меня добрым.

Марта задумалась. Коратцо насторожился: наконец-то ему удалось направить разговор в нужное русло!

— Любви, — сказала девушка, проводя пальцем по груди Коратцо.

Дух Камня обратился к воспоминаниям пирата и нашел там подтверждение своим мыслям. Ответ был искренним, но в применении к планам Коратцо совершенно бестолковым.

— Любовь я даровать не в силах, — соврал Коратцо. Он легко мог влиять на чувства людей, но понимал, что со своим опытом в этой области только наломает очень больших дров и ничего не добьется.

— Жаль, — вздохнула Марта.

— Мне тоже, — сказал дух. — Но не вешаться же из-за этого! Должны быть еще какие-то вещи.

— Тогда остаются только деньги, — сказала девушка. По лицу было видно, что вспоминала она в этот момент нечто, толкнувшее ее пойти работать в «Змея».

— Это уже интересно. Расскажи поподробнее.

Коратцо понемногу сопоставлял между собой картины двух миров. Того, в котором жил раньше, и этого, в котором очутился сейчас. Разница в отношении людей к деньгам оказалась довольно существенной. В этой сфере, пожалуй, произошли наиболее серьезные перемены. В давние времена власть золота была отнюдь не так силь-

на. Правители опирались прежде всего на мечи и магию. Ныне же миром правила звонкая монета.

— Что тут скажешь? Дай людям денег, и они пойдут за тобой.

— Если я возьму и сотворю пуд золота, то тем самым уменьшу его цену. И никого не облагодетельствую.

— Глупости ты говоришь! Сотни людей богачами станут. Они как один головы за тебя сложат, — убежденно произнесла Марта.

— Но тысячи разорятся и будут меня проклинать. Мне же нужно что-то способное увлечь за собой целые народы, а не несколько отдельно взятых человеческих существ.

Внезапно дух прервал свою фразу, его посетила одна интересная мысль. Он вертел ее то так, то сяк, пытался найти изъяны и, к своей великой радости, никак не мог их обнаружить.

— Тогда я тебе ни чем помочь не могу, — сказала Марта.

— Ты мне уже помогла, — сказал дух Камня, — и потому я оставлю тебя в живых.

Он произнес заклятье, и девушка мгновенно погрузилась в сладкую дрему. Наутро она проснется и вспомнит лишь то, как они замечательно кувыркались целых три колокола. Никаких братьев, никаких богов.

Коратцо встал с постели и принялся собирать разбросанную по комнате одежду. Нашлось все быстро, за исключением рубахи. Можно было, конечно, обойтись и без нее, но Коратцо из принципа решил ее отыскать. Он внимательно осмотрел

всю комнатку, на всякий случай заглянул в шкаф, хотя помнил, что ничего в него не вешал, два раза пошарил под кроватью. Все безрезультатно.

«Не это ищешь?» — услужливо поинтересовался отец.

Прямо из воздуха перед Коратцо возникла его шитая золотом капитанская рубаха. Резким движением, словно стремясь вырвать сей предмет одежды из невидимых отцовских рук, дух Камня схватил ее.

— Я еще разберусь с тем, как ты эти штучки вытворяешь! — произнес он вслух.

Отец не ответил.

Коратцо вышел из комнаты и быстрым шагом направился к лестнице.

Еще пару колоколов он планировал провести за игровым столом, а с рассветом он отправится в Сартос — претворять в жизнь свой новорожденный план.

На лестнице Коратцо столкнулся с пьяным моряком.

Тот сначала промычал невнятные извинения, но потом, схватив Коратцо за манжеты рубашки, уставился тому прямо в глаза.

— Я тебя знаю! — прокричал моряк. — Ты — Коратцо! Но ведь ты мертв, дружище. Ваш корабль был в самом сердце этого проклятого богами шторма!

— Нет, дружище, это ты мертв, — сказал дух Камня и произнес заклинание перемещения.

Коратцо закинул несчастного в открытое мо-

ре. Если ему повезет и он решит плыть в сторону закатного полдня, то на пути ему встретится корабль. Но и в этом случае жить ему от силы три-четыре седмицы.

Один из матросов подхватил в последнем порту смертельное легочное заболевание. Команда, правда, пока не знает о том, что оно смертельное, и о том, что оно заразное.

Глава 5

О жизни и смерти

Вяти днях езды от Сартоса находилось старенькое поместье. Стены его обветшали и заросли плющом. На башнях вили себе гнезда почтенные птички семейства, к которым время от времени в гости наведывались не менее почтенные семейства змей. Люди давным-давно забыли дорогу в эти места. А те путники, что забредали сюда, обычно назад не возвращались.

Но нельзя сказать, что место здесь было такое уж злое.

Зверя вокруг водилось в изобилии, а зверье, как известно, зло сразу чует. Вот только есть в этом правиле одно маленькое исключение. Зло, о котором идет речь, обязательно должно быть природным. Демон там какой-нибудь или волколак, в последнее полнолуние головой повредившийся. До старого мага, практикующего челове-

ческие жертвоприношения, животному миру нет никакого дела.

Вообще-то Старый Харольд, или Харви, как он сам себя величал, никаких жертвоприношений никому не устраивал. Он увлекался некроманией. И не просто увлекался — она была всей его жизнью.

Много лет тому назад Харольд, тогда еще совсем не Старый, состоял в ученичестве у одного известного аквилонского мага, причислявшего себя к когорте светлых. Откуда пошло такое именование, Харви откровенно недоумевал. Сей аквилонский маг отличался на редкость скверным характером и жадностью превеликой. Без предоплаты людей лечить не соглашался, крестьяне своих дополнительным налогом обкладывал, над учениками измывался, не забывая при этом ежемесячно получать деньги от их родителей.

За первые три года «обучения» Харви о магии не узнал ничего нового, зато научился замечательно готовить, протирать пыль и мыть полы. Жизнь такая Харольда не устраивала совершенно, и он решил внести в нее ряд значительных перемен.

В гости к аквилонской магу частенько заглядывали на огонек его товарищи, волшебники из других краев — как ближних, так и далеких. И вот однажды, улучив момент, Харви незаметно пробрался в карету одного из гостей и спрятался в ящике, куда хозяин кареты складывал свои магические принадлежности. Разумеется, забрался он на самое дно ящика, чтобы его не заметили.

Но, как выяснялось, предосторожности эти были напрасными: маг, судя по раскатистому храпу, проспал всю дорогу до дома. Все три колокола.

Харольд по первости расстроился, решив, что раз волшебник живет так близко от дома его мастера, то по обнаружении спрятавшегося мальчугана непременно отправит его назад. Но на решимости его это умозаключение никак не отразилось. Он выбрался из своего укрытия, направился к магу, немного оторопевшему от того, что из его кареты выскакивают странные мальчишки, и заявил, что желает быть его учеником.

Волшебник расхохотался, подивившись такой наглости, но на предложение согласился. Так Харви и оказался в ученичестве у Бушира, мага-анимиста. Вопреки сомнениям юного Харольда, отъехав от его старой обители они успели очень далеко. За три колокола карета пересекла две границы и сейчас находилась где-то в полуденной оконечности Кофа. Секрет столь быстрого перемещения по местности стоял прямо перед Харви, фыркал ему в лицо и клянчил чего-нибудь вкусненького. Кони у Бушира были не обычновенными, а волшебными, впрочем, как и все зверье в его доме.

Для начала Бушир обучил Харви десятку заклятий, чтобы тот не чувствовал себя обманутым. Второй уже мастер, а магии не учит!..

Но куда больше времени тратил кофийский маг, рассказывая ученику о животных, их повадках и пристрастиях. Он говорил, что прежде, чем начать что-то менять в той или иной твари зем-

ной, необходимо понять, что она из себя представляет в нормальном своем состоянии. Харви внимательно слушал и запоминал всё, что говорил ему учитель, лелея в душе ожидание того момента, когда он, наконец, сможет заняться полноценными магическими изысканиями.

И вот настал сей светлый миг, когда Бушир признал, что не может больше Харви считать своим учеником и с большой радостью готов назвать его своим первым помощником. Это были самые счастливые годы в жизни Харольда. Он создал своего первого летающего коня, работал над сухопутным видом иноземной крокодилы, грезил о комарах, умирающих от одной мысли о человеческой крови, и даже был близок к успеху.

Идиллия эта была прервана двумя заезжими магами. Чем им не удружила его мастер, Харви так и не узнал, хотя прежде, чем убить Бушира, гости с ним что-то долго и горячо обсуждали. Дело в том, что Бушир, желая спасти своего бывшего ученика, а ныне полноправного помощника, от неминуемой расправы, обратил того в тушканчика. Здесь, видимо, сказалось волнение, потому как заклятие вышло несколько ущербным. В новом своем состоянии ученик перестал понимать человеческую речь, лишился всех магических способностей и вдобавок заметно поглупел. Вот и сидел бедный Харви, забившись в угол, дрожал от страха и смотрел, как убивают любимого учителя и всех его питомцев.

Жил тушканчиком Харви целых три года. Правда, в первые два дня чуть не скопытился с

голодухи, но потом инстинкты взяли верх и подсказали верный путь к добыче пропитания. К концу своего жизненного срока Харви уже стал сомневаться, что был когда-то человеком. Просто такой вот одаренный тушканчик.

Если бы та бедная птица, что заглотила несчастного мага-анимиста, знала, что с ней будет, то ни в жизнь к тушкану бы не подлетела. Бушир вложил в свое заклятье один очень интересный эффект. Превратиться назад в человека Харви мог лишь спустя сутки после гибели своего животного воплощения. Видимо, покойный маг рассчитывал, что ученик-тушканчик очень быстро протянет лапки, но тот на горе свое оказался на редкость живуч и вернул себе человеческий облик лишь три года спустя. Так что, когда он появился в брюхе не ожидавшей такой подлости птицы, Харви был уже не тем, что раньше. На почве смерти учителя и миропонимания тушканчика у Харольда поехала крыша.

Долгие годы скитался обезумевший маг по городам и весям Хайбории. От прежнего своего бытия он унаследовал любовь к травоядным животным и ненависть к крылатым хищникам. Если случалось увидеть Харольду захворавшую скотинку, немедля подходил он к ней, ласково гладил по морде и шептал заклятье, что болезнь из тела изгоняло. Мага за его хоть и неразумную, зато полезную деятельность люди любили и привечали. Потому, видимо, он и не умер в первые годы сумасшествия своего, послужив живым примером тому, что история любит повторяться.

Что тушканчик не жилец, казалось, был, что маг ополоумевший, а на преждевременную прогулку по Серым Равнинам все ж ни тот, ни другой не отправились.

Но однажды случилось то, что навсегда перевернуло жизнь Харви. Забрел он ненароком в угодья одного колдуна шемитского происхождения. Маг этот некромантией занимался, трупы из земли поднимал и собирал в легионы бесчисленные. Готовился мир идти покорять. Кто знает, как сложилась бы его дальнейшая судьба, отпусти он в тот день из своих владений беднягу Харви. Кому бы этот безумец о его приготовлениях рассказал? Но маг решил перестраховаться. Призвал к себе пару зомби, что посноровистей были, и велел с блаженным странником по-быстрому расправиться.

Зомби приказа послушались, как впрочем всегда и поступали, и направились навстречу Харольду. Приблизились к нему и уже было подготовились на части разорвать. Маг, что в хрустальный шар за этим наблюдал, радовался и потирал руки в предвкушении.

Но внезапно мертвяки остановились, головами вертеть странно начали, словно принюювались к чему-то, а потом подбежали к Харольду и стали ластиться к его ногам. Бывший маг-анимист от восторга разве что в ладоши не хлопал.

Как живое к живому тянеться, так и некогда мертвое к некогда мертвому потянулось. Взбунтовалась вся мертвячья армия и пошла своего хозяина бывшего убивать — за то, что приказы

непотребные раздает. Шемит отбивался, как мог. Немного ему не хватило, чтоб в живых остаться. Почти все свое войско на тот свет успел маг перед смертью отправить, лишь пятеро зомби от его заклятий убереглись.

И стал Харви у них чем-то вроде живого бога. Покорялись ему мертвяки не из страха, а по некоей душевной склонности. Он, если хорошенько подумать, тоже за одного из них сойти мог. Аж целые сутки хладным трупом тушканчика пробыл!

На радостях к Харольду вернулась часть его былого разумения. Понял он, что скитания его до добра не доведут, и решил засесть в маговом поместье.

Жилось ему в первые годы неплохо. Пятеро верных зомби исправно добывали Харольду пропитание, а сам он все свободное время проводил в библиотеке покойного мага, изучал труды по некромантии. Знания он впитывал в себя с радостью превеликой, и вскоре неизученных томов в хранилище не осталось.

И возникла перед Харольдом дилемма: удовлетвориться теперешним уровнем своих познаний и остаться дальше жить там, где живет, или же вновь отправиться в странствия. Мучился Харви долго, никак решиться не мог.

Но тут к нему в гости зачастили дружки покойного ныне шемита. Кто по делу приезжал, кто так просто. Харольд честно обрисовывал им ситуацию. Многие ему не верили, и тогда Харви приходилось их убивать.

Когда гости начали наведываться организованными группами и перестали вести хоть какие-то переговоры, Харольд осознал необходимость смены места жительства. Он своих зомби, конечно, любил и смерть всячески почитал, но сам отправляться во второй раз на Серые Равнины не торопился.

К тому времени Харви исполнилось уже пятьдесят пять лет.

Просто так бродить по бескрайним хайборийским просторам Харольд резона не видел. Это когда он совсем глупым был и не понимал ничего, подобное поведение было допустимо. Ныне же почтенный некромант со свитой в пять зомби был просто обязан задаться какой-нибудь большой целью. Мирового господства маг не желал, на людей за свои несчастья вину возложить и отомстить им хорошенько тоже не спешил. Оставалось только одно: найти способ преумножить свои знания.

В ближайшем городе Харольд разузнал, что поблизости обитают два некроманта. К ним он и решил отправиться в первую очередь, чтобы по душам поговорить, тайнами мастерства обменяться.

Но тут произошел конфуз. Те мертвяки, которых два означенных некроманта из земли для собственных нужд подняли, тоже разглядели в Харольде своего далекого сородича. От случившегося душевного потрясения зомби хозяевам своим подчиняться перестали, а когда те их укротить попытались, быстренько с ними распра-

вились, чтобы не мешали встречать явившегося им во плоти Харви.

Сказать, что маг очень расстраивался по поводу случившегося, значит, соврать. Еще во времена обучения у Бушира он запомнил, что когда работаешь с животными, важно сделать так, чтобы твой подопечный прежде всего видел в тебе друга. Вот и зомби он полагал хоть необычными, но все же детьми природы. Так что некромантам, державшим бедняжек в кабале, досталось поделом.

Первым делом Харви решил разобраться с новыми мертвяками. Насчитывалось их аж сорок пять штук. Маг поделил их на группы по девять в каждой, поставив начальствовать над каждой одного из своих старых подопечных.

Найдя в доме некромантов карту близлежащих земель, Харольд закрепил за отрядами те районы, которые они должны были ежедневно обследовать. Таким образом Харви рассчитывал на время избавиться от проблемы приема нежелательных посетителей. Зомби вменялось в обязанности знаками объяснять всем встречным людям, что дальше ходу нет. Излишнюю агрессию при этом выражать не рекомендовалось. Рано или поздно дружки покойных магов, конечно, догадаются, что что-то тут не так, но к тому времени Харви успеет хорошенько изучить библиотеку и убраться прочь, прихватив с собой самые ценные фолианты.

И что удивительно — все произошло именно так, как Харольд и планировал. Никто мага так и

не побеспокоил. Долго ломать голову над тем, куда направиться дальше, Харольду не пришлось. Среди записей покойных некромантов он нашел упоминания о нескольких их коллегах: чем те занимались, какие эксперименты ставили, чего добиться хотели, а самое главное, где их найти можно было.

Харви твердо решил встать на путь освободителя несчастных мертвяков от злобного некромантского ига. Он бродил от одного логова к другому, истребляя негодных магов.

Кончилось все тем, что полусумасшедший маг умудрился-таки привлечь к себе внимание Черного Круга, на территории которого он злобствовал. Стигийцы противу обыкновения к решению проблемы подошли с вызывающим уважение практицизмом. Они махнули рукой на необыкновенную природу способностей Харви и на его власть над мертвой плотью и просто-напросто решили убить зарвавшегося негодяя.

И вот однажды на ничего не подозревающего Харольда и его армию зомби в три с лишним сотни голов напали, шестеро стигийских колдунов. Действовали они грубо, отвергая все писаные и неписаные правила этикета ведения магических схваток.

Харольд, глядя на это, испытывал праведный гнев и неподдельный ужас. У него уже стояла перед глазами картина собственной смерти. И тут в его памяти всплыли заветные слова, те, что его учитель Бушир произнес в свой предсмертный час. Харольд выкрикнул заклятье и вновь пре-

вратился в тушкана. В этом виде он и убрался с места схватки, по пути уворачиваясь от разрывов запрещенных к применению заклятий.

В роли тушканчика Харви освоился быстро, словно и не был никогда человеком. Несколько седмиц маг наслаждался новой, сравнительно спокойной жизнью, но потом ему это надоело. Захотелось вернуться в прежний облик, поднять из могилы пару мертвяков. Соответственно возникла проблема, как побыстрей покончить жизнь самоубийством.

Перебарывая все инстинкты, Харольд внаглую, средь бела дня, прогуливался по пустыне в ожидание той птицы, что прервет его бренное существование. Но пернатые нутром чуяли, что дело здесь нечисто, и сумасшедшего тушкана облетали стороной.

Несколько раз Харви прыгал вниз с высоких барханов, стараясь извернуться таким образом, чтобы при приземлении сломать себе шею. Не выходило. Оставалось одно — заморить себя голодом. Средство оказалось действенным. Вскорости тушканчик принял воистину мученическую смерть.

Когда на месте останков животины возник Харольд-человек, то сразу стало ясно, что с решением о прекращении своего прежнего бытия он несколько поторопился. Харви оказался посреди пустыни без еды и воды, а аппетиты, следует заметить, у него теперь были не тушканчиковы. Но как-никак он все еще оставался магом! Харольд бросил заклятие «определения пути», и ма-

гия показала ему, в каком направлении надлежит двигаться.

Харви изнемогал от жажды и голода, но продолжал упорно идти вперед. Прошли одни сутки, вторые. Маг практически обессилен, когда впереди показалась полоска джунглей.

Из первого же дерева некромант с помощью соответствующего заклятия извлек всю влагу, что в нем содержалась, и наконец утолил жажду. Потом съел два незнакомых ему зеленых плода. Заклинание показало, что они не ядовиты. И практически тут же Харольда сморил сон.

Проспал Харольд почти целые сутки. Кого-нибудь другого на его месте хищники уже давно бы сожрали, но, как и мертвяки, животные видели в Харви родственную душу. Правда, когда тот был тушканчиком, они почему-то закрывали на это глаза.

Очнувшись, маг стал решать, что ему делать дальше. В пустыню возвращаться не хотелось, так что оставались джунгли. Харольд наколдовал себе небольшой магический тесачок и, прорубая им себе дорогу, двинулся в чащи.

Почти седмицу бродил по джунглям маг. Питался плодами и ягодами, спал на земле, практически слился с дикой природой. Закончилось его путешествие у стен того самого поместья, на крыше которого вили гнезда диковинные птицы, к которым в гости приползали диковинные змеи.

Строение пустовало, дорога, ведущая к нему, практически заросла и была различима лишь с великим трудом. Харольд решил, что это место

для него подойдет идеально. Здесь, в тиши тропических джунглей, он сможет спокойно заниматься своим любимым делом, и никто его не беспокоит.

Так до последнего времени и было. Иногда к вратам поместья забредали редкие путники. Харольд убивал их и обращал в зомби. Он надеялся вывести вид мертвяков, способный к самостоятельной деятельности. А еще он лелеял в душе мечту, хотя сам себе в этом никогда не сознавался, наделить зомби способностью к размножению.

— Орч, — обратился Старый Харольд к невысокому коренастому зомби. Последний ничем от нормального человека не отличался, за исключением ядовито-зеленой кожи и ярко-красных глаз. — Тебе встречалось что-нибудь подобное?

Маг отодвинулся, пропуская зомби к хрустальному шару. Из четырех мертвяков, что ныне обитали в поместье Харольда, Орч был самым сообразительным.

— Орч! — категорично заявил зомби, взглянувшись в птицу в шаре. Снежно-белая чайка летела прямо к поместью.

— Ну, этак, дружок, у нас с тобой разговор не получится, — посетовал Харви.

Зомби очень любил впадать в состояние бездумной констатации собственного имени. Точнее, не имени, а слова «Орч». Что оно означает, Харви не знал, но решил именно так и наречь монстра.

— Орч, — согласился с хозяином мертвяк.

Судя по интонации, зомби осознавал, что от него требуют связанный речи, но произносить

множество слов, когда все замечательно можно было выразить и одним, ленился. Хотя у Харольда имелись подозрения, что дело здесь не только в лени. В предыдущее свое существование Орч был конфидентом, работал на Коринфию, а потому болтать попусту приучен не был. Слушать любил и проявлял к этому большую склонность.

— Давай, приходи в себя. Соберись.

Зомби преданно посмотрел на хозяина и, сделав над собой усилие, промямлил несколько непонятных слов.

«Глотку разрабатывает», — подумал Харви.

— Птица колдовская. Чайки так далеко от моря не летают.

— Знаешь, кто подобными вещами баловаться может? — спросил Харви.

Он искренне ценил опыт Орча. Тот был смышленым малым и за свою недолгую жизнь успел вызнать множество тайн и секретов. Единственным его существенным недостатком было любопытство. Именно оно и вынудило его сунуться в обитель Харольда и обрести конец привычного существования. Харви несколько раз пытался разговаривать с Орчем на тему жизни и смерти. Мага интересовался, как его подопечный воспринял свое перерождение. Орч пока отмалчивался, но Харольд не терял надежды.

— Шаманы из Ванахайма, — Харольду показалось, что он услышал издевку в голосе Орча. Но это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. К проявлению эмоций его подопечные пока способны не были.

— Этим до меня нет никакого дела, — сказал Харви. — Я запасы рыбы в северных морях не уменьшаю. Кто еще может птиц использовать?

— Анимист, — ответил зомби и добавил. — Орч.

Анимист. Это предположение заставило Харви серьезно задуматься. Сам он уже давно не практиковал анимагию, но начатки ее не забыл до сих пор. Работать с птицами чрезвычайно сложно, в них слишком сильны инстинкты. Если уж берешься вносить изменения в тварь крылатую, то должен постоянно держать в памяти ее среду обитания и привычки и действовать сообразно им, иначе получится уродец, который разобьет голову о первую попавшуюся стену.

Применяя это правило к нынешнему случаю, Харольд утвердился во мнении, что чайка не заколдованная. Невозможно заставить эту птицу удалиться на такое расстояние от моря.

— Орч, — промычал зомби.

Харви глянул на него. По искренне глядящим на хозяина красным зенкам становилось понятно, что монстру было что добавить, но лень не позволяла ему это сделать.

— Я тебя не понимаю, — признался Харольд. — Однажды я составлю заклятье, которое будет раскладывать твое «орч» на отдельные слова, но сейчас будь добр взять себя в руки и произнести фразу на человечьем наречии.

— Птица — это маг, — с трудом выговорил Орч.

— Вот оно что! — воскликнул Харви. — Этот

анимист никого не заколдовывал, а сам взял и превратился в чайку. Интересно, очень интересно. Орч, позови остальных. Поднимемся на крышу — встретим нашего гостя.

— Убивать? — коротко поинтересовался зомби.

— Сначала поговорить, а потом посмотрим. Может, и убивать.

Орч, неуклюже хромая, покинул комнату. Харольд принялся лихорадочно соображать, какие артефакты стоит захватить с собой на крышу. Подумал и решил взять все пять.

Усилителей магии в поместье маловато. Все пять амулетов были сняты со случайных гостей. Два приносили удачу, один спасал от простуды, еще один — от постельного бессилия. Сравнительно ценным являлся лишь последний. Его раньше таскал на себе Орч. Амулет защищал от нескольких распространенных среди магов Черного Круга атакующих заклятий.

Пешком подниматься на крышу Харольду не очень-то хотелось. Можно, конечно, было попросить зомби отнести его наверх на носилках, но это означало бы потерю времени. Гость должен был вот-вот объявиться.

Харви нахмурил свои густые седые брови, направя память и извлек из ее недр заклятье «перемещения». Произнести, правда, он сумел его лишь с третьей попытки. Годы брали свое.

Переместился Харольд ровно на самую кромку стены. Порыв ветра удариł старику в спину, он зашатался и почти свалился вниз. От падения его удержала рука Орча. Зомби схватил

старика за воротник мантии и оттащил от края. Харви благодарно ему кивнул. Окинув взглядом крышу, старый маг убедился, что все его подопечные здесь.

Хирон. Этот молодой стигийский юноша забрел в поместье совсем недавно. Харольд немного изменил внутреннее строение его тела. Теперь этот зомби мог двигаться в несколько раз быстрее человека. Зато интеллектом Хирон обделен. Внешне мертвяк был черным, как смоль.

Следующего зомби звали просто «Второй». Однажды в руки Харви попало два близнеца. Перед тем, как выйти к дому мага, они невесть сколько блуждали по джунглям и одичали до такой степени, что не могли вспомнить даже собственных имен. Харольд, чтобы не ломать голову, так и нарек их: Первый и Второй.

Тело Первого не выдержало экспериментов, что ставил над ним маг, и в какой-то момент просто взяло и развалилось. Второй оказался покрепче.

Однажды Харви попытался соединить в теле Второго души обоих братьев. Ничего дельного из этого не вышло: Зомби заметно поглупел и явно тяготился воспоминаниями, оставшимися сразу от двух людей.

Единственной представительницей женского пола была симпатичная зомби по имени Кри, сокращенно от «Кричащей».

Харви переделал ее связки и горло так, чтобы Кри могла издавать звуки, не различимые для человеческого уха. С ее помощью Харольд

хотел научиться общаться с птицами. Опыт можно было бы считать удачным, если бы не глупая привычка Кри время от времени вопить дурным голосом. Кожа у Кри была нежно-голубой.

Старый Харольд прислонил правую ладонь к лбу и стал вглядываться в даль. На горизонте возникла белая точка.

Маг в нетерпении переминался с ноги на ногу, следя за приближением птицы. Но та, словно желая позлить старика, не торопилась подлетать к поместью, хотя общее направление движения выдерживала.

Наконец чайке надоело выписывать пирамиды в небесах, и она уселилась на одну из декоративных башенок, украсивших крышу.

Харви терпеливо ожидал, когда же залетный маг соизволит развоплотиться, но тот лишь сидел на трубе и оглядывал существ, собравшихся на крыше.

— Ладно, — сказал Харви. — Не хочешь — как хочешь. Сейчас сами тебя развоплотим.

Маг подошел к чайке и начал творить над ней волшбу. Но заклинания почему-то не давали желаемого результата. Чайка оставалась чайкой, сидела на трубе и недоуменно смотрела на размахивающего перед ней руками человека.

Было похоже, что они с Орчем ошиблись. Перед Харольдом находился отнюдь не маг-анимист.

На всякий случай Харви произнес заклятье «истиной сути вещей», по ходу выругав себя за то, что не сделал этого раньше.

Результат был предсказуем. Птица оказалась самой обыкновенной.

— Вот те на! — посетовал старик.

— Вы не меня ищете? — поинтересовался Второй, тронув мага за плечо.

Харви обернулся и удивленно уставился на зомби. На лице Второго расплылась широкая улыбка.

Глава 6

О пользе денег

агическая буря, разыгравшаяся в водах Западного Океана, внесла значительные изменения не только в политическую, но и в общественную жизнь Сартоса. Особо ярко это отразилось на нравах, что царили в винных закутках «Хлебной» части базара.

Нет, настроение у людей, здесь собиравшихся, как и прежде, было самое доброжелательное. Просто несколько изменился качественный состав местного контингента. Раньше у винных палаток крутилось великое множество моряков. Они разбрасывались деньгами направо и налево, перебрасывались шутками с местными выпивохами, ухлестывали за молодыми девчонками. Этих моряков жители Сартоса почитали в доску своими.

Нынешних же они недолюбливали. И вроде бы люди остались теми же самыми, просто те-

перь они стали безденежными. Моряки жили исключительно на довольствии Хозяев. Те гроши, что были припасены на черный день, они уже давным-давно спустили, а потому на горожан, сорвавших монетами, мореходы смотрели крайне неодобрительно. Местных взгляды моряков нервировали, и постоянным обществом морских волков они стали тяготиться. До открытых драк дело доходило редко, хотя и такое случалось.

И случалось оно как раз у винных лавок, что на «Хлебной». Матросы заглядывали сюда исключительно по привычке. Смотрели на довольные, пьяные рожи горожан и начинали тихо звереть. Стражи по традиции в этих местах не водились и предотвратить рукоприкладство было просто некому.

В какой-то момент Хозяевам такой ход событий разонравился окончательно, и они запретили морякам появляться в пределах базара под угрозой снятия с довольствия всего экипажа корабля.

Сказать, что капитанам эта методика борьбы с уличными драками пришла не по вкусу, значит не сказать ничего. Вот только оспорить ее так никто и не решился.

Моряки, осознавая, что с ними сделают товарищи по команде, если они своим поведением подставят под удар весь экипаж, предпочитали обходить базар стороной. Это настолько въелось им в кровь, что даже напившись до состояния полного непонимания реальности, гордые мореходы ползли по улицам в направлении строго противоположном месту расположения базара.

С тех пор «Хлебная» стала оплотом сил, ратовавших за выдворение пиратской братии из города. В основном этим делом страдали юнцы, побитые в кабацких драках, и почтенные мужи, чьих женушек от нечего делать соблазняли матросы. Разумеется, сии реакционеры ограничивались исключительно разговорами, причем на приличном расстоянии от пиратских ушей.

Еще одну сторону, чьи интересы были затронуты в этом конфликте, являли собой торговцы вином из тех самых палаток. Они искренне переживали, что пиратов выдворили с пределов базара. Нельзя сказать, что моряки были самыми выгодными их клиентами, просто морские выпивохи представляли собой один из неотъемлемых элементов той душевной обстановки, что способствовала высоким продажам. Злобствующее ныне местное население много пить боялось, осознавая, видимо, что может потерять над собой контроль и начать костерить пиратов вне пределов базара.

Впрочем, один выгодный клиент в это утро у виноторговцев имелся. Молодой человек, одетый в белую с золотой вышивкой рубашку, сидел под тентом, защищающим его от солнца, и распивал уже вторую бутыль белого офорского.

Коратцо немного изменил свою внешность: расширил разрез глаз, уменьшил нос, убрал горбинку, подтянул наверх скулы и в довершении всего сделал себе ярко-рыжую шевелюру.

Получился вполне симпатичный выходец из Ванахейма...

Новые сапоги и брюки дух Камня приобрел совсем недавно. Старые вещи выдавали в нем морского офицера. Рубашку же вопреки логике он менять не стал. Она ему нравилась. Люди, как он заметил, имели свойство привязываться к определенным вещам, вот он и решил начать кое в чем им подражать.

Сейчас Коратцо откровенно бездельничал. Он ждал полудня. В это время открывалась контора, занимавшаяся учетом дельцом всех мастей, что проживали в Сартосе. Без одобрения этого заведения дух не мог приступить к реализации своего плана. Он пока был недостаточно силен, чтобы с пренебрежением относиться к человеческим законам. Его время еще придет, а до тех пор лучше играть по правилам.

Чтобы чем-то себя занять, дух время от времени заглядывал в мысли собравшихся в винном закутке людей.

Коратцо прищурил правый глаз, выбирая очередную жертву. Пусть будет вон тот жирный стигиец, одетый в пурпурную рубашку. Перед тем, как проникнуть в сознание человека, Коратцо неизменно пытался угадать, что же он там увидит. Это было для него чем-то вроде упражнения в логике.

Стигиец показался духу человеком простым, интеллектом не обремененным. Такой, наверное, подыскивает жене в подарок безделушку какую-нибудь, чтобы она в очередной раз его супружеские притязания не отвергла.

«Как же хорошо, что цены на лотос в этом го-

ду такие высокие. Даже на остатках товара целое состояние сколотить можно. Надо будет поподробнее расспросить того шемита, что травил байки про подорожник в «Змее». Жаль, что я ему тогда сразу не поверил. Но кто бы мог подумать, что эта самая обыкновенная трава в смеси с лотосом положительно увеличивает эффект зелья!»

Коратцо приложился к бутылке и сделал два глубоких глотка. Так надлежало поступать, когда тебя чем-то ошарашивают. Такой непримечательный субъект вдруг оказался торговцем грезами! Вот только с подорожником его обдурили. В сочетании с лотосом он образовывал смесь, что за несколько седмиц была способна разрушить сердце человека.

Решив не сосредотачиваться на неудаче, Коратцо перешел к следующей цели.

Молодая девушка с ребенком. В руках она держала корзинку, заполненную фруктами. Эта особа, должно быть, забрела в винный закуток, чтобы приобрести у торговца бутыль красного вина для нужд домашней кухни. Совсем недавно Коратцо узнал о рецепте популярного среди местных жителей соуса. Две миловидные девушки, стоявшие неподалеку от духа Камня, обсуждали тонкости его приготовления. Мысли их при этом витали вокруг некоего морячка, за которым обе были не прочь приударить.

Коратцо заставил себя повнимательней присмотреться к девушке с ребенком. Надо научиться понимать людей, не приникая в их мысли.

Внезапно дух заметил, что мальчик совсем не похож на женщину, которую Коратцо изначально принял за его мать.

Отлично, первый шаг сделан. Что еще в этой парочке необычного? Вот! Девушка постоянно стремится взять ребенка за руку, но отдергивает себя. Что бы это могло означать?

Коратцо предположил, что мальчик — сын человека, взявшего девушку в жены. Она, скорее всего, любит ребенка, но боится проявить свои чувства. Проверим!

«Сложно! Почему все так сложно?! Я просто хочу мира и покоя. Хочу иметь семью. А тут этот мальчишка! Сэрос с ним так носится, пылинки с него сдувают. Может, он ему бывшую жену напоминает? Дэркето, да что же этот мальчишка удумал?! Где он только эту кошку на базаре-то откопал?! А если она его оцарапает?»

Дух довольно улыбнулся. На этот раз он попал в яблочко. Но с женщинами было сравнительно просто, они вечно любовью озабочены. Во-прос лишь в направленности их пристрастий. Коратцо по-хорошему позавидовал богам, отвечающим за любовь и брак. Скучно, конечно, за всей этой тягомотиной наблюдать, зато источник веры — неиссякаемый.

— Будьте добры еще одну бутыль того же! — крикнул дух Камня виночерпию.

— Немедля исполним, господин хороший, — отозвался стигиец и полез под прилавок.

Коратцо на миг заглянул в его мысли. Оказалось, вполне искренний человек. Радовался ще-

дому и вежливому покупателю. Дух решил, что непременно оставит торговцу пару монет сверху.

— От бокала по-прежнему отказываетесь? — спросил стигиец, поднося вино.

— Утром вино из горла надо пить, — дух изрек «истину», откопанную где-то в пьяных воспоминаниях зинграца.

Внезапно внимание духа привлек щуплый паренек лет восемнадцати, что околачивался под одним из тентов. Он держался немножко диковато, иногда принимался ни с того ни с сего озираться по сторонам. Странный тип.

Коратцо продолжил свою игру.

Первую мысль о том, что парень — вор-карманник, он отбросил за несуразность. Вор старавшись не выделяться. Его до тех пор не заметишь, пока у тебя кошелек с пояса не исчезнет. На посыльного юнец тоже не походил. Он бы тогда не с опаской по сторонам смотрел, а с любопытством. И тут на духа снизошло озарение! Он не просто понял, кто это такой, он даже знал его имя!

Тот самый морячок, о котором грезили две утренние красотки. Одной из них он как раз на это время и назначил свидание. Коратцо испытал прилив уважения к парню. Не побоялся наказания и пришел на базар, рисковый малый. Смельчаки всегда вызывали симпатию у духа Камня. В свое прошлое воплощение именно таких вот отчаянных парней он и назначал на должности своих ближайших помощников.

Моряк переминался с ноги на ногу, явно же-

лая побыстрее освободить базар от своего присутствия, но прежде, похоже, рассчитывал одарить красотку своим вниманием.

Коратцо на всякий случай решил проверить свои подозрения.

«Проклятье! Где демоны эту девицу носят? Капитан меня четвертует, если узнает, что я на базаре околачивался!»

Ничего хорошего парню не светило. Дух понял это из мыслей тех утренних девиц и подозрений, что все больше и больше укреплялись в головах трех стигийцев, стоявших неподалеку от парня. Скоро его будут бить.

— Черс! — окликнул дух паренька. — Ну-ка, подойди сюда. У меня есть дело к твоему господину.

Моряк колебался лишь несколько мгновений. Впрочем, намек был достаточно прозрачным. К какой господин может быть у моряка, кроме капитана?

Раз незнакомец знает его имя и знает, кто он такой, то, наверное, с таким незнакомцем лучше не спорить.

— Что вам угодно? — спросил юный пират.

— Я собираюсь предложить тебе одну должность, — сказал Коратцо. — Мне нужен поверенный, думаю, ты вполне сгодишься на эту роль.

— Боюсь, мой господин не отпустит меня, — ответил моряк.

— Господин? Говори прямо! Капитан!

— Не надо, пожалуйста, — взмолился моряк. — Из-за меня накажут всю команду.

— Капитан! Капитан! — Коратцо принялся кричать во весь голос и размахивать руками.

Паренек ошалело глядел на него. Потом он понял, что ничего не происходит. Никто не обращал на них двоих внимания. Жители Сартоса продолжали заниматься своими привычными делами.

— Они нас не слышат и не видят, Черс, — подтвердил догадку паренька Коратцо.

— Вы — маг? — спросил матрос.

— Я чуть больше, чем маг. Но чуть меньше, чем бог.

— Тогда я согласен, — тряхнул кудрявой головой паренек по имени Черс. — Быть вашим поверенным, думаю, поинтересней, чем юнгой на корабле. Чем займемся?

Коратцо довольно улыбнулся при виде такого рвения.

— Для начала мы с тобой пройдемся по городу и выберем здание, в котором откроем нашу контору.

— А чем мы будем заниматься?

— Это долгая история, и началась она очень давно. Давай, я расскажу ее тебе по пути?

Паренек в очередной раз согласно кивнул. Коратцо снял заклятье невидимости, взял со стола недопитую бутыль вина и бросил торговцу только что сотворенный золотой.

С «Хлебной» части двое путников отправились на «Морскую». Коратцо отстегнул страже положенные медяки, и она пропустила их внутрь привилегированной оконечности базара. Местные

лавки положительно нравились духу Камня своей основательностью и тем, что вокруг них крутились исключительно серьезные люди. Но, посвящавшись с Черсом, Коратцо отбросил этот вариант в сторону. «Морская» — место хорошее, но слишком уж специализированное.

Дальше бродить по базару смысла не имело. Надо было искать что-нибудь подходящее за его пределами. Коратцо хотел идти к центру города. Там, по его разумению, самое подходящее место для конторы.

Но Черс идеям духа воспротивился.

— Что толку-то нам с этих горожан? Сам подумай. У них у всех работа есть, семья, стабильный ежемесячный заработок. Им хоть горы золотые пообещай, все одно не клюнут. Порт — вот самое милое дело! Моряки на своих посудинах сейчас без дела сидят, а тут мы со своим предложением.

— Ладно, убедил, — согласился Коратцо, довольный своим решением взять в помощники одного из людей. Сам он тоже учился восприятию человеческого мира, но, к сожалению, не так быстро, как ему этого хотелось.

В районе порта они осмотрели три помещения, которые сдавались внаем. Первый дом не понравился Коратцо, второй — Черсу, третий — им обоим.

Решено было осматривать все подходящие строения, независимо от того, предлагались они к сдаче или нет. Хозяином приглянувшегося дома, как назло, оказался шемит. Черс, имевший

большой опыт общения с «синебородыми», предложил сразу приложить хозяина каким-нибудь убойным заклятьем. Коратцо отказался.

— Добрый день! — громко крикнул он, стуча кулаком по входной двери.

— Что вам надо от бедного старого Хаджа? — раздался голос из окна второго этажа.

Вслед за голосом появилась и голова его обладателя.

Шемит. Типичный. С иссиня-черной бородой, завитой маленькими кудряшками.

— Мы хотим снять на пару седмиц ваш дом, — сказал Коратцо.

— Вы шутите?

— Нисколько.

— И вы готовы заплатить?

— Да. Любую сумму, которую вы назовете.

— Что вы говорите! Любую, какую я назову?!
Ха-ха! Да вы столько денег и в жизни не видели.

— Не видел, — честно признался Коратцо.

— Вы шутник, молодой человек, — рассмеялся шемит, а потом грозно добавил: — Но посмеялись и хватит. Немедля покиньте мое крыльце, пока я не вызвал стражу.

Не обращая внимания на крики шемита, дух Камня обратился к Черсу:

— Ты был прав. С ним не договориться.

Коратцо произнес заклинание, и шемит из окна своего дома переместился в яму для должников города Шадизар, что в Заморе.

— Домик мы выбрали. Теперь можно идти править документы.

— Ты твердо решил? — спросил Черс. — Зачем нам все эти разрешения?

— Мне тяжело тебе объяснить, — сказал Коратцо. — Просто предыдущий обладатель моего тела документами непременно озабочился бы. Существует ряд вопросов, в которых я ему доверяю почти безоговорочно. Все-таки столько лет проходил капитаном корабля!

Черс спорить не стал, что похвально.

Контору найти удалось не сразу. Коратцо высказал с утра у торговцев с «Хлебной», как ее отыскать.

Объяснения он получил. Вот только были они очень уж путанными.

Складывалось впечатление, что Хозяева не желают развивать торговлю Сартоса и потому запрятали столь важное заведение в столь невообразимые закоулки.

Когда наконец моряк и дух подошли к дверям искомого дома, время перевалило далеко за полдень.

Внутри здания было очень многолюдно и душота стояла невообразимая. Черс пролепетал извинения и сказал, что подождет Коратцо на улице. В этот момент дух Камня во второй раз за день испытал приступ зависти.

— Где мне можно подтвердить свои права на ведение дела?

Коратцо не слишком-то верил, что ему ответят. Но нашлись люди, уже определившиеся со своей очередью, которые со скуки соблаговолили помочь советом молодому человеку.

— Вам нужен Гинир. Тот седой кофиец за столиком.

— Все эти люди тоже к нему? — спросил Коратцо, с опаской поглядывая на очередь из семи человек перед кофийцем.

— Да. Радуйтесь, что сегодня так мало народу.

Присутствующие дружно закивали в знак согласия.

Дух Камня прикинул, что стоять ему здесь колокола два. Не меньше. Столько времени у него не имелось.

Он спокойно прошел в самое начало очереди и произнес заклинание «веры». Время действия у заклинания было маленьким, но дух и не рассчитывал задерживаться надолго в этом ужасном помещении.

— Все в порядке, — внушение, с которым он обратился к собравшимся, было лаконичным до безобразия.

Гинир вскоре закончил свою беседу с пожилой стигийкой и переключил свое внимание на Коратцо.

— Я вас слушаю, — сказал он.

— Я планирую открыть свое дело. Мне нужны бумаги, подтверждающие законность моей будущей деятельности.

— Какого рода дело? — спросил кофиец.

— Поиск пропавших людей.

— Вы получили у «лиловых» удостоверение о благонадежности?

— Нет.

— Тогда я не могу вам помочь!

— Можете, — сказал Коратцо и сделал так, что седой кофиец поверил, что он — «может».

— Хорошо. Я закончу оформление завтра вечером.

— Почему так долго?

Коратцо сделал эффект заклятия «убеждения» постоянным. Дух понял, что разговор коротким не получится.

— Надо изготовить бумаги соответствующего образца.

Коратцо заглянул в сознание кофийца и, опираясь на его воспоминания, с помощью магии создал заветные документы.

— Эти вас устроят? — спросил он, протягивая бумаги старику.

— Да, но как?..

— Неважно.

Старик посмотрел на недовольное лицо Коратцо и понял, что ему действительно все равно. Обмакнув в чернильницу перо, Гинир поставил свой росчерк на каждом листе, затем достал из ящика стола пару журналов и что-то долго в них записывал. Прервался на мгновение, чтобы спросил у духа его имя и адрес конторы, а затем снова продолжил писать.

Коратцо терпеливо ждал, когда закончится эта пытка.

— Все, — радостно сообщил Гинир, протягивая бумаги духу. — Можете приступать к вашей деятельности.

— Благодарю, — ответил Коратцо и покинул душный дом так быстро, как только мог.

На улице его встретил Черс с кружкой охлажденного пунша. Видимо, он догадывался, что духу внутри придется несладко и смотрелся к ближайшей винной лавке за общеукрепляющим средством.

Коратцо в два глотка осушил кружку и поблагодарил паренька.

— Тяжело было? — поинтересовался Черс.

Дух кивнул.

— Ты вообще молодец. Я не думал, что ты так быстро управишься.

— Раньше мир был значительно проще, — философски, но немного не в тему заметил Коратцо. — Пойдем, нам предстоят великие дела.

До дома в порту они добрались быстро, благо ноги сами несли их вперед. Трудности остались позади, начиналось самое интересное.

План по поимке братьев Коратцо придумал в тот момент, когда валялся в постели с Мартой. Девица сказала ему, что больше всего на свете люди ценят деньги.

Веру за них купить нельзя, но вот заставить все свободное население городка искать его братьев — можно запросто.

Дух отлично понимал, что, прибыв в Сартос, братья попытаются найти себе логово и затайтися в нем. Будут получать от жизни удовольствие в меру своих ограниченных потребностей и копить силы для решающего удара.

Коратцо нужно было принудить действовать их в открытую. Он вполне реально оценивал собственные возможности и справедливо полагал,

что ему хватит сил убить любого из своих родственников.

Братья страдали излишней прямолинейностью и отсутствием стратегического образа мышления. Загнать их в ловушку — не проблема, главное — выманить из норки.

Идея же, посетившая духа, была до гениальности проста. Он собирался объявить награду за поимку каждого из своих братьев.

Они с Черсом уже успели согласовать большинство деталей плана. Долго думали над тем, стоит ли объявлять в розыск самого Коратцо. В итоге решили, что стоит. Это могло запутать противников.

Вести поиски решено было по двум направлениям.

Охочим до золота морякам и горожанам предлагались следующие варианты. Можно было разыскивать четырех духов, стремившихся соответственно к власти, магии, любви и незнамо-к-чему. Описания пристрастий, разумеется, были более подробными.

А можно было интересоваться моряками с корабля Коратцо.

В их телах первое время должны были находиться духи.

Коратцо продиктовал Черсу описание их внешности, погружаясь для этого в воспоминания зингарца, а паренек прилежно все записывал крупным разборчивым подчерком. Грамоте его обучил сам Коратцо, применив для этого несложное заклятье.

— Надо будет завтра художника найти, — предложил Черс. — Чтобы он их портреты нарисовал.

— Надо, — согласил дух Камня.

К их конторе «Сто золотых за человека» уже начал подтягиваться народ.

Глава 7

О морских псах

Всобачьей шкуре Зелтрану жить не нравилось совершенно. В основном из-за блох. Эти мелкие кусачие твари умудрялись доводить боцмана до бешенства. Он то принимался кататься на спине, то начинал гоняться за кончиком хвоста, на котором засела пара паразитов. И все это — под оглушительный хохот и свист команды.

К чести Зелтрана, он еще ни разу не опускался до того, чтобы погнаться за кем-нибудь из моряков, а уж тем более покусать.

Боцман старался сохранить чувство собственного достоинства, даже пребывая в столь необычной ипостаси.

К сожалению, мало кто из моряков относился к нему всерьез.

«Но ничего, — думал боцман, — придет мое время. Я вам все, шалопаям, припомню».

По набережной неторопливо двигалась рыжая кошка.

Инстинкты взорвались внутри Зелтрана. Ему захотелось немедля сорваться с места и пуститься в погоню за рыжей бестией. Но он сдержался. Даже не залаял.

— Боцман, — позвал пса Грув. — Пойдемте к Хозяевам, пусть посмотрят на вас.

Зелтран коротко гавкнул и засеменил по трапу вслед за матросом.

Команда странно поглядывала вслед удаляющейся парочке. У нее были все основания подозревать Грува в легком безумии, а пса — в самой что ни на есть обыкновенности.

Вчера ночью из отправившихся в бордель моряков на «Вестрел» вернулся только седовласый помощник боцмана. В одной руке он держал небольшой сверток, наполненный странной пылью, в другой — золотую статуэтку верховного вендийского божества. Вслед за моряком по набережной семенила беспородная псина с довольно хмурой мордой.

На Грува сразу же обрушились с вопросами — что да как.

И он начал рассказывать

— ...после того, как Зелтран в пса превратился, настала очередь Олафа. Подошел к нему толстяк, болтать о чем-то начал. Кажется, снял он с него заклятье немоты. Про что они трепались, я не слышал. Видел только по лицу Олафа, что боится тот исправно. И не зря ведь боялся. Толстяк начал тарабарщину какую-то выкрикивать, па-

лец на Олафа наставил. Тот аж сжался. Я тоже замер весь, смотрю, жду, что дальше будет. А вроде как ничего и не произошло, только толстяк уж очень нехорошо заулыбался. Путы магические с Олафом опали, он взял да и пошел к двери. Но лишь пять шагов сделал, как пеплом рассыпался. Я вот собрал его.

Грув продемонстрировал сгрудившимся вокруг него матросам сверток с пылью.

— Но это потом. Как с Олафом толстяк покончил, так сразу же ко мне направился. Я чувствую — все, конец пришел. Самое лучшее, если в кошку какую обратят. Но толстяк со мной заговаривать не спешил. Стул, на котором я сидел, обошел пару раз, уши мои зачем-то потрогал. Потом петь начал. Проникновенно так, только на языке непонятном. А как песенка закончилась, так сразу же заклинание плести начал. Он в этот миг за моей спиной стоял. Вот, думаю, даже не вижу, как кончина моя ко мне подлетает. Помните, я вам про искры рассказывал? Жду, значит я, обомлел весь. Страшно до жути. И тут он замолчал. Только что мямлил что-то, и вдруг тишина. Решил я, что он меня, как и беднягу Олафа, чем-то хитрым приложил. Сижу, не шевелюсь. Жить-то охота. Даже не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я со стула встать решился. Оцепенения как не бывало. Огляделся я по сторонам. Толстяка, вроде, нигде не видно. Махнул я тогда рукой на всю эту магию — коль помру, значит, судьба такая. Взял на руки божка, пса бессознательного, подмышку сверток с остат-

ками Олафа засунул и назад двинулся. По дороге боцман очнулся. Ошалел от своего нового состояния. Бегал кругами, бесился, лаял, пару раз меня за ногу прихватил. Потом успокоился.

Моряки Груву вроде как поверили. Пса с палубы не гнали.

Вышел, правда, один неприятный инцидент. Часть команды ратовала за то, чтобы божка прощать. Тот, мол, даже если и был когда живой человек, то ныне — не более чем статуэтка из драгоценного металла.

Зелтран на это предложение отреагировал зычным лаем, в котором часть матросов разобрава привычные интонации боцмана. Грув кричать не стал. Просто сказал, что убьет любого, кто к божку притронется. Перед капитаном Конаном он за это ответ держать готов. Гонору среди мореходов сразу же поубавилось.

Рано утром на корабль пришли шемиты, требовали капитана, хотели договор на поставку пшеницы разорвать и деньги назад вернуть. Разумеется, с такими запросами они были посланы куда подальше.

Зелтран приблизился к Груву, тявкнул на уходящих торговцев и побежал за ними. Помощник боцмана, вроде, понял, что пес собирается немного за шемитами последить. Во всяком случае, Грув согласно кивнул.

Зелтран подумал, что Грув, наверное, сомневается, различает ли он человеческую речь, вот потому и общается знаками.

За время слежки боцман успел сцепиться со

своей портовых собак. Организации у них не было никакой, нападали одновременно, страшно мешая друг дружке. Зелтран хорошенко их отдал и, довольный собой, побежал дальше.

Шемиты тем временем ходили от корабля к кораблю. Судя по кислым рожам, ответ везде был одинаков. Боцман всерьез раздумывал над тем, пойдут купцы топиться или нет? В предположениях своих он почти не ошибся. Двое шемитов время от времени бросались в сторону причалов, явно намереваясь свести счеты с жизнью, но в последний момент их ловили товарищи.

Купцы псу наскучили. С ними ничего интересного не происходило. За ночь они образумились и теперь расхлебывали последствия вчерашнего торгового загула.

Зелтрана подмывало сбегать в город, посмотреть, что там интересного творится, но чувство ответственности за корабль его остановило, и он решил вернуться на «Вестрел».

— Узнали чего-нибудь? — спросил Грув.

Пес помотал головой из стороны в сторону и разочаровано гавкнул.

— Понятно, — сказал моряк.

Зелтран несколько раз обошел палубу, наблюдая за тем, как матросы выполняют свою работу. Выполняли не ахти как, чувствовалось отсутствие твердой руки. Боцман попробовал пролаять что-нибудь сурвое. Не помогло.

Тут, как назло, стали доставать блохи. Чтобы не конфузиться перед командой, Зелтран забежал в свою каюту, которую специально для него

держали открытой, закрыл мордой дверь и, уже оставшись в одиночестве, вволю повоевал с прыгучими негодяями.

— Боцман, — донесся с палубы голос Грува.

Зелтран какое-то время провозился с дверью: слишком плотно он ее прикрыл. Выйдя наружу, пес неспешно побрел к моряку.

— Тут двое ребят заходили с «Огненного Дракона», — сказал седой матрос. — Говорили, что Хозяева на сегодня беседу с капитанами кораблей назначили. Я думаю, может, узнать у них на счет вас?

Зелтран раздраженно затряс мордой и зарычал.

— Ну и что, что стигийцы? — спросил Грув. — Других нормальных магов здесь нет, шарлатаны только. Вдруг вашу личину через какое-то время уже нельзя будет снять?

Боцман не спешил с ответом. Думал. Грув, конечно, правильно мыслит. Но очень уж не хотелось Зелтрану связываться со стигийской шайкой. Они, если и помогут, то потом все соки выжмут.

Тут боцман вспомнил о том моряке, что в золотого божка превратился. Он сам-то хоть какое существование влечит, а парень неизвестно что сейчас чувствует.

Пес коротко гавкнул.

— Я тоже думаю, выбора у нас нет, — сказал Грув.

И они стали ждать. Но Хозяева все не появлялись и не появлялись. Это было очень не похоже

на сверхпунктуальных стигийских магов. Вот уж кто никуда и никогда не опаздывал.

Зелтрана стали одолевать неприятные предчувствия. С магией в Сартосе творилось что-то неладное. А в том, что и шемиты пали жертвой колдовского воздействия, боцман не сомневался.

На берег команда «Вестрела» решила не сходить. События вчерашней ночи произвели на моряков сильное впечатление. Вот-вот должны были вернуться в город Конан с Сигурдом. Пусть они и решают, что делать дальше.

Так что, когда Грув и Зелтран решили сходить к Хозяевам, на них посмотрели, как на идиотов. Вернее, как на одного идиота и собаку.

Зелтран опасений команды не разделял, философски полагая, что хуже, чем сейчас, уже не будет. Он весело трусил вслед за Грувом, огрызаясь на портовых котов. Здесь — можно. Здесь никто не видит. Грув не в счет, он свой.

Сначала матрос с собакой заглянули в «Морского Змея», нашли там человека по имени Рашил и вежливо поинтересовались у того, не знает ли он, почему Хозяева соизволили изменить свои планы. «Лиловый» ответил, что на все воля Сета. На лице Рашила, правда, очень четко читалась, что он просто-напросто ничего не знает, а сознаться не хочет. Зелтрану очень захотелось укусить стигийца за его толстую ляжку.

«Что со мной такое? — одернул он себя. — Откуда эти песни привычки? Самоконтроль и еще раз самоконтроль!»

После «Змея» мореплаватели, двуногий и чет-

вероногий, направились напрямик к обители Хозяев. Что толку время тянуть?

Зелтрану очень не нравилось, как пахло это место. Внутри находилось что-то очень плохое, злое. Сам того не заметив, пес поджал хвост и сбавил шаг. На просьбы Грува идти чуть быстрее он никак не реагировал. Собачья ипостась не пускала боцмана к поместью. Он остановился, зевнул и жалостливо посмотрел на матроса.

— Нет уж, боцман, — сказал седой моряк. — Раз собрались идти до конца, то давайте идти.

Пес не сдвинулся с места.

— Ну, хорошо, — сказал Грув. — Только чур меня не кусать.

Моряк подошел к собаке, взял на руки и понес.

Зелтран сидел спокойно. Уверенность, исходившая от человека, передавалась и ему.

Трудно описать словами то, что творилось у подходов к поместью Хозяев. Только зрелище вчерашних шемитов, наверное, и помогло морякам хоть как-то воспринять творившуюся несущаризицу без попыток усомниться в собственной нормальности.

Если раньше жителям и гостям Сартоса удавалось за раз увидеть от силы двух или трех Хозяев, то сейчас в группы меньше пяти они не собирались. От поместья своего отходили исключительно квартала на два, потом чуть ли не бегом двигались назад. Вид при этом у них всех был на редкость затравленный.

— Уважаемые, — обратился Грув к шестерке

магов, что выглядели сравнительно неплохо. — Вы мне не поможете?

Шесть пар глаз уставились сначала на моряка, потом на собаку, потом снова на моряка, потом снова на собаку... и остановились.

Грув подумал, что боцман сейчас, наверное, помрет. Лица у магов были нехорошие.

— Ваша собака? — спросил один из магов.

— Я насчет нее как раз и собирался поговорить, — начал Грув.

— То есть она ваша? — перебил его маг.

Моряк понял, что дела совсем плохи.

— Это не собака, это — человек, — быстро произнес Грув, чтобы маги не успели ничего вставить.

— Знаю, — отрезал маг. — Вопрос в том, откуда это знаете вы?

Зелтран почувствовал, что Грув сейчас им все расскажет. Этого нельзя было допустить. Маги явно собирались взять боцмана с собой, но, если они узнают, что моряк был свидетелем той волшбы, то скрутят и его. Тогда на свободе не останется никого, способного поведать Конану о несчастье.

Боцман что было сил укусил моряка за руку. И вместо признания из его уст вырвался нечеловеческий крик. Пес, выпавший из его объятий и ударившийся о землю, лизал лапу и поскуливал. Грув нехорошо посмотрел на пса, но потом в его взгляде промелькнуло понимание. Зелтран немного успокоился.

— Взгляд у него такой, человечий, — сказал

матрос, изображая полуудурка. Потом добавил: — Был. Вот скотина неблагодарная.

Маги расхохотались.

— Давай мы избавим тебя от этой обузы, — предложил тот маг, что прежде вел разговор.

— Забирайте, — махнул рукой Грув, развернулся и побрел в порт.

Маги склонились над псом и начали внимательно рассматривать его. К боцману тем временем вернулись его прежние страхи, с ними пришло напряжение и одновременно желание его на кого-нибудь выплеснуть. Этим «кем-то» и оказался один из магов. Зелтран укусил его за руку и тут же отскочил назад, испугавшись собственной наглости.

— Нервничает, — сказал маг.

— Собаки — чувствительные твари, — согласился с ним другой. — Хоть душа у него человеческая, а инстинкты животные.

— Все равно, сдерживаться надо, — сказал третий маг, растирая укушенную руку.

Зелтран опасливо скосился на него. Но нет, стигиц вроде бы даже и не злился.

— Что делать с ним будем? — спросил первый.

— Надо бы привязать его, — вступил в разговор молчавший доселе сутулый маг. — Сбежать ведь может.

— Не сбежит, — как-то нехорошо произнес первый и, глядя в глаза псу, добавил: — Он ведь соображает, что от этого ему только хуже будет.

Зелтран коротко гавкнул.

— Кто-нибудь понимает, — обратился второй к своим товарищам, — что он говорит?

— Ничего он не говорит, — сказал укушенный. — Он лает. Собаки разговаривать не умеют. Где тебя только обучали?

— Чего ж ты руку трешь, раз такой умный? — обиделся второй.

— Кончайте языками молоть, — сказал еще один не вступавший доселе в разговор маг. — Надо отдать пса Ксарти.

— Ты сам к нему пойдешь? — спросил первый.

Ответом ему было молчание.

Зелтран не знал, кто такой Ксарти, но раз к нему стигийцы идти не хотели, то ему, простому боцману в собачьей шкуре, там точно делать нечего.

— Может, мы его у двери оставим, — предложил сутулый, — а до Ксарти он как-нибудь сам доберется?

— Вглядись в его песью морду, — сказал первый, — и ответь мне, пойдет он сам или нет.

Пес, как мог, изобразил полнейшее нежелание отправляться к неведомому Ксарти. Маг, иронии не понявший, действительно долго смотрел на Зелтрана. Что он там увидел, осталось загадкой, но спора продолжать не решился.

— Тогда отдадим кому-нибудь из первого круга, — предложил укушенный, — а они там сами пускай разбираются.

— Это дело, — согласился с ним первый.

Остальные тоже закивали.

— Я думаю, к Слепцу его вести не стоит, — продолжил свою мысль маг, пострадавший от зубов Зелтрана. — Что-то мне не нравится, как он себя вести стал.

— Что удивительного-то? — пофилософствовал второй.

— Я думал, что хоть весь мир перевернется, Карун-Ра этого не заметит. Вернее, сочтет прекрасным случаем для постановки эксперимента по воздействию магии на людей, живущих вниз головой.

— Это точно.

— Ну, не выдержал человек. Со всеми бывает.

— Жаль.

— Ладно, — сказал первый, — к кому все-таки пса поведем? К Биресу или Арзаресу?

— Ну его, этого Арзареса, — махнул рукой сутулый. — От него просто так не уйдешь потом. Допытываться начнет. Где пса раздобыли? Как поняли, что заколдованный? И еще сотню вопросов выдумает.

Повисло молчание. По напряженным лицам магов Зелтран понял, что им уже не раз приходилось страдать от излишней въедливости человека по имени Арзарес. Боцман понял, что к нему он точно не попадет, а жаль.

— Тогда — к Биресу, — заключил первый. — Он животных любит. Хотя нет! Он птиц любит!

Все шестеро оглушительно расхохотались.

Зелтран не уловил сути шутки, но, впрочем, особо к этому и не стремился. Его мысли занимало другое.

Предстояло набраться смелости и войти внутрь поместья...

— Посмотрите на пса, — сказал укушенный маг. — Дрожит. Надо на него заклятье наложить. Кто-нибудь помнит подходящее?

Зелтран мысленно попросил у парня прощения за свое недостойное поведение. Пострадавший оказался самым добрым из всех шестерых.

— Усыпим его на время? — предложил сутулый.

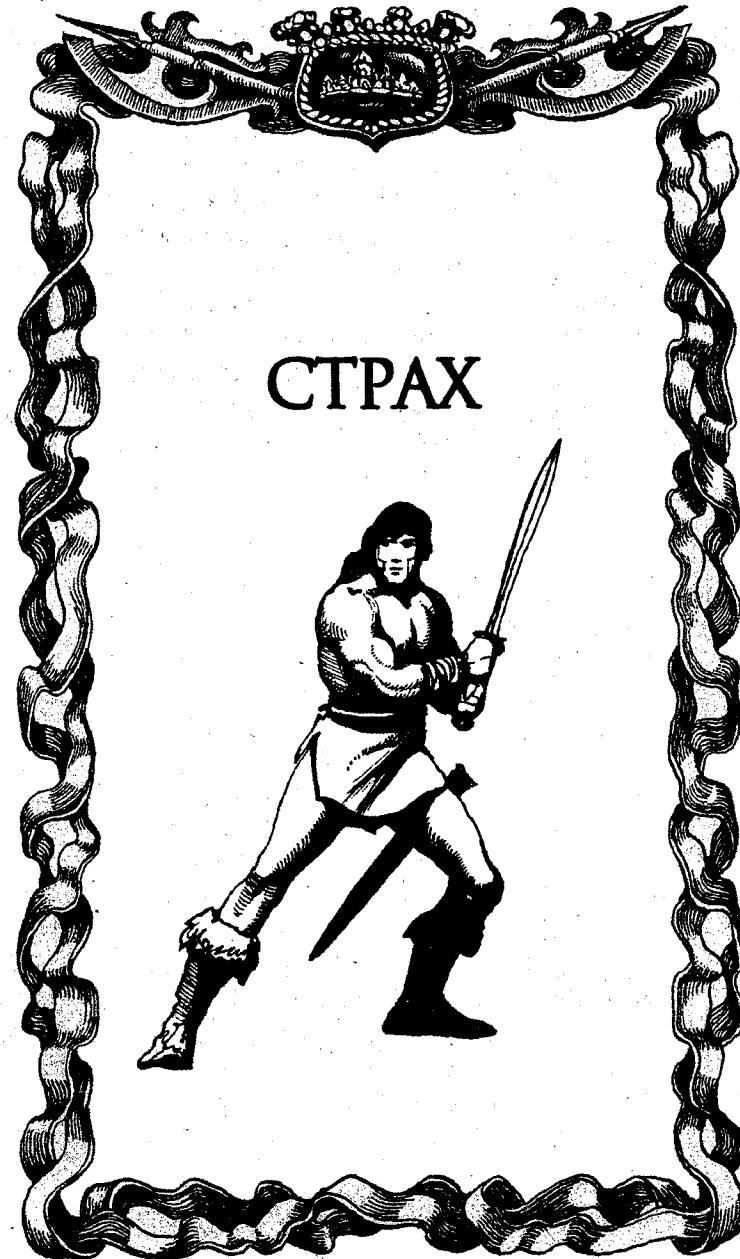
— А что? Хорошая идея, — сказал первый и начал творить волшбу...

* * *

Вот так «Вестрел» и лишился всех своих офицеров...

Боцман заколдован и находится во власти Хозяев Побережья. Капитан Конан со старшим помощником — далеко, в опасном и трудном путешествии. Одним богам ведомо, как пираты выкрутятся из неприятностей на сей раз...

Теперь вся надежда команды — лишь на своего капитана, на его хитрость, силу и поразительную удачливость!

СТРАХ

Смерть в саду золотых масок

егодня лорд Форез был поглощен тяжелыми раздумьями. Причин для мрачного настроения имелось у него предостаточно. Сумеречное состояние, в которое была погружена душа молодого лорда, отнюдь не являлось той обычной для уроженца Британии легкой и беспричинной меланхолией, которая нападает то и дело, — от дурной ли погоды, от скверной ли встречи на улице, а то и просто от некрасивого лица экономки, имевшей неосторожность встретиться лорду, пока тот, облаченный в турецкий халат с прорехой на локте, проснувшись поздно, бродит по дому в тщетных поисках выпивки.

Нет, дурное настроение лорда Фореза имело давнее и прочное обоснование. И заключалось оно именно в том, что Форез имел несчастье уродиться лордом.

— Был бы я, скажем, просто каким-нибудь селянином, — говорил он своему отражению в плохо отполированном медном зеркале, купленном у старьевщика. Отражение брезгливо, с омерзением кривилось. — Да, да, — Форез наставительно грозил ему пальцем, — и копался бы себе в земле, выращивая какую-нибудь репу... Тьфу!

Он плюнул, попал отражению в глаз и заботливо отер плавок рукавом.

— Прости. Или, положим, если бы мои родители были торговцами тряпьем. Вроде того бедолаги, который всучил мне тебя за два ломаных гроша. Больше ты, впрочем, и не стоишь... Жил бы себе в чумазой лавчонке, не умел бы читать, только подсчитывал бы денежки, медяшку к медяшке — и так доковылял бы себе до старости. Никаких забот, никакой печали!

Он демонстративно вздохнул, поправил на груди рубашку из шитого атласа. У плеча рубашки красовалась прореха, запить которую не представлялось возможным: ветхая ткань расползлась под иглой.

— Нет, — продолжал лорд Форез, — меня угодило родиться именно лордом! И именно у моих родителей! Как будто богам охота была посмеяться... Впрочем, их коварство широко известно. Я даже говорить об этом не буду. И вот мой достопочтенный родитель, вместо того, чтобы продать меня кочевникам в жестокое и невыносимое рабство, отдает в обучение дяде Эмбриако. Превосходно!

Мой милый дядюшка, богатый, как кхитай-

ский император, и с такими же причудами, охотно берет к себе племянничка. Растил его. Кормит отборным зерном, точно призового голубка в своей любимой голубятне. Воспитывает... Тьфу! Обучает владеть мечом и все такое. А книги... Великие боги, какие у достопочтенного Эмбриако есть книги! В богатейших окладах. С рисунками. Даже с позолотой, кажется. И любую из этих книг я в состоянии прочесть, ибо дядюшка — чтоб его сожрали духи! — обучил меня грамоте.

А дядин сад! Как истинный пожилой чудаковатый бритунец дядя Эмбриако — коллекционер. Каких только диковинных деревьев нет него в саду! Для него специально привозят растения со всего света. Да на одних только садовников он тратит больше, чем иной земледелец — на свои поля вкупе с рабами, их обрабатывающими. Развел оранжереи, чтобы его драгоценные кустики, видите ли, не мерзли. А другие растения, ну надо же, привезены из суровых северных краев, так дядюшка нарочно держит двух рабов, чтобы те в жаркие дни обмахивали их листики опахалами. Было бы ради чего... Какие-то облезлые, чахлые, кривобокие деревца с маленькими листьями и крохотными цветочками. Но нет, они — важная часть дядиной коллекции, и он беспокоится о них больше, чем о родном племяннике.

Среди деревьев у него выстроены беседки. Не для бесед, понятное дело. Там у дядюшки собрание диковин. Статуэтки, фигурки, маски, ритуальные ножи и копья, какие-то набедренные повязки, снятые с убитых людоедов и проданные

дядюшке за бешеные деньги пришлыми авантюристами. Все это расставлено по хрустальным полкам, развешано по стенам, инкрустированным костью и драгоценными породами деревьев... Ая-ля-ля... Словом, дядюшкин сад — это нечто. Туда даже водят гостей его величества, когда в Британию прибывает особо важная делегация. От короля приходят специальные люди и просят дядюшку устроить у себя прием. Ну, каково?

И вот, после всего этого... меня выдворяют в родительский дом. Потому что матушка моя, извольте видеть, испустила дух. От горя, как утверждают соседи, но лично мне кажется, что от беспрудного пьянства. Что до отца...

Тут лорд Форез сжимает кулаки, не в силах продолжать.

Ибо Форез-старший покончил с собой, когда понял, что окончательно спустил все свое состояние. И добро бы он его, скажем, проиграл какому-нибудьциальному, заранее известному лорду. Тогда оставалась бы надежда. Отыграться, выкупить имущество — убить этого лорда, в конце концов! Но нет, судьба распорядилась иначе.

Деньги Фореза уходили постепенно, к разным людям, по мелочам. Он проигрывал их, он покупал совершенно ненужные вещи, которые потом ломались. Затем у него сгорел дом, и вся семья вынуждена была перебраться в маленькую лачугу на окраине Пайрогии. Остатки денег они прошли.

В свое время бездетный Эмбриако охотно взял к себе маленького племянника.. Форез-старший и

его супруга наивно полагали, будто дядя обеспечит их сына и устроит хотя бы ему безбедное существование. Плохо же они знали своего родственника!

У дядюшки Эмбриако, кроме Фореза, имелось еще несколько племянников. И все они так или иначе претендовали на наследство. А у Фореза, кроме всего прочего, был скверный нрав, так что в один далеко не прекрасный день между юным Форезом и дядей Эмбриако произошел весьма неприятный разговор.

Призвав к себе племянника (сына двоюродной сестры, чтобы быть уж совсем точным), Эмбриако произнес:

— Я хотел бы знать, дорогой Форез, правда ли то, о чем говорили вчера в доме графа Сабрана.

— Что именно? — потягиваясь с нарочито нахальным видом, спросил Форез. — Обо мне рассказывают самые разные вещи...

Тогда эта рубашка из шитого атласа была совершенно новая. Она сверкала и переливалась в свете масляной лампы, которая горела на столе, освещая стакан вина, блюдо с фруктами и кольцо с дорогим камнем, несомненно, женское, ибо предназначалось для очень тонкого пальчика.

— Ты знаешь, о чем я! — рассердился Эмбриако. — Ты соблазнил дочь графа.

— Она сама соблазнилась, дядюшка, — при воспоминании о девушке Форез невольно облизал губы. — Ты даже не представляешь себе, как испорчены бывают эти так называемые невинные юные аристократки.

— Граф имел со мной весьма неприятную беседу, — продолжал Эмбриако.

— Если он хочет, чтобы я женился на его дочери, то я согласен, — тотчас сообщил Форез. — Она премилая штучка. Такая сладенькая!

Он засмеялся.

— И приданое у нее тоже весьма сладенькое, — добавил Форез после паузы. — Так что передай графу, что я завтра же готов...

— Граф велел сказать, — перебил дядюшка Эмбриако, — чтобы ты не приближался к его дому и на три полета стрелы!

— Не может быть! — Форез даже подскочил от неожиданности. — Я ведь ее обесчестил! Дядя! Это несправедливо... Я обиживал ее больше месяца. Потратил на нее кучу карманных денег, которые ты так милостиво выдавал мне... Я находил для нее разные заморские диковины. Я даже нашел способ уложить ее в постель. Клянусь всеми богами, я лишил ее невинности и теперь готов жениться!

— Милый мой Форез, — сурово ответил Эмбриако, — ты плохо представляешь себе ситуацию. Ты — сын дурных родителей, которые поспешили избавиться от тебя, чтобы не испытывать беспокойства за твою судьбу. Они препоручили тебя мне...

— Ну да, — охотно поддержал Форез. — Что тут непонятного? Ты обеспечишь мое будущее. Разве это не так, дядя?

Эмбриако пожал плечами.

— Ты не единственный мой родственник. Кро-

ме того, пока я жив, — а я еще долго буду жив, учи это, — я могу прекратить давать тебе деньги в любой момент.

— Но ведь ты не сделаешь этого? — пробормотал Форез.

— Еще как сделаю! — заявил Эмбриако.

— Но дядя... Я же сказал, что обесчестил...

— Можешь не носиться с этим подвигом. У девушки такое приданое и такое безупречное происхождение, что она найдет себе выгодного мужа при любых условиях. Даже если останется с целим выводком маленькихbastardиков, которых ее отец, граф Сабран, не успеет утонуть в реке.

— Клянусь Бэлит! О чём ты говоришь, дядя?

Дядя схватил племянника за плечо и сильно толкнул.

— О том, что ты сейчас же соберешь свои вещи и покинешь мой дом! Не пытайся убить меня. Я предполагаю, что ты совершишь несколько покушений в надежде получить наследство.

— Ну, дядя... — беспомощно промямлил Форез. Однако глаза его горели ненавистью, и Эмбриако хорошо понимал значение этого взора.

— Я сообщил городским властям, и правительству, и начальнику сыска, о наших с тобой отношениях. Если я умру при подозрительных обстоятельствах, ты будешь первым, кого повесят. Мне обещали, что виселицу установят прямо на моей могиле.

— Боги! Дядя! Ты жесток.

— Всего лишь предусмотрителен, — сказал Эмбриако.

И вот Форез с двумя сундуками, набитыми под завязку красивой одеждой, покинул дядин дом и перебрался в жилище своих покойных родителей.

— Если бы я не был лордом, — бормотал он, — если бы у меня не было богатого дядюшки, который не собирается умирать и наделять меня наследством... А ведь существуют еще и другие наследники! И ни одного из них я и пальцем тронуть не смею.

Это печалило его больше всего. Голодая, отказывая себе во всем, Форез поначалу старался держаться молодцом. Он по-прежнему бывал в обществе и посещал прежних знакомых. Это продолжалось недолго — пока его роскошная одежда не пообносилась. После этого он перестал показываться в богатых кварталах и стал избегать людей, с которыми прежде водил знакомство.

Единственная мысль засела у него в голове: как извести дядю и наследников-конкурентов таким способом, чтобы никому не вздумалось заподозрить в покушении Фореза?

Часами бродил он по Пайрогии, заходя иной раз в самые опасные воровские кварталы. Там его не трогали — многие знали опустившегося лорда и если не сочувствовали ему (вряд ли обитатели воровского дна были способны на сострадание), то, во всяком случае, понимали: с этого человека взять нечего.

А Форез присматривался к встреченным головорезам. Те хлебали скверное пойло прямо из бутылей или из битых кружек в грязных тавернах,

бахвалились друг перед другом, затевали стычки и задирали безобидных с виду прохожих — иной раз нарываясь на еще более жутких убийц, нежели они сами.

Казалось, ни одно дело, даже самое отвратительное, не вызвало бы у них затруднения. Но... Как убить Эмбриако и двоих других претендентов на его наследство? Зарезать из-за угла? Кто бы это ни сделал, подозрение в любом случае падет на Фореза. Отравить? Задушить? Сжечь вместе с домом? Выманить дядюшку в загородную поездку и организовать «несчастный случай» — скажем, с обезумевшей лошадью, которая ни с того ни с сего понесет и сбросит всадника в подходящую пропасть?

Нет, нет, нет...

Форез был близок к отчаянию, когда в трущобах Пайрогии встретил одного кхитайца.

Это был очень старый, очень оборванный кхитайец. Он сидел на обочине и уныло, безнадежно просил милостыню. Ему почти не подавали. И не потому, что жители Пайрогии такие уж бессердечные скоты, вовсе нет! Большинство из них просто не замечало крохотного старичка в серых штанах и серенькой рваной рубахе, с плоской шляпой, привязанной к голове веревочкой, и погасшей тонкой трубкой в редких желтых зубах. Казалось, этот человечек слился с мостовой.

Форез обратил на него внимание потому, что споткнулся о его ноги. Выругавшись, лорд-недаучник наклонился и вдруг встретился взглядом с пристальным взором очень узких раскосых

глаз. В первое мгновение Форез испугался: кхитаец показался ему каким-то демоном, порождением тумана и болезненного воображения.

Затем «демон» заговорил.

— Ты опрокинул моя чашка, — сообщил он. — Ты рассыпал моя деньги.

Форез действительно вывалил на мостовую те три или четыре медяка, что лежали на донышке плоской чашечки, стоявшей у ног нищего. Он поддал ногой по чашке, и она разбилась.

— Ты разбил моя чашка, — бесстрастно сказал кхитаец.

— Ну и плевать! — объявил Форез.

Он вознамерился было идти дальше, но крохотный нищий подпрыгнул, вскочил на ноги и вдруг оказался прямо перед Форезом, загораживая ему дорогу.

— Ты уходишь от моя, — сказал он. — Так не годится.

Форез попытался отшвырнуть его, но не тут-то было. Старичок словно прирос к мостовой. Он показался обнищавшему лорду чугунным, так он был тяжел.

— Что тебе надо? — сдался Форез.

— Я хочу деньги, — сказал нищий.

Форез подбоченился, запрокинул голову и оглушительно расхохотался. Его безрадостный смех прозвучал глухо. Были уже сумерки, и туман быстро сгущался на улицах города. Даже эхо, казалось, оглохло здесь, в узком, точно ущелье, переулке.

— Что тут смешная? — осведомился нищий.

— Смешная тут то, что у меня самого нет денег, — ответил Форез. — Позволь мне идти своей дорогой.

— Нет, так не годится, — кхитаец покачал головой. — Почему у такая важная лорд нет деньги?

— Потому что дядя Эмбриако выгнал важная лорд из дома, а родители этого важная лорд — жалкие неудачники и пьяницы, и я надеюсь, что теперь, когда они умерли, все демоны преисподней терзают их плоть своими гнилыми зубами! — взорвался Форез.

— Так не годится, — сказал кхитаец. — Нельзя так говорить о родители. Родители надо почитать. Умершие надо почитать.

— Если бы они оставили мне приличное наследство, я почитал бы их от всей души, — заверил Форез своего странного собеседника.

Тот качал головой, точно заведенный.

— Нет, нет. Такие, как ты, никого не почитать. Даже если бы было наследство.

— В любом случае, его нет, так что и говорить не о чем.

— Всегда есть о чем, — сказал кхитаец. — Расскажи мне о дядюшке.

И Форез, сам не зная, почему это делает, привел нищего старика-кхитайца в свой нищий дом, усадил там на единственный стул, а сам устроился на полу. Хотя, если подумать, умнее было бы сделать все наоборот: кхитайца, привыкшего сидеть на циновках, следовало бы разместить на полу, а самому сесть на стул.

Но Форез хотел быть гостеприимным, и кхи-

таец оценил это. Он stoически сидел, выпрямившись на стуле, хотя к концу разговора у него страшно разболелась спина.

А разговор получился весьма примечательный.

— Для начала расскажи, кто ты такой, — потребовал Форез. — А то ты все обо мне знаешь, а я о тебе — только самую малость.

Кхитаец прищурился, хотя поначалу казалось, что его глаза не смогут сузиться еще больше.

— А что ты про меня знаешь?

— Ну, что ты — кхитаец. Что ты — нищий.

— Почему нищий? — удивился кхитаец.

— Разве ты не просил милостыню? — удивился, в свою очередь, Форез.

— Может быть, — сказал кхитаец. — Но я не нищий. Я очень-очень богатый. — Он приложил палец к виску. — Вот здесь. Я имею много знания.

— Отлично! — воскликнул Форез не без яда. — Что-то я не вижу, чтобы это знание тебя кормило или давало тебе кров над головой!

— Сейчас увидишь, — обещал кхитаец.

— Кроме того, ты — старик, — продолжал Форез.

— Это точно, — на сей раз кхитаец не стал возражать.

— Что еще я должен знать о тебе?

— Что я могу тебе помочь...

Форез напрягся.

— Каким именно образом?

— Я знаю, как убить несколько человек. И ни-

кто не поймет, почему это случилось, — сказал кхитаец бесстрастно. — Все будут только недоумевать.

— Невозможно! — воскликнул Форез. — Я размышлял над проблемой день и ночь несколько лет, и все без толку. Ни один наемный убийца...

— Ты так глуп! — вскричал кхитаец, ерзая на стуле.

Форез пропустил оскорбление мимо ушей. Он видел, что кхитаец очень возбужден. И это волнение поневоле передавалось молодому человеку. Неужели нашел? Неужели сейчас он услышит о способе устраниТЬ и дядюшку, и кузенов?

— Ты должен ехать в Кхитай, — сказал после паузы старик.

Форез поперхнулся. Многое он ожидал услышать, но только не это!

— Должно быть, ты выжил из ума, — сказал Форез устало. — Как я поеду в Кхитай? У меня нет денег.

— Будешь обольщать женщин, — старик гаденько хихикнул. — Говорят, ты это умеешь.

— Кто говорит?

Форез огляделся по сторонам, словно ожидая увидеть сплетника прямо здесь, в своей маленькой убогой комнатушке.

— Твои вещи, — пояснил старик. — Ты считаешь себя красивцем. Если тебя умыть, причесать и одеть, то так, наверное, и покажется многим глупым женщинам. Мне неважно, как ты поедешь в Кхитай. Я расскажу тебе, какую вещь ты должен там найти.

Они проговорили почти до рассвета. Форез то верил старику вполне и принимался рыдать от счастья, то вдруг его охватывали сомнения, и тогда он метался по комнате и рвал на себе волосы. Старый кхитаец наблюдал за ним с тихой улыбкой. Что-то забавляло нищего в том, как ведет себя молодой, вспыльчивый лорд, которого угораздило родиться бедным.

Наконец солнце пробило туман лучами-копьями, и на улицах стало светло. Заглянул отважный маленький лучик и в хибару Фореза. Старик-кхитаец дремал на стуле, свесившись набок и уронив голову на грудь, а молодой лорд сверлил его взглядом и грозно кусал себе губы. В конце концов он заговорил:

— Ну, хорошо, положим, я поверю тебе и соглашусь... Но тебе-то какая польза от всего этого?

Кхитаец дернулся на стуле, встрепенулся, как птица, которую потревожили, и заморгал.

— Я только глупая старая кхитаец, — сообщил он. — Я хочу жить твой дом, есть твой пища и просить мой милостиныя на улицах Пайрогии.

* * *

Форез покинул Пайрогию пешком и двинулся на восток. В небольшом городке на самой границе Бритунии он нанялся охранником в караван, направляющийся к Турану. Его охотно взяли. Охранников не хватало, а время поджимало. Купцы торопились доставить товар в Туран, где их уже ждали; в случае опоздания хорошая партия ту-

ранских ковров могла уйти к конкурентам. И как на грех накануне вечером двое охранников передрались, и один убил другого.

Разумеется, убийца был передан городским властям, так что теперь караванщиков охраняло всего три человека.

Фореза наняли охотно, но... за половинную плату. Молодой лорд на собственной шкуре убедился в том, что среда наемников обладает такой же строгой иерархией, что и аристократическая. Может быть, даже более строгой. Человека со стороны, без рекомендаций и знакомств, принимают крайне неохотно, ему не доверяют и задирают — до тех пор, пока ему не представится случай доказать свою компетентность.

Однако выхода не было. Форезу требовалось попасть на восток. Молодой, сильный, обученный владению оружием, он вполне полагался на собственные силы.

Жизнь вскоре преподнесла лорду первый урок. На первом же ночлеге Форез, следуя давней привычке, забрал себе самый удобный матрас из всех, что имелись в телеге с припасами и пожитками странников, и устроился на ночлег под телегой. Вдруг дождь? Форезу совершенно не хотелось промокнуть.

Его разбудили, едва он смежил веки, причем сделали это самым грубым образом: сперва спящего вместе с тюфяком выволокли из-под телеги, а затем отдубасили палками и отпинали сапогами. Форез мог только слабо отмахиваться руками и вскрикивать:

— Вы что? Почему?

Начальник стражи каравана схватил его за шиворот и подтащил прямо к своим глазам. Оскалившись, он прорычал в лицо ошеломленному Форезу:

— Это — мой тюфяк! Это — мое место! А ты — никто, и спать будешь на голой земле под открытым небом!

С этим он швырнул Фореза на землю. И тот, поплакав и поворочавшись, заснул прямо на камнях.

Следующая неделя превратилась для него в пытку. Избитое тело болело, и Форез не мог даже позволить себе минуту отдыха. Ему приходилось ехать на лошади или идти пешком. В телегу его не пускали — из опасения, что он сожрет припасы, предназначенные для долгого пути. К голоду молодой лорд привык давно, но к такому обращению, как он полагал, привыкнуть невозможно.

С этим караваном Форез расстался без всякого сожаления на самой туранской границе. Чуть позже он нанялся в следующий, где к нему относились гораздо лучше. Во-первых, теперь он мог назвать имена некоторых наемников, а во-вторых, весь его вид свидетельствовал о том, что Форез — тертый калач. Он загорел, одежда на нем пропиталась потом. На барахолке, где продавалось краденое и снятое с убитых, Форез прикупил себе кожаную безрукавку и кожаные же штаны, а также модные среди наемников сапоги с тяжелыми носками. Это повысило ему жалование почти в полтора раза.

До Кхитая он добрался через полгода уже бывалым воином. На его счету был даже один убитый разбойник, так что вскоре некоторые молодые наемники начали ссыльаться на свое знакомство с лордом Форезом. Его так и называли — «лорд Форез», как бы в насмешку. Потому что Форез, не оставляя надежды когда-нибудь завладеть наследством и войти в высшие слои общества, продолжал щеголять аристократическими манерами. Они сделались его отличительной чертой — подобно тому, как другие наемники носили серьгу или разукрашивали себе щеки татуировкой.

* * *

Кхитай открыл ему поначалу в виде бескрайних полей, залитых водой. По колено в воде бродили маленькие желтолицые люди, и у каждого к голове была привязана веревочкой плоская шляпа, соломенная, с растрепанными краями. Совсем как у нищего, который завладел теперь лачугой Фореза в Пайрогии.

Лорд Форез с интересом рассматривал поля и работающих там людей. Неужели эти крестьяне, довольствующиеся такой жалкой участью, принадлежат к тому же самому народу, который породил мудрых колдунов и удивительных каллиграфов?

Форезу доводилось видеть работу кхитайских художников — такую тонкую, что она, казалось, не под силу была грубой человеческой руке. Ве-

роятно, таким художникам помогают духи их народа.

А может быть, продолжал раздумывать Форез, у кхитайцев все разделено: вся тяжелая работа досталась одним, а все изящество — другим?

Впрочем, он скоро изменил свое мнение, поскольку любой из крестьян, как оказалось, в состоянии был нарисовать удивительный значок с причудливыми очертаниями и объяснить, что этот значок обозначает.

Фореза интересовало, как выглядят вывески трактир и борделей. «Чтобы не перепутать и не спросить где-нибудь на таможне девочку для услуг», — объяснил он на ломаном кхитайском, помогая себе бурной жестикуляцией. Когда кхитайские крестьяне поняли, чем интересуется этот рослый человек с круглыми глазами и для чего ему знать смысл некоторых иероглифов, их веселью не было границ. Они охотно обучили Фореза нескольким значкам, заставили десятки раз повторить звучание незнакомых ему прежде слов, а заодно напоили крепкой рисовой водкой и накормили пресным рисом.

Ошалевший от их гостеприимства, Форез отправился дальше. С собой у него была теперь горстка риса и свежая вода в маленькой фляжке.

Бывалый путешественник и бравый солдат-наемник, лорд Форез чувствовал себя как нельзя лучше. Он нигде не пропадет! То и дело он посматривал на табличку, где для него нарисовали иероглифы, чтобы получше их запомнить.

Город, который он искал, назывался Ло Фо.

Небольшой городок совсем недалеко от границы, объяснил лорду Форезу старик кхитаец. Там встречаются иностранцы, так что Форез не обратит на себя слишком большого внимания.

Нужно остановиться в любом трактире. Нужно платить чуть больше, чем спрашивают, за еду и крышу над головой, тогда хозяева трактира отнесутся к постояльцу как к родному сыну и ответят на любые его вопросы.

Прожив день или два в полном безделье, надлежит узнать, где можно найти человека по имени Хань Ду.

У Хань Ду дурная репутация, потому что он содержит очень плохой бордель. Но если хозяева трактира отнесутся к постояльцу как к родному сыну, они расскажут ему даже про Хань Ду.

Оказавшись в чужой стране, Форез решил в точности следовать инструкциям своего наставника, и потому действительно остановился в трактире и начал сорить там деньгами.

Кроме нескольких чиновников невысокого ранга, которые путешествовали по важным поручениям своих начальников, в трактире обитал еще один круглоглазый. Это был рослый детина с копной черных волос и ярко-синими глазами. Не такими уж и круглыми, кстати, вечно прищуренными, словно их обладатель пытался рассмотреть чуть больше, чем открывалось простому взору.

Детину звали Конан, и выглядел он точно таким же наемником, каким был и лорд Форез. Знакомство они свели тем же вечером. Иначе и

быть не могло: двое иностранцев в далеком Кхитае, в одном трактире... Да еще оба — наемники!

Форез назвал свое имя, слабо надеясь на то, что до Конана уже доходили рассказы о том, как он, Форез, храбро убил целого одного бандита.

Однако Конан только фыркнул:

— Форез? Впервые слышу.

— Меня называют «лорд Форез», — добавил наемник вкрадчиво.

— А почему? — удивился Конан. — Вот меня называют киммериец, это потому, что я из Киммерии. А ты что, настоящий лорд?

— Может быть, — скромно пожал плечами Форез.

— А может быть, и нет! — захохотал варвар оглушительно и потребовал еще рисовой водки.

Водку подавали подогретой в крошечных чашечках. Конан проглатывал содержимое этих чашечек, одну за другой в страшных количествах точно устриц, и совершенно не хмелел. Зато у Фореза все плыло перед глазами. Киммериец заметил это и дружески посоветовал:

— Ты, приятель, много этой дряни не пей. С непривычки может стать очень плохо.

Форез только двинул бровями. Оказалось, что киммериец прав. Скоро лорд уже плохо соображал, где находится и с кем разговаривает.

— Мне нужно отыскать бордель, — лепетал он.

— Ну, не сейчас же! — резонно возражал ему варвар. — Да и к чему тебе какой-то бордель? Я могу познакомить тебя с чудесными девушками без всякого борделя. Они охотно примут в объя-

тия такого мужчину. Им нравятся мужчины с запада.

— Не какой-то бордель, а совершенно определенный, — пьяно настаивал на своем Форез. — Который содержит этот... как его... урод один... кхитаец, в общем...

Он замолчал, мучительно припоминая имя содергателя. Наконец сказал, как будто выплюнул:

— Хань Ду!

— Хань Ду? — удивился Конан. — Но у него очень плохой бордель!

— А чем он плох, а? — поинтересовался Форез.

— Женщины старые, в комнатах грязно. Угожение никудышное, — начал перечислять варвар. — Да еще и цены высокие. Бывают такие места — ни одного достоинства.

— Но ведь как-то он существует? — не унимался Форез.

— В этом сокрыта самая большая кхитайская тайна, — согласился Конан. — А для чего тебе такое место, как заведение Хань Ду?

— Мне его... порекомендовали, — сообщил Форез. И погрозил Конану пальцем: — Только т-сс!

— Порекомендовали? — удивился варвар. И вдруг насторожился. Что-то почудилось ему в облике Фореза. Хоть тот и плохо соображал, но говорил весьма связно. Имелась определенная логика во всех этих высказываниях. И очень эта логика варвару не понравилась. Нутром он чуял: неспроста разыскивает бритунец этого Хань Ду.

— Ну да, — продолжал Форез. — Мой друг и рекомендовал... У меня есть друг кхитаец.

— У меня тоже есть друг кхитаец, — сказал Конан, — и он мне решительно не советовал...

— А мой кхитаец, наоборот, очень даже советовал... Как ты думаешь, если твой кхитаец против моего кхитайца... то кто победит?

Конан подумал о своем друге, кхитайском каллиграфе Тьянь-По, с которым познакомился при довольно странных обстоятельствах, в замке, полном колдовства и загадок. С тех пор им не раз доводилось вместе переживать различные приключения, и маленький каллиграф успел по-настоящему подружиться с рослым верзилой варваром.

Однако ни о чем из этого Конан не успел рассказать своему новому знакомцу, потому что Форез, упав лицом на стол, крепко заснул.

* * *

Наутро выяснилось, что стремление Фореза оказаться в борделе, пользуясь скверной репутацией, ничуть не угасло.

Напротив, проспавшись и окончательно придя в себя после вчерашнего, лорд Форез был бодр и полон планов.

— Что ты там забыл? — недоумевал Конан.

— Определенного представления о том, что именно мне требуется, пока что нет, — честно признался Форез. — Впрочем, могу намекнуть. Я проделал весь путь из Британии до Кхитая спе-

циально для того, чтобы повидаться с этим Хань Ду. Ну как? Что скажешь?

— Загадочно, — признал Конан. — А нельзя ли мне побольше узнать о том твоем кхитайце? Ну, о том, который присоветовал встретиться с Хань Ду...

— Отчего же... — Форез пожал плечами. — Впрочем, многого о нем я тоже сообщить не смогу. Обычный старый нищий.

— Где вы познакомились? — настойчиво продолжал расспросы киммериец.

— В Британии...

— Обычный нищий! — Варвар уставился на Фореза ярко-синими глазами. Усмешка расплзлась по загорелому лицу варвара. — Просто старенький кхитаец в Британии. Такое ведь на каждом шагу встречается, не так ли?

Лорд Форез густо покраснел.

— Я хочу сказать, что в самом нищем ничего странного не было. Может быть, судьба забросила его слишком далеко от родной земли, и это обстоятельство можно счесть не вполне обычным. Согласен. Ты ведь знаешь этих попрошаек, которые прикидываются мудрецами, чтобы только разжалобить богатеньких господ!

Перед киммерийцем — даром, что тот был необразованным варварам, неотесанной дубиной, грубым наемником и пьяницей к тому же, — лорд Форез чувствовал себя глупым мальчишкой. Изысканное образование и аристократическое воспитание подмогой ему сейчас никак не служили. Это не могло не раздражать.

— Итак, он пытался разжалобить богатеньких господ своей псевдо-мудростью, — безжалостно сказал Конан. — Кто у нас богатенький? Ты? — Киммериец смерил своего собеседника с ног до головы критическим взглядом. — Не думаю! — заключил Конан таким тоном, как будто завершил врачебный осмотр и нашел пациента не вполне здоровым.

— Ну... — замялся Форез. — Я, конечно, не...

— И много он получил от тебя?

— Весь мой дом, — признал Форез. — Правда, домик так себе...

— А ты по его совету потащился в Кхитай! Не такая уж она ложная, мудрость твоего нищего кхитайца!

— Ты покажешь мне, где находится заведение Хань Ду? — рассердился наконец лорд Форез. — Или я буду разыскивать его сам!

— И наткнешься, пожалуй, на чай-нибудь нож, — пробормотал Конан. — Здесь гораздо больше негодяев, чем ты предполагаешь, дружие. Кхитайцы только с виду народ смиренников. На самом деле разбойного люда они породили ничуть не меньше, чем бритунцы.

— Или киммерийцы, — попытался пошутить Форез.

Но Конан не улыбнулся.

— Киммерийцы, возможно, и превосходят их, — вполне серьезно заметил он, — но в том, что касается всех прочих... Ладно. Провожу тебя.

Они вместе покинули таверну и отправились бродить. Фореза поразило, как легко ориентиру-

ется Конан в лабиринте узеньких улочек, словно бы нарочно сплетенных в тесный клубок, как умело и вежливо разговаривает с местными. Конан был выше их на две головы самое малое, но они охотно вступали с этим великаном в беседу. Более того! Какой-то приезжий кхитаец, чиновник невысокого ранга, заблудившийся среди лавочек, торгующих креветками, пресным рисовым хлебцем и подслащенной водой, обратился к Конану с вопросом о том, как ему выбраться к Дворцу Присутствия — месту, где заседают чиновники. Это просто потрясло Фореза. Конан показал чиновнику дорогу. Кхитаец, благодарно поклонившись, поспешил по своим делам, а Форез обратился к Конану:

— Он что, принял тебя за местного жителя?

— Возможно. — Конан пожал широченными плечами. — Меня почти везде принимают за местного.

— Боги! Как тебе это удается? Ты не похож ни на что из встреченного мною прежде!

— Это-то и подкупает, — хмыкнул Конан. — Скажу тебе больше. Некоторые чернокожие из Черных Королевств полагают, что я — негр по имени Лев Амра, жуткий пират и гроза морей.

— Негр? Боги, помогите мне! Уж не оборотень ли ты?

Выпалив это, Форез тотчас пожалел о сказанном. Гигантская ручища варвара схватила его за горло. Синие глаза блеснули у самых выпущенных глаз Фореза.

— Я — Конан из Киммерии, — тихо сказал

варвар. — И это все. Никогда — слышишь ты? — никогда не предполагай, что я буду дружить с духами, демонами, колдунами, оборотнями, ведьмами и прочей нечистью! Я их ненавижу. Ясно тебе?

— Ясно, — прохрипел Форез. — Отпусти же меня.

Конан разжал пальцы и пробурчал:

— Ладно.

Заведение Хань Ду предстало перед ними в конце переулка, стиснутого лотками и прилавками. Здесь пахло рыбой и водорослями, хотя до моря было далеко.

Рыбу привозили издалека, обложив ее льдом с горных ледников. Однако эта мера предосторожности помогала не всегда. Рыба попадала в городок чуть подпорченная, и оттого острый морской запах становился еще сильнее.

Два круглых фонарика тихо покачивались над входом. В окне маячила толстая женщина с обиженно надутыми губами. Замученная худышка шваркала тряпкой по крыльцу, видимо, пытаясь придать заведению сколько-нибудь приличный вид. Удавалось ей это плохо.

Конан остановился.

— Ты по-прежнему уверен, что желаешь видеть Хань Ду?

Форез нерешительно кивнул и шагнул вперед. Киммериец смотрел ему в спину и покачивал головой. Затем крикнул:

— Учи, вызволять тебя отсюда я не буду!

Форез обернулся, помахал ему рукой и исчез

за обтрепанной занавеской, сплетенной из тростника.

Он очутился в небольшом помещении, где тускло чадила масляная лампа. Здесь пахло странными благовониями и дымом ароматических курильниц.

Любой знаток сказал бы Форезу, что все благовония — самого дурного качества, но для бритунца это было не очевидно, поскольку он вообще в этих тонкостях не разбирался.

Толстая женщина — та, что была видна с улицы, — пошевелилась у окна. На ней был неряшливый шелковый халат, наброшенный прямо на голое тело. Форез увидел жировые складки уставшей немолодой плоти, и ему сделалось противно.

— Ну? — сипло спросила женщина. — Ты принес что-нибудь покурить старой добре Фу?

— Насчет Фу — определенно, — вздохнул Форез.

Женщина, не поняв его, склонила голову набок. После короткого молчания она повторила вопрос:

— Ну, так ты принес покурить для старой добре Фу?

— Нет, — сказал Форез. — Я хочу видеть Хань Ду. У меня к нему важное дело. И если старая добрая Фу проводит меня к хозяину...

— А... — Женщина глубоко вздохнула, отлепилась от окна и двинулась к Форезу. — Ладно. Я провожу тебя.

Она зашлепала по нечистому полу босыми

пятками. Форез скользнул за ней. Молодой человек старался двигаться осторожно, но все равно то и дело задевал выступающие из темноты предметы: то полочка с какими-то сосудиками окажется на пути и возмущенно задребезжит, то кованый сундук вцепится в лодыжку твердым углом. Когда Форез добрался до господских покоев, он был уже весь избит и покусан, как ему казалось. «Старая добрая Фу», естественно, не обращала никакого внимания на страдания бритунца.

— Господин! — крикнула она хрипло, обращаясь к циновке, загораживающей дверной проем. — К тебе пришел какой-то глупый верзила.

Оттолкнув женщину, Форез нырнул за циновку и остановился, изумленный.

В крохотной комнатке с низеньким потолком горели сотни миниатюрных ламп.

Светильники были сделаны в виде раскрытых цветков лотоса. Их алебастровые лепестки источали бледное сияние. По всей комнате бегали матовые пятна света.

Некоторые из ламп, как почудилось Форезу, висели прямо в воздухе. Должно быть, они прикреплены к потолку тонкими цепочками, смятенно подумал бритунец.

Он был так увлечен этими лампами, что не сразу заметил сидящего в комнате человека. А человек этот был не менее примечательным, чем светящиеся лотосы. Это был маленький кхитаец, гораздо меньше обычного человека — карлик со сморщенным раскосым и плоским лицом. Его глаза тонули в складках, зато ноздри, короткие и

вывороченные, глядели с лица двумя округлыми отверстиями. Коричневые губы в окружении морщин шамкали.

Он сидел прямо на полу, где не было никакой мебели, если не считать мятого и совершенно вытертого ковра. Когда Форез присмотрелся, он не без удивления заметил остатки узоров: давным-давно ковер был изготовлен в Туране. С тех пор прошло, наверное, несколько сотен лет.

— Садись, — прошептал Хань Ду.

Форез подогнул ноги, опустился на колени, а затем устроился, как умел, на пятках.

Он приготовился рассказывать Хань Ду свою историю — о нищем, о странном совете отправиться в Кхитай, о своем путешествии... Но Хань Ду слабо махнул рукой, словно отметая подробности как нечто излишнее и ненужное.

— Оставим все, — зашелестел его голос. — Говори о главном.

— Главное? Ну... — Форез замялся. — У меня есть богатый дядя и двое кузенов. Я хочу получить дядины деньги так, чтобы они, во-первых, достались только мне, а во-вторых, чтобы никто не заподозрил меня в покушении на жизнь достопочтенных родственников. Вот и все. Это — если в общих чертах.

— Большего знать и не требуется, — захихикал Хань Ду.

Форез не верил своим ушам.

— И ты готов помочь мне? — переспросил он изумленно. — Вот так, ни о чем больше не спрашивая?

— Конечно, — заявил кхитаец.

— Но... ты ведь назовешь свою цену? — продолжал Форез. — Я не могу ведь просто так взять у тебя какой-нибудь яд или... — Он нервно огляделся по сторонам. Теперь два или три светильника раскачивались в воздухе, и Форез ясно видел, что никакие цепочки или ленты не крепят их ни к стенам, ни к потолку. Они попросту плавают в воздухе. — Или заклинание, — сглотнув, выговорил лорд Форез.

— Заклинание? — Кхитаец затрясся от смеха. — Ну нет! Я еще не настолько стар и выжил из ума, чтобы отдать в руки глупого бритунца заклинание! Ты все испортишь. Ты ничего не смыслишь в магии.

— Это правда, — не стал отпираться Форез. — Но я... ни перед чем не отступлю.

— Хорошо, хорошо... Я дам тебе одну вещицу. Тебе ничего не придется делать. Просто возьми ее и спрячь. Никому не рассказывай. Никому не показывай. Ты меня понимаешь?

Форез кивнул. Его руки прыгали от жадности. И все же он нашел в себе силы спросить:

— Но ведь ты потребуешь что-нибудь взамен?

— А как же! — произнес кхитаец и затрясся от беззвучного смеха. — Но ты узнаешь об этом после. Да, после... — Он призадумался, как будто что-то взвешивал в уме.

Форез пристально следил за ним, покусывая в нетерпении губу. Больше всего на свете молодой человек боялся, что Хань Ду вдруг передумает и откажется ему помогать. Он уже видел, как это

бывает. Человек вдруг напрягается, лицо у него делается отсутствующим, и изменившимся тоном он объявляет, что никакого обещания он не давал, и вообще никакого разговора не было. Так, например, повела себя с ним дочь графа Сабрана. Еще вчера умиленно улыбалась при виде Фореза, а сегодня уже изображает, будто они едва знакомы.

Но об этой лицемерке лучше и не думать. Стоило совращать ее с пути истинного, чтобы тебя потом выставили из дома! Форез скрипнул зубами и тут заметил, что кхитаец внимательно наблюдает за ним. Наблюдает с застывшей улыбкой на сморщенном лице.

— Я дам тебе кое-что, — повторил он. — Мне нужно, чтобы это оказалось в Бритунии. Только и всего. Ты меня понял? Ты сделаешь так, как я тебе повелю: возьмешь это и подаришь дядюшке. Ни о чем не рассказывай. Никому.

— Но я...

Форез хотел сказать, что не слишком доверяет вещам, достающимся бесплатно. Как говорила кухарка в доме дядюшки Эмбриако, бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Кхитаец приподнялся и вдруг сделался гораздо выше ростом. Теперь его седенькая лысеющая макушка почти доставала до потолка.

— Ты сделаешь, как я сказал! — проговорил он совсем другим голосом, звучным и гремящим.

Форез съежился. Под пронзительным, пылающим взглядом кхитайца он почувствовал себя совсем маленьким, ничтожным. Вместе с тем в глубине души лорда Фореза зародилась досада. Как

так! Почему он, лорд Форез, трепещет перед каким-то Хань Ду, сорожателем плохого борделя на кхитайской границе?

Но это было правдой. Хань Ду пугал Фореза. Молодой человек ощущал, что в этом сморщенном карлике скрывается какая-то непонятная, таинственная сила.

— Я согласен, — пробормотал он, глядя на своего собеседника снизу вверх. — Я сделаю все, как ты повелишь, Хань Ду.

Кхитаец моргнул с таким видом, словно впервые слышал это имя. Затем вдруг расплылся в широкой улыбке.

— А! — вымолвил он. — Хань Ду. Ну конечно. Да-да. Хань Ду. А ты будешь меня слушаться, верно?

Он уселся, снова сделавшись маленьким и беспомощным старичком со съеженным лицом, и несколько раз звучно хлопнул в ладоши.

Форез удивленно оглядывался по сторонам. Пока кхитаец нависал над ним, в комнате произошли изменения. Светильники прижались к стенам, как будто были испуганы не меньше, чем посетитель, и помаргивали оттуда. Циновка, висящая в дверном проеме, шевелилась, словно за нею кто-то прятался.

Затем чья-то невидимая рука отодвинула плетеную циновку в сторону, и в комнату медленно вплыла золотая маска. Это была старинная кхитайская ритуальная маска, изображавшая, должно быть, самую прекрасную девушку на свете. Удлиненный овал лица, пухлые губы, длинные

глаза, чуть раскосо посаженные, но достаточно большие, чтобы понравиться не только кхитайцу, изящные, чувственные ноздри, — девушка была совершенством. И только если приглядеться более пристально, можно уловить едва ощущимое выражение жестокости, словно бы спящее в углах ее рта.

Маска, казалось, висела в воздухе, никем не поддерживаемая. И хотя лорд Форез успел убедить себя в том, что он готов к любым чудесам и загадкам, эта вещица поразила его до глубины души.

Покачиваясь перед его лицом, маска прошла сперва в одну сторону, потом в другую. Затем кто-то невидимый резко сдернул ее — и тотчас перед Форезом оказалась жуткая уродина. Он отпрянул и больно прикусил себе язык, чтобы не закричать. Еще одна женщина из заведения Хань Ду, на сей раз тощая, изможденная, со сломанным носом, торчащим чуть вбок и приплюснутым, с гноящимися глазками и длинным подбородком, на котором — о ужас! — росла редкая жесткая щетина.

— Боги! — вырвалось у Фореза. — Для чего ты держишь у себя этих пугал?

Хань Ду хохотал, держась за бока и встрыхивая головой.

— У некоторых людей странное представление о возбуждающем, — сказал наконец кхитаец-карлик. — Большинство предпочитает полногрудых, молодых женщин. Некоторым нравятся худые, похожие на мальчиков. Иным вообще нравятся

только мальчики, но сейчас мы говорим не о них. И есть особые клиенты. Особые! Такие, что обожают грязь, старость, разложение, смерть. Они стыдятся признаться в этом своим домашним. Любой поймет мужчину, который захочет повеселиться в обществе красивой девушки. Но кто поймет тайное желание мужчины провести ночь в объятиях безобразной старухи? Мое заведение — для очень немногих. Для избранных. Для несчастных, которые мнят себя отверженными. Для тех, кто не похож на всех остальных. И их, кстати говоря, гораздо больше, чем ты предполагаешь, глупый бритунец...

— Я уже ничего не предполагаю, многочтимый Хань Ду, — сдался лорд Форез. — Как только я сделал первый шаг за порог родного дома, мир представал передо мной совершенно иным, нежели представлялся прежде...

— Ты мудр, — сказал Хань Ду. — С годами ты, быть может, научишься понимать многие вещи. О, да. Многие... — Он задумался, пожевал губами, поразмыслил. Нашел свою фразу пустой и ничего не значащей и засмеялся. — Не всякому вздору верь, бритунец, даже если его изрекают уста старика!

— Ладно, — сказал Форез. — Так я и сделаю. Но как получилось, что до тех пор, пока твоя женщина не сняла маску, я не видел ее?

— Она пряталась за маской, — объяснил кхитаец.

— Я не видел не только лица, но и всего тела, — настаивал Форез.

— Всего лишь потому, что смотрел лишь на маску.

— Нет! — Форез покачал головой. — Ты хочешь одурачить меня, не так ли? Я достаточно глуп для этого. Но все же недостаточно, чтобы не замечать, помимо лица, рук и ног. Не забывай, я — наемник, воин, я всегда слежу, не грозит ли мне опасность.

— Ну, если ты такой наблюдательный... — протянул кхитаец. — Да, это особенная маска. Не вздумай надевать ее! Опасность велика. Просто возьми ее, заверни в шелк и спрячь в свой мешок. Отвези в Британию и преподнеси своему дядюшке. Дальнейшее предоставь случаю. Рано или поздно он исчезнет, и никому не придет в голову заподозрить в этом происшествии тебя.

— Разве что кто-нибудь припомнит, что я возвращался из Китая и дарил дяде странные предметы для его коллекции.

— А ты устрой так, чтобы эти предметы преподнес ему кто-нибудь другой, — сказал кхитаец. И вдруг зевнул, показав беззубый рот. — Уходи. Ты меня утомил. Забирай вещь и уходи. Понял?

— Ты так и не сказал, что ты хочешь в обмен на эту маску, — напомнил Форез.

— Я свое уже получил, — объявил кхитаец. — Так что бери — пока я не передумал.

* * *

Конан застал своего друга Тьянь-По за работой: тот собирал вещи и укладывал их в дорож-

ную корзину. Завидев варвара, кхитаец обрадовался:

— Поверишь ли, Конан, я хотел искать тебя! Мне говорили, что ты в стране...

— Для чего ты хотел меня искать? — ворчливо удивился варвар и устроился на циновках.

Маленький каллиграф взял в руки очередной письменный прибор, повертел, проверил, остри заточены палочки, кольнув себе палец и сморшившись.

— Не уходи от ответа, — сказал Конан.

— Для чего один друг ищет другого? — проговорил наконец Тьянь-По. — Повидаться, поболтать. Может быть, сходить в какое-нибудь симпатичное заведение, пропустить стаканчик...

— Я так не думаю, — объявил Конан. — Только не в нашем случае.

— Почему? — лукаво склонил голову набок Тьянь-По.

— Потому что я — наемник, — сказал Конан. — И если меня ищут, то обычно по делу.

— Ну, не думаешь же ты... — начал Тьянь-По, притворяясь обиженным.

— Думаю! — перебил Конан. — Так что говори, какое у тебя ко мне дело, иначе я уйду. И не скажу, какое дело у меня к тебе.

— Вот так, сразу... — огорчился Тьянь-По. — Нет чтобы сперва выпить чаю, поговорить на разные отвлеченные темы. Я рассказал бы тебе о своих впечатлениях. Я ведь путешествовал до озера Порхающих Бабочек и видел, как восходит солнце над розовыми лотосами... Сразу за озером

высится гора, на вершине которой выстроена пагода, где висят десять хрустальных колокольчиков. Если совершиТЬ правильное восхождение на эту гору, то можно достичь просветления.

— А можно не достичь, — сказал Конан. — Или свернуть себе шею. Во всяком случае, поздравляю тебя с успешным возвращением, Тьянь-По. Ну как? Мы достаточно помололи языками без толку и теперь можем переходить к важному? Или ты хочешь поведать мне еще о чем-нибудь?

— Ты безнадежен, — сдался маленький каллиграф. — Ладно, слушай. Мне нужен компаньон для поездки в Британию.

— А при чем тут я? — спросил Конан.

— Ты — сильный, проницательный... — начал Тьянь-По, лукаво кося глазами.

— Угу. А ты — хитрая льстивая обезьяна. Говори сразу, что надо!

— Надо охранять хитрую льстивую обезьяну, потому что она боится доверять свою драгоценную жизнь незнакомым наемникам, — сдался Тьянь-По. — Еще она не хочет присоединяться к торговым караванам, на что есть целых две причины: во-первых, следующий торговый караван на запад отправляется только через полгода, как я выяснил, а я тороплюсь... А во-вторых...

— Довольно и первой причины, я полагаю, — хмыкнул Конан.

Тьянь-По умолк и заморгал почти виновато.

— Ладно, — заявил киммериец великолушно, — продолжай. Для чего тебе Британия? Неу-

жели и там появились желающие изучать каллиграфию? Что-то сомнительно. Для того, чтобы рисовать всех этих козявок, которые у вас, кхитайцев, обозначают буквы, слова и целые фразы, нужно иметь пальцы как у насекомого.

— У насекомых нет пальцев, — возразил Тьянь-По.

Конан махнул ручищай.

— Ты меня понял, не притворяйся глупее, чем ты есть.

— Ладно. Нет, речь не идет об уроках каллиграфии, хотя некоторые женщины даже на западе имеют определенные задатки для постижения этого искусства... — Глазки Тьянь-По блеснули, но тут же погасли. — Не отвлекай меня, варвар! — закричал он, размахивая рукавами. — Ты нарочно завел разговоры о женщинах, чтобы сбить меня с толку!

— О женщинах заговорил ты, — возразил Конан. — Я всего лишь спрашивал, для чего тебе ехать в Бритунию, да еще так срочно.

— Наш император получил письмо от короля Бритунии, — сказал Тьянь-По. — Ты понимаешь, как это важно?

— Для императора, может быть, и важно, — беспечно отозвался Конан, — а для киммерийца Конана это абсолютно безразлично.

— У тебя нет чувства долга, — сказал Тьянь-По укоризненно. — А у меня есть. Бритунский король просит нашего императора прислать к его двору специалиста по праздникам Золотых Масок.

— То есть тебя? — уточнил Конан.

— Ну, — Тьянь-По скромно потупился, — возможно, бритунский король не вполне хорошо знает мое имя... Или вообще его не знает... Но речь шла о специалисте, а это, несомненно, я!

— Для чего бритунскому королю все эти ваши кхитайские церемонии? — продолжал удивляться Конан. Он вполне поверил своему приятелю — Тьянь-По не стал бы ему врать, но мотивы, коими руководствовался король Бритунии, оставались для него загадкой.

А загадок киммериец не любил.

Тьянь-По пожал плечами и привычным движением поддернул рукава своего халата.

— Он хочет произвести впечатление на посольство Аквилонии, кажется, так он написал в письме. Сейчас в закатных странах мода на все кхитайское. А если учесть, что в Пайрогии живет самый известный на западе коллекционер кхитайских диковин... Тебе доступна моя логика, или рассказать подробнее?

— Логика доступна, — проворчал Конан, — но подробности тоже не помешают. Что за коллекционер?

Тьянь-По сморщился.

— Просто богатый чудак, я полагаю. Собирает у себя в саду различные растения, которые ему привозят со всего света. Покупает за большие деньги разные диковинки у авантюристов, которые, опять же, приезжают к нему со всего света. Держит в своем имении художника, который составляет для него каталоги его коллекций.

— Что делает? — уточнил Конан.

— Рисует и подписывает. Вещь такая-то, привезена из такой-то страны, таким-то убийцей туземцев, продана за такую-то сумму и теперь хранится у нашего лорда.

— Понятно. Ты тоже хочешь что-нибудь нарисовать?

— Если придется. Но вообще-то, как я уже говорил, я должен заняться церемонией. Посмотреть, какие у нашего лорда есть вещи и каким образом эти предметы могут быть использованы для создания кхитайской церемонии. Подчеркиваю: это будет не настоящая церемония. Поскольку истинная реальна только в Китае. Но имитация должна быть по возможности полной.

— Я думаю, тебе следует не столько воссоздавать кхитайскую церемонию при помощи имеющихся под рукой предметов, — сказал Конан, — сколько имитировать ее, предварительно изучив представление людей закатных стран о том, каковы должны быть кхитайские обычая.

Тьянь-По засмеялся и забил в ладоши.

— Ты очень хитроумен, Конан.

— Это свойство любого варвара. Нас напрасно считают тупыми. Нет никого хитрее, чем варвар.

— Разве что кхитаец... — сказал Тьянь-По. — Теперь твоя очередь. Ты знаешь обо мне все, а я о тебе — лишь самую малость.

— Я был здесь по делу, — начал Конан. — Точнее, в сам Кхитай меня занесло случайно. Я... э... уносил ноги от одного назойливого типа, который... э... считал, что я обошелся с ним не вполне

справедливо. В общем, тип теперь у добряет кхитайскую почву, а я оказался здесь. Чему, в принципе, даже рад, ибо у меня появилась возможность повидаться с тобой.

— Превосходное начало для повести, — произнес Тьянь-По, одобрительно кивая. — Однако продолжай! Умоляю тебя, не останавливайся.

— Ладно, ладно... — Конан хмыкнул. — Вчера я встретил здесь еще одного человека из закатных стран. По странному совпадению, бритуна. Он уверяет, будто служил наемником, охранял караваны. Может, и не врет, вид у него действительно бывалый и несколько потрепанный, как у всякого наемника. Но вот что я тебе скажу, Тьянь-По: если он и охранял караваны, то совсем недолго. Шрамов нет, руки гладкие, ладонь не похожа на лопату. Он, в отличие от меня, — тут Конан с удовольствием глянул на собственную руку, твердую, точно деревяшка, — расставался с мечом.

— Что делал здесь этот бритунец? — Тьянь-По выглядел теперь немного встревоженным. — Его тоже занесло в Кхитай по случаю? Спасался от назойливых типов?

— Нет, мне так не показалось... Он хотел найти заведение Хань Ду. Сказал, что нарочно приехал повидать этого самого Хань Ду.

Тьянь-По даже подскочил, едва заслышав это имя.

— Что ты говоришь! — вырвалось у маленького каллиграфа. — А сам ты бывал у Хань Ду?

Конан покачал головой.

— Еще чего не хватало! Всем известно, что у него очень плохой бордель. Посмотри на меня, дружище. Разве я похож на человека, который захочет посещать плохой бордель? Да я вообще, если охота знать, не люблю бордели! У меня полно знакомых девушек, и если я пожелаю, то...

— Знаю, знаю! — Тьянь-По сморщился. — Не продолжай. Я имел в виду не девушек, а самого Хань Ду.

Конан залился багровой краской.

— Что ты сказал?

— Не то, что ты подумал, — отмахнулся кхитаец. — Хань Ду ворочает темными делишками. И если какой-то человек приезжает из Бритунии нарочно для того, чтобы повидаться с Хань Ду, значит, дело очень и очень нечисто.

— Скорее всего, торговля порошком черного лотоса, — отмахнулся Конан. — Весьма дорогостоящий способ самоубийства. Но меня это не касается. Если господин Форез намерен купить черного лотоса у господина Хань Ду, а потом продать его еще кому-нибудь господину, то это их личное дело.

— Так-то оно так, — вздохнул Тьянь-По, — но если речь идет не о наркотике?

— А о чём? — удивился Конан. — Что еще можно вывезти отсюда — нелегального, экзотического, типично кхитайского да еще такого, чтобы дорого стоило?

— Существует много разных вещей, о которых ты даже не подозреваешь.

— Для того, чтобы хорошо спать, вкусно пи-

таться и дожить до старости, совершенно не обязательно знать все, — сообщил Конан. — Кстати! — вспомнил он. — Этот Форез говорил, будто к Хань Ду направил его один кхитайский нищий. Очень странный нищий. Форез встретил его в Пайрогии...

Друзья призадумались. Теперь, когда Конан перечислил все, что было ему известно о Форезе, предприятие бритунского наемника начало выглядеть более чем подозрительным.

— Как ты думаешь, — сказал наконец Тьянь-По, — имеет его приезд какое-то отношение к празднику, который наш император помогает устраивать бритунскому королю?

— Возможно, — сказал Конан.

— Прямое — или косвенное? — настаивал Тьянь-По.

— Возможно, — повторил Конан. — Интересы людей могут сплетаться самым различным образом. Иногда настолько причудливо, что распутать этот клубок не под силу никому, кроме разве что богов.

Друзья помолчали немного.

— Знаешь что, — промолвил наконец Конан, — я отправлюсь в Британию вместе с тобой.

Кхитаец нескованно удивился:

— А разве это не было уже решено?

— Нет. Ты меня попросил — это правда, но я не успел дать согласие...

— Теперь даешь?

Конан кивнул.

— Не нравится мне Форез. Не нравится мне

Хань Ду. Мне даже этот бритунский коллекционер кхитайских диковин не нравится. Хорошо бы их всех одним махом прихлопнуть! — высказался варвар. — И вот что, Тьянь-По... Налей-ка мне чаю, да расскажи подробнее про порхающих бабочек.

* * *

Маленький караван состоял из трех человек — двух охранников и каллиграфа, — и пяти лошадей, из которых две были вьючные. Они выступили в путь через два дня после встречи Конана с Тьянь-По. Форез попросился к ним в попутчики, когда узнал, что киммериец со «своим кхитайцем» направляются в Британию. Ему не стали отказывать. С одной стороны, лишний человек не помешает: мало ли что может случиться в дороге. Путь предстоит неблизкий, местами довольно опасный, так что второй охранник будет кстати. С другой стороны, Конан чувствовал, что Форез впутался в какую-то странную историю. Весьма странную. И, возможно, довольно пакостную. Так что стоит держать его в поле зрения.

Каллиграф знал себе делал таинственное лицо и помалкивал. Конан знал, что за внешностью простака скрывается человек мудрый и проницательный, но Форезу совершенно незачем знать о выдающихся качествах личности Тьянь-По. Бритунскому наемнику сообщили лишь, что перед ним — знаменитый каллиграф, а также знаток

обычаев и церемоний, приглашенный к бритунскому двору в качестве консультанта.

На всякий случай Конан дополнитель но напоминал своему компаньону кое-какие подробности касательно Тьянь-По:

— Ты думаешь, Форез, что он просто кхитаец и все? Ошибаешься! Характер у него — бешеный! Двух помощников, которые ему не угодили, он лично превратил в полевых мышей!

— Во-первых, не двух, а трех! — подал голос Тьянь-По, который, как оказалось, прекрасно все слышал. — А во-вторых, не в мышей — тьфу! нечистое животное! и опасное! — а в обезьян.

— Разыгрываешь, — недоверчиво протянул Форез, поглядывая на Конана.

— Вовсе нет, — сказал варвар с самым серьезным видом. — Кроме того, он, — тут Конан опять покосился на Тьянь-По и понизил голос до еле слышного шепота, — большой охотник до женщин! Иной раз за ночь ублажает десяток и всему мало!

— Браки! — сказал Тьянь-По.

Конан выпрямился.

— Только не притворяйся, что ты слышал.

— Конечно, слышал. Ты врал, что я охотник до женщин.

Конан махнул рукой, а Форез поневоле глянул на маленького кхитайца с уважением. Этот важный человечек, восседавший на лохматой выносливой лошадке с таким видом, будто готовится начать очередной урок каллиграфии у себя в храме, где жили, трудились и обучались учени-

ки, понемногу начинал вызывать у лорда Форэза странные чувства. Молодому человеку казалось, что его дурачат, и в то же время он догадывался о том, что его спутники — не простые люди. Далеко не такие простые, какими хотели бы выглядеть.

Позднее, на привале, Конан тихо спросил у Тьян-По:

— Неужели ты действительно слышал, как я говорил о твоей ненасытности с женщинами?

Каллиграф покачал головой.

— Конечно, нет. Я догадался.

— Как?

— Ну... Ты всегда об этом говоришь, когда хочешь произвести впечатление.

Конан сжал кулак и занес его над головой кхитайца, одновременно с тем скorchив ужасную рожу. Тьян-По засмеялся.

— Изумительно, Конан! Я никогда не пожалею о том, что пригласил тебя охранять мою персону.

* * *

У моря Вилайет начинался самый опасный участок пути. Здесь давно хозяйничает банда Аббаза. В последний раз Конан сталкивался с Аббазом и его людьми чуть севернее, однако хитрый гирканец никогда не нападает дважды на одном и том же месте.

— Хорошо бы нам проскочить незамеченными, — проворчал Конан, когда впереди показались небольшие, убогие селения солеваров. — Не

знаю, где теперь промышляет мой приятель, но встречаться с ним я определенно не желаю.

Однако этому благому пожеланию не суждено было сбыться.

Купцы из Хоарезма прибыли к солеварам почти одновременно с кхитайцем и его спутниками. Конану это обстоятельство не понравилось с самого начала. Где соль — там и кровь, рассуждал киммериец и оказался убийственно недалек от истины.

На большие плоскодонные баржи грузили соль в бочках. Одну за другой переносили ее kostяные, жилистые грузчики, обнаженные по пояс, в широченных штанах. За их работой надзирало двое хоарезмийцев с бичами. Грузчики, надо заметить, не были рабами — они получали плату за свой труд.

Однако этот факт не мешал им оставаться ленивыми и вечно недовольными. Поэтому надсмотрщики, бранясь на чем свет стоит, подгоняли их бичами.

Конан поглядел на картину, представшую его взору, хмуро, без удовольствия. Ему вообще не нравилось, когда кого-либо подгоняют бичом. Независимо от того, заслужил ли человек дурного обращения или просто сделался случайной жертвой чужой жестокости.

— Пойдем, — сказал своему другу Тьян-По. — Эти люди сами нанялись на работу. Они в состоянии отвечать за себя.

— Я и не собирался за них вступаться, — фыркнул Конан. — Еще чего не хватало! Нет, мне

не нравится другое... Они слишком долго копаются. Как будто ждут чего-то.

— Ну да? — усомнился кхитаец.

Третий участник похода, лорд Форез, подъехал ближе, чтобы слышать, о чем говорят его товарищи. Конан не стал делать тайны из своих наблюдений.

— У меня складывается такое впечатление, будто грузчики нарочно долго возятся с работой. Вероятно, ждут, пока подойдут их сообщники.

— Какие сообщники? — не понял Форез.

— Полагаю, грабители, — сообщил Конан, не моргнув глазом. — Я знаю по крайней мере три банды, что разбойничают в здешних краях. Полагаю, есть и еще. Но скорее всего скоро мы увидим самого Аббаза.

— Мы ведь не станем выручать хоарезмийских купцов? — спросил лорд Форез. — Мне кажется, у нас для этого маловато сил.

— Хоарезмийские купцы — вполне взрослые и ответственные люди, — согласился Конан. — Они шли на риск сознательно. И если они так глупы или так скучны, что не обзавелись подходящей охраной, то это их беда. Не моя. И не наша, — добавил варвар.

Он поднял голову и прищурил глаза.

— Ага! — воскликнул он. — А вот и наши друзья. Легки на помине.

Степь покрылась облаками, которые быстро приближались. Конан прикидывал, сколько врагов может насчитываться в банде, и в конце концов объявил:

— Человек пятьдесят, не меньше.

Он ударил лошадь пятками и поскакал к причалу. Грузчики как раз побросали бочки и потянулись за кинжалами, которые прятали на поясе. Размахивая мечом, варвар на коне влетел на причал и снес голову ближайшему из бандитов.

Надсмотрщики закричали. Один из них растерялся и бросился бежать, и бандит успел метнуть кинжал ему в спину, так что надсмотрщик споткнулся и рухнул лицом в воду. Однако второй широко размахнулся бичом и выбил нож из руки третьего из бандитов. Конан подоспел во время, чтобы отсечь нападающему руку.

— Беги! — крикнул он человеку с бичом. — Предупреди своих! Аббаз! Это Аббаз!

Дважды просить не пришлось. Человек бросил бич и помчался в поселок, где находились купцы.

Банда между тем приближалась. Из поселка навстречу разбойникам уже скакали охранники купеческого каравана. Конан быстро окинул их взглядом. Да, купцы из Хоарезма хорошо знали, куда отправляются и кто им может повстречаться. В охране находилось не менее сорока человек, и все — очень хорошо вооружены.

Конан без колебаний встал в их ряды.

Стычка началась сразу, едва только кони столкнулись грудью. Никто не остановился даже для того, чтобы выстрелить из лука. Размахивая мечами и дико визжа, гирканцы набросились на солдат. У бандитов имелось небольшое превосходство в численности, однако солдаты, несо-

мненно, обладали куда более крепкими доспехами. Гирканские сабли скользили по тяжелым кирасам.

Впрочем, бандитам не впервые сталкиваться с подобным врагом. Они целили удары не по людям, а по лошадям. Оказавшись на земле, тяжелоооруженный всадник делался беспомощным. Ему предстояло высвободиться из стремян, выбраться из-под грузного коня, упавшего набок и придавившего седока. Да и поднявшись на ноги кавалерист не чувствовал себя вполне уверенно. Доспех мешал ему, сковывал движения.

Конан, одетый, как и люди Аббаза, в куртку из твердой вываренной кожи, двигался куда быстрее, чем солдаты из купеческого каравана. Он носился среди врагов, как молния, и разил без устали налево и направо. Казалось, невозможно уйти от удара длинным прямым мечом, сверкающим в руке варвара, как молния.

Форез вместе с Тьянью-По приблизились к месту схватки.

— Хочешь участвовать? — спросил кхитaeц своего спутника.

Лорд Форез покачал головой.

— Меня почти наверняка убьют, — признался он. — Я не слишком хороший боец. В отличие от твоего друга. Никогда не видел, чтобы человек так владел мечом! Он непобедим.

— Надеюсь на это, — вздохнул Тьянью-По. — Вероятно, не было другого способа проехать мимо озера Вилайет, если Конан ввязался в схватку... Вообще-то он весьма миролюбив.

Последнее заявление каллиграфа заставило бритунца посмотреть на него с изумлением и перернуть плечами. Лорд Форез сильно сомневался в том, чтобы могучий, самоуверенный и довольно раздражительный варвар мог быть «миролюбивым». Впрочем, всегда остается возможность того, что кхитaeц вкладывает в это понятие какой-то совершенно особенный, кхитайский смысл, недоступный для сознания человека закатных стран.

Схватка заканчивалась. Аббаз, как всякий разбойник, не стремился пасть со славой и сберечь свою честь. Увидев, что перевес на стороне солдат, он попросту гикнул и пустил своего коня вскачь, спасаясь бегством. Уцелевшие разбойники поскакали за ним. Несколько солдат вздумали было преследовать Аббаза, но скоро вернулись обратно. Не имело смысла забираться далеко на территорию врага, где бандиты, несомненно, нападут снова.

Конан тяжело переводил дыхание. Не такой уж он непобедимый, как это могло показаться со стороны. Меч Аббаза задел его по ребрам, и рана на боку обильно кровоточила. Она не была опасной, но сильно болела.

Несколько солдат были убиты, пятеро — ранены. Прочие устроились отдохнуть — попадали на землю, кто где стоял, и потянулись за флягами. Двое или трое бродили по полю битвы и рассматривали погибших разбойников. Большинство из людей Аббаза были одеты в настоящие лохмотья, и только оружие у них было превосходным.

Солдаты собирали сабли и кинжалы, чтобы затем разделить их между всеми по справедливости.

Командир отряда наемников отправил четырех солдат копать могилы для их погибших товарищей, а сам приблизился к Конану.

— Нужна ли тебе помощь? — спросил он, глядя, как киммериец зажимает рану.

— Как ты думаешь? — фыркнул Конан.

— Подними руки, я гляну, сильно ли тебя порезали.

Конан послушно развел руки в стороны. Командир солдат, бывалый воин, отвел в сторону полу кожаной крутки, обнажил бок варвара, осторожно прикоснулся пальцами.

— Как ты и думал, — сказал он киммерийцу. — Порез сильный, но кость не задета.

— Ага, — сказал Конан. — Именно так я и думал. У тебя в отряде есть врач?

— У нас каждый сам себе врач, — сурово сообщил командир.

— Ладно, попрошу своих, — сквозь зубы прощедил Конан.

— Я не поблагодарил тебя, — молвил командир отряда.

— Ну так поблагодари! — взорвался варвар. — Проклятье! Мне больно, я устал, хочу есть, я спас вашу шайку от Аббаза — во всяком случае, так мне представляется, — а здесь полным-полно чудесного оружия... Например, вон та пара сабель...

— Они твои, — без колебаний произнес командир.

Конан протянул руку, и командир наемников вложил ему в пальцы рукоять сабель. Затем хлопнул киммерийца по ладони и ушел.

— Ну как ты, Конан? — подбежал к другу Тьянь-По.

— Останови мне кровь. Потом я хочу есть. Потом — спать. Наутро едем, — отрывисто сказал Конан.

Ему подвели лошадь и помогли забраться в седло. Трое спутников отъехали от селения солеваров на десять полетов стрелы и там устроили лагерь.

Форез привез свежей воды в большом бурдюке и недавно выловленной в озере рыбы.

— Кто это был? — спросил лорд Форез у варвара, когда тот, с тугой повязкой на боку, умытый, с хрустом поглощал рыбу, перемалывая крепкими челюстями не только кости, но и плавники и хвосты.

— Просто Аббаз, — сказал Конан. — Плюгавая гроза здешних мест. Разбойник. Ничего интересного. Нам просто не повезло. Надо было сразу дать деру, едва мы заметили купцов. Это как с рыбной ловлей: где косяк всякой мелюзги, там и хищники...

— Не такой уж он и плюгавый, — возразил лорд Форез. — Кажется, он убил человек пять.

— И потерял пятнадцать! — возразил Конан. — Так не сражаются. А теперь скажи мне, лорд Форез, ты действительно лорд?

— По происхождению — да, — признал Форез.

— А по образу жизни — босяк, не так ли? —

Конан прищурился. — Ты ведь трус! Почему ты не вступил в битву?

— Ну... справились ведь без меня, — уклончиво ответил Форез.

— Справиться-то справились, но разве тебе не хотелось обнажить меч и пустить кому-нибудь кровь? — осведомился варвар, чуть шевеля верхней губой, точно волк, почувствовавший добычу.

— Нет, не хотелось, — честно признал Форез. — Я человек миролюбивый. Если там ядом кого-нибудь или хотя бы удавкой... Но бросаться в битву...

Его передернуло.

— Боишься крови?

— Скажем так, не люблю, — Форез вздохнул. — Да, я испорченный лорд. Говорят, знатные люди постепенно вырождаются. Должно быть, я из тех, которые уже выродились. Но что поделать! Я ведь жив! Народился для чего-то на свет, хожу вот по миру... Хочу быть счастливым. Разве я виноват, что не люблю битвы?

— Наверное, не виноват, — проворчал Конан, — но только меня от этого тошнит.

Он улегся удобнее и сразу же захрапел, чуть приоткрыв рот.

— Мало ли от чего меня тошнит, — прошептал Форез.

— Ты не в том положении, дружок, чтобы оповещать остальных о том, что тебе нравится, а что — нет, — напомнил ему Тьянь-По. — Пока здесь Конан, помалкивай. Конан-варвар — будущий король. Даже если сейчас это будущее и

представляется слишком отдаленным, почти нереальным.

— Король? — поразился Форез.

Тьянь-По кивнул несколько раз.

— Именно, дружочек. Король. Он верит в то, что рано или поздно завоюет себе трон. А ты? Каким ты видишь собственное счастье?

Форез криво пожал плечами.

— Свой дом. Сад... Женщины. Возможно, одна женщина. Супруга. Слуги. Вкусная еда. Никаких забот. Никаких дел. Никаких усилий. Мягкое ложе. Полный дом домашних животных. Слуги...

— Слуг ты уже называл, — сказал Тьянь-По.

— Я хочу быть бездельником, — подытожил Форез. — Жить без забот и умереть стариком.

Тьянь-По махнул рукой.

— Ты был прав, лорд Форез, аристократия вырождается! Даже мои стремления простираются гораздо выше, а ведь я — простой каллиграф.

— Да? — переспросил Форез. — И каковы же твои высочайшие стремления, каллиграф?

— Я хотел бы стать старшим каллиграфом при императорском дворе! — объявил Тьянь-По победоносно. — Признайся, Форез, ты на такое не замахивался даже в самых дерзновенных своих мечтах!

* * *

Возвращение в Британию разлучило трех спутников. Тьянь-По отправился прямиком в королевский дворец, и Конан, проследив за тем,

чтобы его кхитайского друга приняли там как следует, нашел себе приличную гостиницу. Денег, полученных им от Тьян-По (точнее, от китайского императора, который снабдил своего посланца немалыми средствами), было довольно для того, чтобы обеспечить себе пару месяцев беззаботного существования в Пайрогии.

Форез, с которым кхитаец расплатился куда более скромно, буркнул пожелание, которое можно было бы счесть «добрым» и «дружеским» только при наличии очень сильно развитого воображения, и отправился к себе в лачугу. Лорд Форез понятия не имел о том, чего стоило ожидать от старика-нищего, которому он оставил свой дом.

Однако то, что предстало его взору, превосходило любые, даже самые смелые фантазии.

Снаружи лачуга выглядела такой же убогой, как и всегда. Но после долгого путешествия, во время которого лорду Форезу довелось повидать самые разные города, «родовое гнездо» показалось ему особенно жалким и отвратительным.

Если старик кхитаец и был дома, то никаких признаков жизни он, во всяком случае, не подавал. Это показалось Форезу немного странным. Конечно, днем кхитаец мог бродить по улицам, но сейчас был уже вечер, и старику следовало отдохнуть. В конце концов, разве не для того он попросил у Фореза разрешения пожить в его доме, покуда хозяин лачуги путешествует?

Скрипнув зубами, Форез наконец решился заглянуть внутрь.

Обычно дверь лачуги запиралась на хлипкий

замок, а то и вовсе стояла нараспашку. Но на сей раз Форезу не удалось открыть ее сразу. Что-то держало ее изнутри.

Он дернул сильнее. Никакого результата.

— Проклятье! — взревел Форез, разбегаясь и стукаясь о дверь всем телом.

Послышался треск, как будто кто-то разрывал прочную ткань, и дверь наконец распахнулась. Форез ворвался в комнату. Однако, против всех ожиданий, он не пролетел через всю комнату и не стукнулся о противоположную стену.

Он как будто упал лицом в тюфяк, поставленный торчком. Мягкая шелковистая ткань коснулась его щеки. Пружинистая перина приняла на себя удар.

Форез пробормотал невнятное проклятие и отпрянул. Ему почему-то не слишком понравился этот «тюфяк». К тому же «ткань» была хоть и гладкой, но чуть влажной и к тому же слегка прилипала к коже.

Он пошарил в темноте руками, пытаясь найти границы «тюфяка». Бесполезно. Вся комната была перегорожена.

Наконец Форез выбрался наружу и сделал факел из палки и собственного рукава, в спешке оторванного от ветхой рубахи. То, что осветило пламя, было поразительным: вся комната оказалась заполнена паутиной.

Тонкие, поблескивающие в свете факела сероватые нити, тянулись во всех направлениях, сплетались, скрещивались, свивались в клубки и свисали прядями.

Их было так много и они были настолько прочны, что человек мог повиснуть в этой паутине без риска упасть (что несколькими минутами раньше и продемонстрировал лорд Форез).

— Проклятье! — пробормотал он. — Как такое могло случиться?

Он отступил на шаг, держа факел, как меч, наготове. Если попытаться сжечь паутину, то вместе с нею, несомненно, загорится и лачуга, и тогда Форезу негде будет ночевать. Кхитаец, конечно, дал ему денег...

Ах, этот кхитаец! Хитрая бестия. Форез попытался было заключить союз с Конаном против косоглазого. Отвел как-то раз киммерийца в сторону — это произошло в самом начале их совместного пути обратно в Британию, — и предложил:

— Кхитаец везет с собой деньги и подарки от своего императора. Что если двум белым людям объединиться и отобрать у этого малыша все сокровища? Уверен, в его мешках окажется добра довольно для нас обоих. Что скажешь, Конан?

Конан молчал, изучающе поглядывая на своего спутника.

А лорд Форез даже раскраснелся, представляя себе, какое богатство его ждет.

— Нет, ты подумай, Конан, подумай хорошенько! — настаивал он. — Мы же завладеем сокровищами...

Завершить фразу он не успел. Пудовый кулак варвара обрушился ему на голову и прервал поток красноречия.

Затем, дождавшись, чтобы бритунец перевел дыхание, проморгался, откашлялся и вообще обрел разумный вид, Конан проговорил:

— Нет.

И больше к этой теме не возвращался.

Зато удвоил бдительность. Впрочем, эта предосторожность оказалась излишней — бритунец был человеком понятливым и дважды одной и той же ошибки не совершал. Нет так нет. В отличие от многих и многих, лорд Форез умел понимать отказы.

Одно время лорд Форез опасался, что Конан расскажет об их разговоре Тьянь-По. Но нет. По крайней мере, отношение кхитайца к наемнику-lordu ничуть не изменилось. Тьянь-По оставался все тем же: сдержаным, веселым, с детской улыбкой, ослиным упрямством и выносливостью обозной шлюхи.

Правда, заплатил он своему второму охраннику гораздо меньше, чем Конану. Но и это имело свое объяснение: ведь Конан сделал для Тьянь-По гораздо больше, чем лорд Форез!

Эти денежки Форез хотел приберечь. Жаль будет потратить их на гостиницу в своем же родном городе! Ему необходима приличная одежда. Та, что хранится дома в сундуках, давно уже истрепалась. Не говоря о том, что она вышла из моды.

Нет, сжигать паутину вместе с домом он не станет. Воткнув факел в землю перед порогом, лорд Форез извлек из ножен меч. Размахнулся.

И изо всех сил рубанул по паутине.

Посыпался адский скрежет, как будто сталь коснулась не тонких ниток, а железных цепей. Несколько нитей оказались обрублены, и Форез, приобретенный, нанес второй удар.

— Эй ты! — возмущенно заорал хозяин хижины, прилепившейся по соседству. — Какого дьявола ты тут делаешь? Все приличные люди давно уже спят!

Форез, не отвечая, продолжал рубить.

Проснулись и в других лачугах и везде принялись вопить:

— Дайте поспать!

— Перестань скрежетать!

— Что он там делает? Перережьте ему глотку!

— Замолчите, я спать хочу!

— Сами замолчите, я тоже спать хочу!

Следующий удар Фореза сопровождался не только скрежетом, но и диким криком. Кричало явно живое существо. Хуже того — из паутины хлынула кровь.

Форез в ужасе отскочил. В свете факела видно было, как черная густая кровь широкой струей вытекает из хижины и разливается вокруг.

— Что это? — пробормотал Форез, отходя в сторону. Он поднял голову и увидел перепуганные лица своих соседей — ничтожных нищих людышек, с которыми никогда не общался. — Боги мои, расскажите мне, люди, что же здесь произошло?

Большинство довольствовались тем, что шум прекратился, и скрылись в своих домах.

Остался лишь один человек неопределенного

возраста, весь покрытый бородавками. Форез помнил его: это был один из прежних собутыльников его отца.

Встреч с этим человеком лорд Форез избегал с особой тщательностью. Меньше всего на свете ему хотелось слушать рассказы старого забулдыги о том, как проводил свои дни и ночи его ничтожный, заблудший отец-неудачник.

Но — делать нечего! Других собеседников на этот час у лорда Фореза не было.

Забулдыга икнул, попросил денег на выпивку и сообщил:

— Жил здесь старик-ххитаец. Мы все гадали, как такое вышло. То ли ты, друг милый, до того переписался, что всю рожу у тебя перекосило, то ли продал свой дом этому ххитайцу, а сам подался в чужие края... Выходит, я ошибался, а вот жена моя была права, ха-ха!

Форез не стал входить в эти подробности. Он снабдил своего собеседника еще одной монеткой, и вид блеснувшего в свете факела кругляшка взбодрил того настолько, что повествование продолжилось:

— Словом, жил тут этот ххитаец. Днем ходил куда-то, а вечером дома сидел. Иногда вроде пел. Или выл. Словом, испускал различные звуки. А потом перестал выходить из дома. Ну, мы думали: может, подался в чужедальние края. А жена моя полагала, что он помер. Выходит, жена моя опять была права, хе-хе!

— Не женщина, а сокровище и кладезь премудрости, — сказал Форез. — Дальше.

— Будь она сокровищем, я бы давно ее продал, — сказал забулдыга. — Но насчет премудрости ты совершенно прав.

Он помолчал немного, но новой монетки не последовало.

— Это все? — спросил Форез, когда молчание затянулось.

— Ну... Вроде бы, да, — неуверенно ответил забулдыга. — Так помер старик или как? Мы-то входить не решились. Мало ли что. Посадят потом в тюрьму и отрубят голову за убийство.

— Ясно, — сказал Форез. — Ну, спасибо.

Он повернулся к соседу спиной и шагнул в сторону окровавленного крыльца. Что делать? Войти в дом и посмотреть, чья это кровь? Ждать рассвета? Все-таки сжечь тут все и забыть о случившемся?

Неожиданно из темноты вынырнула огромная тень, и знакомый низкий голос проговорил:

— Что тут случилось, лорд Форез?

— Конан! — Форез вдруг понял, что невероятно рад появлению киммерийца. Во время путешествия именно Конан принимал все важнейшие решения, и теперь, оставшись наедине с собой и своей жизнью, Форез немного растерялся.

— Конан, Конан... — проворчал варвар. — Воплей тут — на весь квартал.

— Разве ты поселился по соседству? — удивился молодой лорд. — Я думал, тебе достаточно заплатили, чтобы ты нашел себе комнаты в центре Пайрогии.

— Можно найти вполне приличные комнаты

на окраине. Плата меньше, а удовольствия больше, — заявил Конан. — К тому же тут у меня полно знакомых... Ты напугал мою приятельницу. И она, вместо того, чтобы провести со мной приятный вечерок, удрала к себе, замотала голову шарфом и наотрез отказывается выйти из-под кровати. Как ты думаешь, почему такое случилось? У тебя есть объяснение?

Вместо ответа лорд Форез выдернул из земли факел и посветил в сторону своей лачуги. Конан присвистнул.

— Кого ты здесь зарезал, мясник?

— Если бы я только знал...

Форез выглядел таким беспомощным, что Конан поневоле развеселился.

— Идем, — сказал киммериец, — выпьем у меня в гостинице, а с рассветом вернемся сюда и посмотрим вместе, что ты натворил.

Форез позволил себя увести. Он так устал и перепугался, что напился после первой же кружки и заснул прямо за столом. Конан не потрудился отнести его в комнаты. Сам он отправился к себе и превосходно выспался на тюфяке, брошенном прямо на пол. Тюфяк был набит свежей соломой, в нем не водилось клопов и блох, а в окно, выходящее прямо на восток, солнце заглядывало первым делом, едва только успев подняться над горизонтом. И, пощекотав тонкими золотыми лучами лицо спящего варвара, пробуждало его веселым: «Пора, Конан! Впереди еще один день, полный неожиданностей, приключений, добродушной выпивки и веселых подруг!».

Конан проснулся с рассветом, спустился вниз и, обнаружив своего приятеля в той же позе, в какой оставил его накануне, беспощадно разбудил. Облитый холодной водой, Форез фыркал и стонал, он едва не плакал. Конан ухмыльнулся.

— Вот и утро, мой господин, пора отправляться к лачуге и...

В глазах Фореза появился ужас.

— Не бойся, малыш, я с тобой, — сказал Конан. — Разве тебе не интересно, что ты там наворотил? Мне — ужасно интересно. Я просто всю ночь чесался от любопытства.

Он схватил лорда за руку и потащил за собой, не позволив даже глотнуть воды.

Возле лачуги все оставалось по-прежнему. Дверь стояла нараспашку, темная лужа крови запеклась на пороге. Факел давно прогорел, и тряпка на нем источала отвратительный запах. Комната была сплошь затянута паутиной. Не все нити, как выяснилось, были одинаковы. Часть из них представляла собой сильно удлиненные и деформированные пальцы рук. В самом центре паутины, скрестив ноги и раскрыв залепленные серой липкой массой глаза, сидел старик кхитаец. Он был, несомненно, мертв. Его руки были раскинуты в стороны и покоялись на нитях. Из пальцев исходили густые пучки, которые затем расходились по всей комнате. Такие же охапки нитей вылезали из его головы, из плеч, из коленей. Мертвый кхитаец словно пророс мириадами паутинок, став одновременно и жертвой их, и родителем.

— Что это? — пробормотал Форез.

Конан схватил его за плечо и рывком развернулся к себе.

— Вот именно! — сказал он резко. — Что это, а? По-моему, настало время нам с тобой, лорд Форез, поговорить серьезно. Рассказывай, где ты встретил старика и что он тебе говорил!

— Клянусь, ничего особенного... — начал было Форез.

Конан встряхнул его, как лисица встряхивает пойманную мышь.

— Не ври!

— Просто нищий.

— Почему ты пустил его жить в свой дом?

— Он попросил...

— А если бы я тебя попросил?

— Мне нужно было, чтобы за лачугой приглядели, — извернулся Форез. — Стариан показался мне безобидным. Вот и все. Да, еще забавно было, что он кхитаец.

— И еще забавно, что он отправил тебя в Китай искать этого отвратительного Хань Ду, не так ли? — продолжил киммериец.

— Я хотел заработать торговлей наркотиками... — нашелся Форез.

Это объяснение показалось варвару вполне правдоподобным. Конан еще раз смерил бритунского аристократа подозрительным взглядом и отошел в сторону.

— Может быть, ты и не врешь, — проворчал киммериец. — Но в любом случае, выглядит все это очень некрасиво.

— Мне теперь негде жить, — пожаловался Форез.

— У тебя есть деньги, наймешь комнату, а потом подберешь себе работу по вкусу, — безжалостно сказал варвар. — Можешь, к примеру, устроиться охранником в богатый дом. В такой дом, где водятся хорошенъкие дочки. Этим ремеслом можно промышлять не хуже, чем любым другим.

— Ты предлагаешь мне заняться работорговлей? — спросил Форез.

— Обычным шантажом, — поправил киммериец. — Мне не нравится, когда женщины крадут и продают на сторону, каким-нибудь грубым типам, которые будут делать с ними, что захотят. Женщина должна отдаваться мужчине по добре воле, с охотой, ради удовольствия. Иначе во всем этом нет никакого смысла. Ну а потом всегда можно получить деньги от отца девушки или от ее брата.

— Или дубиной по голове, — сказал Форез, вспомнив свою неудачную историю с дочерью графа Сабрана.

— Это уж как повезет, — согласился Конан и поглядел на лорда Фореза с насмешливым сочувствием: — Полагаю, у тебя нет ни таланта, ни везения. Бедняга!

* * *

«Напрасно он так ко мне относится! — думал Форез, глядя в широкую спину удаляющегося варвара. — Значит, таланта у меня нет? Насчет

везения он, может быть, и прав... Хотя — тоже как посмотреть. Встретил же я этого кхитайского нищего...»

При воспоминании о том, во что превратилось «удачное знакомство» со стариком кхитайцем, Фореза передернуло. Тем не менее он упорно продолжал считать это удачей.

«И до Кхитая я добрался, и там с кем надо переговорил, а после вернулся домой. И вот я в Пайрогии. Берегись, дядюшка! Еще никому не было позволено презирать лорда Фореза безнаказанно! Если бы боги хотели, чтобы другие люди могли вытираять об меня ноги и не опасаться при том за свою судьбу, то упомянутые боги сотворили бы меня, скажем, садовником. Или продавцом угля. Или сборщиком навоза где-нибудь в Венгрии. Но я родился с титулом, а это кое к чему обязывает!»

Он гордо вскинул голову.

«И пусть хитроумный варвар считает меня дураком. Так даже лучше. Пусть все воображают, будто я ни на что не способен. То-то будет удивления!»

Золотая маска, полученная от Хань Ду, тщательно завернутая в шелк и запакованная в прочный пергамент, перевязанная тесьмой, была почти плоской и удобно хранилась под курткой Фореза. Он пришил ее с изнаночной стороны, под мышкой. Время от времени Форез проверял, на месте ли маска: для этого ему было достаточно опустить руку и прижать ее плотнее к туловищу. Он сразу ощущал локтем прикосновение золото-

го носа, который ухитрялся покалывать даже сквозь обертку и плотную куртку.

Ни Конану, ни Тьянь-По лорд Форез и словом о своем приобретении не обмолвился. Он не слишком доверял компаньонам. И не то чтобы эти двое — особенно киммериец — представлялись Форезу «омерзительно честными» (как он выражался о людях, вроде дядюшки Эмбриако); просто цели у них были немного различны. Неизвестно, как отнесется тот же киммериец к желанию лорда Фореза при помощи колдовства убить богатого и неуместно принципиального дядю. Вроде бы, Конан несколько раз высказывался в том смысле, что всем колдунам неплохо бы поотрезать головы и сварить их в котле, а варево выпить в отхожее место.

Тьянь-По на сей счет ничего не говорил, но кто может наверняка знать мысли кхитайца! Боги нарочно создали их с такими узкими глазами — чтобы другие люди ничего не могли в этих глазах прочитать.

Итак, лорд Форез решил действовать один. Для начала он отыскал подходящего человека.

Подходящий человек обретался там же, в гостинице, и вид имел самый бывалый. Потрепанный и потасканный. Сразу видно, побродил этот воин по большим и малым дорогам, помахал мечом из довольно скверной стали во всех войнах и стычках, что затевались на просторах Хайбореи, попил вина во всех тавернах, не пропуская ни одной. Словом, это был немолодой и сильно пьющий наемник, который пытался отойти от дел.

Звали его Ангадди, и был он из Хоарезма.

Когда лорд Форез подсел к нему за столик, Ангадди мутно поглядел на него налитыми кровью глазами, раскрыл рот, чтобы попросить нежелательного соседа «уб-браться отсюда к Негралу и подальше», но лорд Форез, хорошо зная подобную породу людей, чрезвычайно ловко подсунул ему стакан с выпивкой, и Ангадди отвлекся.

— Я желал бы побеседовать с тобой, уважаемый, по очень интересному вопросу, — сказал Форез. — Не возражаешь?

Поскольку Ангадди был занят выпивкой, то времени и возможности возражать у него не оставалось.

— Вот и хорошо, — невозмутимо продолжал Форез. — Я вижу, ты человек бывалый. Везде побывал, ко всему руку приложил.

— И к тебе приложу, если не уберешься, — прохрипел Ангадди между глотками.

Форез чуть отстранился и тронул кинжал, висящий на поясе. Вообще-то в таверне принято было снимать оружие, но кинжалы за таковое не считались..

— Сперва выслушай, а после убивай, — назидательно молвил Форез.

Ангадди отставил стакан и уставился на непронзенного собеседника налитыми кровью глазами.

— Где ты такую глупость слышал, а? Я тебе вот что скажу! Если ты сперва будешь лясы точить, а уж потом браться за оружие, то...

— Друг, — проникновенно произнес Форез, — война ведь закончилась. Мы с тобой в Пайрогии,

в уютной таверне, пьем вино, за которое плачу, кстати, я, и ведем мирную беседу. Мы ведь на одной стороне.

— Да? — Ангадди был ужасно удивлен. — В первый раз такое слышу!

— Да, да, — Форез несколько раз кивнул, стараясь выглядеть как можно более убедительным. — На одной. Я предлагаю тебе заработать.

— Кого убить? — осведомился Ангадди у своего нового друга.

Форез осторожно накрыл его иссеченную шрамами ладонь своей холеной рукой.

— Подожди, не стоит торопиться. Убивать будем не мы. Хотя, обещаю тебе, кровь прольется!

— Это самое главное, — проворчал Ангадди, успокаиваясь.

— Нужно прийти в один дом и сказать, что ты — бывалый солдат, наемник, который по странствовал по свету, — продолжал Форез.

— Это сущая правда! — рявкнул Ангадди. — Неужели ты хочешь заплатить мне за то, что я скажу правду?

— Правда иногда обходится очень дорого... Нет, дальше нужно будет сказать что-то не вполне правдивое. Ты спросишь хозяина дома, господина Эмбриако. Господин сей обожает разные заморские диковинки. Об этом его пристрастии знают многие странники и бывалые люди, вроде тебя. Ему со всего света приносят безделушки, а он охотно расплачивается за них чистым золотом.

— Ага! — крякнул Ангадди. — Но при чем же здесь я?

— Говорю тебе, ты назовешься странником и принесешь ему красивую безделушку. А Эмбриако заплатит тебе за нее золотом.

Ангадди отставил стакан. Разложил на столе несколько кислых ягод, которыми заедал свою выпивку — уж такая у него была привычка, заедать выпивку кислыми ягодами.

— Это я. Это безделушка. Это золото, которое я получу от господина Эмбриако. А это — господин Эмбриако, который заплатит мне за безделушку. Но что-то я не вижу во всей этой хитрой комбинации тебя!

— Это очень простая комбинация, — заверил его Форез.

— Она была бы простой, если бы в ней нашлось место для тебя, — упорствовал Ангадди. — Я чую подвох. Какую выгоду ты видишь для себя? Отвечай! — взревел он.

Лорд Форез чуть отодвинулся.

— Я открою тебе сердце, как брату, — сказал он разъяренному наемнику. — Моя выгода в том, чтобы господин Эмбриако получил эту безделушку. Полагаю, она... э-э... не вполне то, чем выглядит.

— Подробнее, — потребовал Ангадди.

Лорд Форез наконец взорвался. Он понял: еще одна уступка наемнику, и достопочтенный Ангадди сядет ему на голову и вообразит, будто обладает какой-то властью над ним, лордом Форезом. Нет уж.

— Я сказал тебе достаточно, — отрезал лорд Форез. — Хочешь — берись за работу, хочешь —

откажись. Дело твое. Я всегда могу найти другого бывалого человека, который явится к господину Эмбриако за наградой в несколько десятков золотых.

Последний аргумент сразил наемника.

— Так бы сразу и сказал, — пробурчал он, опуская голову и сразу делааясь чрезвычайно приятным в общении.

* * *

Конан навестил своего друга Тьянь-По в резиденции, которую бритунский король отвел почетному гостю из Кхитая.

Резиденция представляла собой крохотный садовый домик, размещенный в самом отдаленном из королевских садов.

Киммерийца долго не хотели туда пускать, рассказывали ему о неприкосновенности королевских садов и прочую чушь, пока наконец не появился привлекенный шумом и громкими криками Тьянь-По и с улыбкой не попросил стражников впустить этого гостя.

— Ибо он явился ко мне, дабы не прерывать своего обучения, — объявил маленький каллиграф ошеломленным стражникам.

Те проводили взглядами странную парочку: огромного киммерийца и миниатюрного кхитайца. Друзья неторопливо удалились в беседку, где Тьянь-По проводил большую часть своего времени, рисуя тушью схемы расположения различных фонтанчиков, искрометов, плавающих ваз с

цветами и прочих элементов предстоящего праздника.

— У господина Эмбриако, по слухам, есть несколько настоящих золотых масок, — сказал Тьянь-По. — Завтра я хотел бы посмотреть их все. Золотые маски могут придать церемонии наиболее эффектный вид.

— А для чего они нужны? — полюбопытствовал Конан.

— Их надевают танцовщицы, когда исполняют Танец Золотых Масок, — объяснил Тьянь-По и удивился: — А для чего еще?

Конан пожал плечами.

— Никогда не знаешь, что скрывается за маской. Не слишком-то мне нравится вся эта затея.

Тьянь-По внимательно посмотрел на своего друга.

— О, ты становишься философом, Конан. Действительно, та пустота, что скрывается за маской, всегда таит в себе неизведенное. Но ты ведь пришел говорить со мной не о церемониях, не так ли?

— Да. — Варвар кивнул и огляделся. — Разве ты не предложишь мне рисовой водки или этого твоего чая? Я надеялся, что ты пожелаешь угостить меня и побеседовать о чем-нибудь, вроде бабочек над лотосами.

Тьянь-По шевельнул бровями.

— В такое время суток я не пью водку и тебе тоже не советую. Что до чая, то в Пайрогии он просто ужасен. Пока он добирается из Кхитая до Британии, он успевает покрыться плесенью и по-

терять все свои чудесные ароматы. Так что я довольствуюсь водой.

— Лучше пей здешнее пиво, — посоветовал Конан. — Таков главный закон любого путешественника. Всегда пей то же самое, что и местные жители.

С этими словами киммериец извлек из-под куртки гигантский кувшин с пивом. Как там умещался сей сосуд, осталось загадкой.

— Таково уж мое дао, — сообщил Конан пораженному кхитайцу. — Давай сюда чайные чашки. Будем разговаривать.

Испив первую чашу, маленький кхитаец разумялся и проговорил:

— Чувствую действие твоего напитка. Слушай же. Я поведаю тебе об апельсиновых деревьях...

Он устроился поудобнее, обложившись со всех сторон микроскопическими шелковыми подушечками, которых в беседке имелось превеликое множество, и заговорил нараспев:

— Жили на свете три брата-колдуна...

— В Кхитае? — уточнил Конан.

Тьянь-По глянул на своего собеседника недобritoльно:

— Разумеется, в Кхитае. Не перебивай. Лучше внимай моей истории и оцени, насколько она изящна. Итак, эти трое братьев занимались своими магическими делами...

— Поджарить бы всех троих! — опять не удержался Конан.

Тьянь-По даже подскочил на подушках:

— Будешь ты слушать или нет?

— Я буду внимать, учитель, — с притворным смирением произнес Конан.

— Старший из братьев занялся работорговлей. Он покупал у бедняков их дочерей и превращал их в девиц для сладких утех. У этого старшего был особенный дар: взглянув на трехлетнюю девочку, он сразу мог сказать, вырастет ли она красивой. И он никогда не ошибался. Скоро о его чудесном умении знали уже все работорговцы округи, и к нему приводили маленький живой товар — для оценки. Таким образом, он богател и богател.

Второй из братьев любил странствия. Его интересовали чужие страны. Он обошел весь Кхитай, побывал и в Вендии и даже добирался, по слухам, до Турана. Он был также очень любопытен, поэтому подслушивал чужие разговоры. А для того, чтобы его не обнаружили и говорили в его присутствии вполне свободно, он превращался в паука. В маленького такого, с виду вполне безобидного паучка, на которого никто и внимания не обращал. Забивался в уголок — и слушал, слушал.

Иногда ему делались известны какие-нибудь тайны, но чаще всего — незначительные обстоятельства чьей-либо жизни.

Для него не существовало разницы между важным и неважным. Он просто любил быть в курсе. И потом, вернув себе человеческий облик, он удивлял собеседника редкой проницательностью. Откуда было знать людям, что в обличье паука их теперешний сотрапезник вызнал всю их

подноготную и теперь, можно сказать, держит их в кулаке!

Ему иногда удавалось таким образом провернуть забавные делишки. Точнее — делишки, которые сам он находил забавными. Потому что все остальные участники истории так вовсе не считали. Кто-то разорялся, кто-то заканчивал счеты с земной жизнью. Разваливались семьи, уходили из дома оскорбленные сыновья, убегали с первым попавшимся проходимцем дочери...

Колдуна все это чрезвычайно забавляло. Он называл это — «плести паутину».

Третий же брат был самым могущественным из всех. Он умел отделять свой дух от своего тела и воплощаться в разные материальные предметы. Например, в чаши, покрывала, драгоценности. Однажды, по слухам, он оставил свое тело и вошел в виде духа в роскошное ожерелье, которое китайский император подарил своей новой наложнице. И что же? Ожерелье удавило бедную девушку в тот же вечер, а казнен был за это злодеяние ни в чем не повинный евнух!

И вот однажды случилось троим братьям-колдунам бродить вместе в поисках приключений. Они оказались в небольшом городке в самом центре Китая. Городок этот называется У-Хань, вряд ли ты там побывал, Конан. Он очень маленький. Впрочем, имеется там правитель, которого местные жители — из почтительности к его сану — именуют «государем».

Давным-давно, когда еще царили Лемурия и Атлантида, У-Хань вовсе не был маленьким го-

родком. Это была столица могущественного царства. С тех пор многое изменилось, царство рассыпалось в прах, исчезли с лица земли даже гробницы его великих царей. Что же осталось? Осталась память.

В чем осталась память? Память осталась в слове. В имени.

Поэтому правителей маленькой У-Хани называют государями, а их дочерей — принцессами...

Трое братьев-колдунов остановились возле глухой ограды, за которой начинался сад правителя.

«Кто в этом саду, братья?» — спросил старший из братьев.

Средний тотчас превратился в паучка и вскарабкался на вершину ограды.

«Я вижу трех прекраснейших девушек! — воскликнул он. — Погодите, я должен послушать их разговоры!»

И он быстро побежал вниз, чтобы очутиться в саду, поближе к девушкам. Младший из братьев щелкнул пальцами, и ограда сделалась прозрачной.

Взорам братьев предстали три принцессы, одетые в желтый шелк. Они были тройняшками, рожденными в один час от одной матери.

Их длинные волосы были забраны в высокую прическу, и только одна тонкая прядь ниспадала на шею. Эта шея... Вершина изящества! С тонкой ямочкой на затылке, с родинкой. Да-да, у всех трех имелись родинки на одном и том же месте, возле ямочки...

Тьянь-По облизнулся.

— Даже такой философ, погруженный в созерцание дао, как я, не может удержаться от вздоха при мысли об этих девушках-принцессах, Конан! Что уж говорить о колдунах, погрязших в самых ужасных человеческих пороках! Они тотчас захотели завладеть этой красотой. Брат-работорговец сразу же мысленно произвел оценку юных принцесс как если бы уже продавал их на рабском рынке. Вышла огромная сумма. И мысль о невероятно высокой стоимости красавиц только добавила ему вожделения.

Девушки непрерывно щебетали, разговаривая между собой о тысяче изящнейших мелочей, перебирая в словах то ленты, то украшения, то золотое шитье, то серебряные нити, то лепестки цветов, то крохотные чашечки для драгоценных сортов чая... В общем, брат-паук буквально утонул во всех этих прелестных подробностях.

Третий же брат думал о великой власти, которую дает обладание подобной красотой.

Собравшись вместе, братья стали спорить: каким способом захватить принцесс. Сперва они мирно разговаривали, но вскоре алчность и похоть взяли верх, и они принялись ссориться. Они кричали друг на друга, топали ногами, даже дрались, а затем принялись колдовать.

Они накладывали и снимали чары, бросались друг в друга заклятьями... Чтобы быть кратким, скажу сразу о том, чем все закончилось: все три принцессы были превращены в апельсиновое дерево.

— Одно? — спросил Конан.

— Вот именно, — кивнул кхитаец. — Ведь они родились в один час от единой матери. Когда один из братьев колдовал, другой толкнул его, и заклятье улетело в сад, а там девушки — на свою беду! — как раз стояли обнажившись...

— И что же стало с этим апельсиновым деревом? — спросил Конан.

— Ну, если быть честным... — Тьянь-По отвел глаза.

— Да уж, — настойчиво произнес Конан, — ты уж будь со мной честным, Тьянь-По. Я ведь твой друг, в чем ты не раз имел случай убедиться.

— Надеюсь, — пробормотал Тьянь-По. — Потому что это дерево... Словом... Ладно, расскажу тебе о том, что случилось дальше. Правитель У-Ханя повсюду разыскивал своих дочерей. Он дошел даже до императора и пал ему в ноги. Император обещал помочь. В качестве дара правитель привез императору самое лучшее из всего, что имел.

Лучшим у правителя был сад. А в саду самым прекрасным было апельсиновое дерево. Его-то и преподнес безутешный отец императору в обмен на обещание помочи.

Император, естественно, ничего о происхождении дерева не знал.

И когда он пожелал установить добрые отношения с королем Бритунии, то преподнес дерево ему; а король Бритунии торжественно вручил злополучное дерево господину Эмбриако, поскольку только тот располагает достаточно просторными оранжереями и достаточно умелыми

садовниками, чтобы сохранить сей кхитайский дар для Бритунии.

— Стало быть, дерево находится в саду у господина Эмбриако? — уточнил Конан.

— Ты, мой друг, всегда улавливаешь суть, — проговорил Тьянь-По со вздохом. — Одна из моих задач — разыскать это деревце и расколдовать его. Предполагается, что я сделаю это во время проведения церемонии. Теперь ты знаешь все, Конан.

— А что же братья-колдуны? — спросил Конан. — Неужели они так и оставили всякую попытку захватить девушек? Или в виде дерева эти красавицы стали им не нужны?

— Вовсе нет, — сказал Тьянь-По. — Ты опять зришь в самую сердцевину истории, Конан. Воистину, занятия каллиграфией идут тебе на пользу... Дай мне еще хлебнуть из твоего кувшина. Пить то же, что употребляют и местные жители, — превосходный совет, киммериец...

— Оставим на время каллиграфию, — нетерпеливо сказал Конан, отбирая у Тьянь-По кувшин.

Он боялся, как бы маленький кхитаец не набрался прежде, чем завершит историю. А история начала казаться Конану все более и более любопытной.

— Братья. Да, братья-колдуны, — задумчиво заговорил Тьянь-По немного заплетающимся языком. — Одно дело — украсть девушек, и совсем другое — утащить целое дерево. Проблема стала казаться им неразрешимой. Кроме того, они рас-

сорились окончательно и разошлись в разные стороны.

Один, по слухам, отправился в очередное странствие...

— Погоди, — перебил Конан, — ты говоришь, паук. Не тот ли это странный кхитаец, что забрался в дом лорда Фореза?

— Не исключено... — Глазки Тьянь-По блеснули. — А ведь ты прав! В таком случае, второй брат — сокретатель очень плохого борделя...

— Кто же третий? — Конан приподнялся и беспокойно огляделся по сторонам, как будто предполагал заметить третьего колдуна прямо перед собой, в саду.

— Этого мы не знаем... Итак, Конан, наша задача — отыскать дерево в саду у господина Эмбриако и снять заклятие с трех заколдованных принцесс...

— Ужас, — вздохнул киммериец. — Опять полные руки работы. Как я этого не люблю! Тебе налить, дружище?

Закат застал могучего варвара и ученого кхитайца хором распевающими одну из тех песен, что не всякий наемник решится горланить, столько содержалось в ней скабрезностей и непристойных намеков.

Сад господина Эмбриако представлял собой воистину выдающуюся достопримечательность Пай-рогии. Многие любители необычного нарочно

стремились свести знакомство с этим лордом и получить от него приглашение, поскольку это давало им бесценную возможность ознакомиться хотя бы с частью коллекции диковин.

Одним из таких счастливчиков оказался господин Джунийе, купец из Хаурана. Этот коротконогий толстенький человечек с ухоженной, смаzanной маслом черной бородой, обрамляющей круглое лицо, был представлен господину Эмбриако во время аукциона, на котором продавали изысканные вина.

Там были вина, заложенные в годы великих побед и плачевых поражений, вина, для которых давили виноград ножки выдающихся красавиц (бутылки были снабжены их портретами кисти известных мастеров), вина, в которые добавляли каплю крови казненного преступника (книжка с перечнем его злодеяний прилагалась к покупке) — и так далее. Все эти удивительные напитки были заключены в соответствующие сосуды, всегда прекрасной формы, поражающей воображение: в бутылки в виде женского тела с отрубленной головой и отсеченными руками, в виде дракона, кусающего себя за хвост, в виде рыбы, обвитой водорослями, в виде капли, в виде цветочного бутона...

Словом, глаза у знатоков изящного так и разбегались. Самыми упорными покупателями оказались Эмбриако и Джунийе.

Они по очереди вскакивали и называли все более и более высокие суммы, после чего бросали на соперника взгляды, полные безумной гордо-

сти или сумасшедшей ненависти. Страсти вскипали. Большинство из тех, кто пришел на аукцион, больше не дерзали предлагать цену, а вместо этого молча сидели на своих местах и созерцали битву титанов.

Наконец победа была поделена между противниками: часть вин досталась Джунийе, а две наиболее редкие бутылки перешли в собственность Эмбриако.

После того, как торг был завершен, оба знатока тотчас перестали воспринимать друг друга как заклятых врагов и заключили вечный мир. В знак этого замечательного события Эмбриако пригласил господина Джунийе к себе в дом.

Сделавшись, таким образом, наилучшими друзьями, они приятно провели вечер, а на следующий день Джунийе вообще перебрался в дом к Эмбриако, чтобы они могли не разлучаться и вести непрерывные беседы за рассматриванием рисованных каталогов и живых экспонатов.

Иногда Эмбриако уходил по делам, и тогда господин Джунийе подолгу гулял в его волшебном саду. Особенно привлекали купца деревья, среди которых имелось немало плодовых.

«Замечательно! — размышлял он, созерцая лиственные и хвойные кроны и украдкой поглаживая стволы — голые, покрытые чешуйками или мхом, похожим на шерсть. — Они и выглядят удивительно, и в то же время приносят пользу. Практический народ эти бритунцы. Надо будет и мне разжиться семенами. Надеюсь, Эмбриако продаст мне пару плодов по сходной цене».

Особенно привлекало его апельсиновое деревце, недавно привезенное из Китая. К этому деревцу Эмбриако питал, по его собственному признанию, особенную нежность. Оно представляло собой как бы три сплетенных ствола. Очень молодое, оно совсем недавно начало плодоносить. Уже появилась завязь. Нынешним летом можно ожидать плодов.

Деревце росло в кадке, зарытой в землю, так что казалось, будто оно произросло из бритунской почвы. Что, разумеется, противоречило законам реальности, поскольку в Британии апельсины в естественном виде не встречаются.

Две изящных беседки обрамляли тонкий ствол, а крона как бы сливалась с кровлями этих хрупких строений. В одной из беседок имелись скамьи и столик для желающих посидеть и выпить, не прерывая созерцания. В другой стояли стеклянные шкафы, сплошь уставленные различными чудесными вещицами.

К этим-то шкафам и направился господин Джунийе. Никто не посмеет заподозрить в достоинственном купце обычного вора! Нет, он, разумеется, не собирался ничего красть. Этого не позволяли законы чести и гостеприимства. Однако посмотреть некоторые предметы поближе — в этом господин Джунийе отказать себе не мог.

Поэтому он осторожно вошел в беседку и отворил первую из стеклянных дверок.

Тонкое опахало из перьев неведомой птицы, расписанное яйцо, из которого через крохотную дырочку было удалено содержимое, так что оста-

лась одна скорлупа, чучело странной ящерицы с шестью парами лап, больше похожих на присоски, — все это было удивительно, и Джунийе долго щокал языком и покачивал головой, рассматривая их и украдкой поглаживая толстым пальцем.

Затем его внимание привлек предмет поразительной красоты. Джунийе даже не понял, как это вышло, что он не заметил эту вещь сразу. В самом углу стеклянной полки стояла китайская золотая маска.

Она стояла на тонкой грани, не прикасаясь ни к стенкам шкафчика, ни к дверце. Поначалу Джунийе подумал, что эту маску поддерживают в таком положении тонкие нити, но нет, она просто висела в воздухе.

— Но такого не может быть! — прошептал Джунийе. — Разве что она... волшебная.

От своего нового друга он никогда прежде не слыхал, чтобы тот имел пристрастие к чародейским вещицам. Напротив. Господин Эмбриако всегда высказывался в том смысле, что наилучшим волшебством он считает искусность человеческих рук. «Истинная магия — в ремесле, в фантазии художника, в его умении чувствовать материал и работать с ним», — разглагольствовал Эмбриако не далее как вчера.

Неужели этот господин все-таки хранит у себя в коллекции чародейские артефакты? Джунийе задумчиво огладил масляную бороду. Но маска уже полностью завладела его мыслями. Он не мог оторвать от нее глаз.

— Что скрывается за этой маской? — шептал купец из Хаурана. — Почему она так притягательна для слабого человеческого сердца?

Он осторожно коснулся металла. Золото оказалось теплым на ощупь и очень гладким, как шелковистая кожа любимой наложницы Джунийе. Он зажмурился, представляя себе эту юную красавицу, готовую принять его в свои объятия.

— Боги! Что за дивная вещь! — пролепетал Джунийе.

Он даже не понял, каким образом маска оказалась у него в руках. Она, точно податливая женщина, прильнула к его ладоням, и вот уже купец рассматривает ее, близко поднеся к глазам.

Слепые глаза маски, красивого разреза, чуть раскосо посаженные, засматривали в самые глубины души Джунийе. Он застонал сквозь зубы. Из угла его рта вытекла тонкая струйка слюны и стинула в душистых курчавых зарослях умашенной бороды.

— Что там, за маской? — снова шепнул он. А затем, держа маску обеими руками, медленно поднес к своему лицу и приложил.

* * *

— Где господин Джунийе? — снова и снова спрашивал Эмбриако у слуг, однако те ничего не могли ему рассказать.

Вроде бы, Джунийе видели, когда он гулял по

саду. Да, точно. Гулял по саду. Это подтвердила и горничная, которая занималась уборкой и на короткое время подошла к окну. Господин Эмбриако не стал выяснять, как долго сидела на подоконнике нерадивая горничная. Он выслушал ее рассказ и нахмурился.

Садовник тоже не мог поведать ничего толкового. Господин Джунийе изумлялся апельсиновому дереву, привезенному из Китая. Этому господину настолько понравилось деревце, что он спрашивал, нельзя ли будет потом попросить у хозяина несколько семечек. Он, Джунийе, неплохо заплатил бы за них. Его очень интересовала возможность вырастить подобное деревце у себя, в Хауране. Садовник на это отвечал, что следует спросить у господина.

— Он пошел в беседку, хотел полюбоваться диковинами, — добавил слуга. — Я не думаю, чтобы такой важный господин что-нибудь спр.

Это он добавил, сам от себя не ожидая подобной дерзости, и втянул голову в плечи. Но ожидаемой оплеухи не последовало. Господин Эмбриако был слишком обеспокоен происшествием. Он даже сказал:

— Да, я тоже подумывал о такой возможности... Многие знатные господа не могут устоять перед соблазном и делают попытки украдь у меня тот или иной поразительный предмет. Но вынести вещь из сада им не удается. Здесь ведь наложены чары, если ты не знал...

Чары были слабенькие. Ими пользовались некоторые богачи, которые слишком дорожили

своими артефактами. Стоили эти заклинания очень дорого, поэтому прибегали к ним редко. Только в тех случаях, когда тот или иной предмет был дороже хозяину, чем деньги.

При попытке унести заколдованную вещь из сада поднимался страшный шум, на который сбегались слуги. Предмет изымали у провинившегося, мягко журили его и... как ни в чем не бывало принимали в гостях снова. Господин Эмбриако признавал за человеческой природой право на слабость и охотно прощал ее.

«Друг мой, — говорил он, как правило, багровому от смущения неудачнику-вору из высшего света, — что поделаешь! Была бы моя воля, я и сам украд бы у вас или у господина такого-то папу вещичек... Забудем же об этом досадном происшествии. Прошу вас, будьте моим гостем, как всегда!»

Но факт оставался фактом: господин Джунийе пропал из сада господина Эмбриако. Пропал бесследно.

А все вещи из коллекции оставались на местах.

Некоторое время Эмбриако еще ломал себе голову над этим непонятным происшествием, но затем его отвлекли новые заботы: слуги доложили о прибытии кхитайского мастера церемоний Тьянь-По.

Маленький кхитайец вырядился очень торжественно, в белый шелковый халат, расписанный цветами и птицами. Господин Эмбриако встретил его по возможности вежливо, усадил за столик в

беседке, откуда открывался вид на деревце и вторую беседку, где хранилась золотая маска. Принесли чай. Тьянь-По, человек вежливый, пил бритунский чай не морщась и даже несколько раз похвалил напиток. Эмбриако был на седьмом небе. Он считал себя истинным знатоком восточных обычаев.

— Я должен осмотреть сад вашей светлости, — пояснил Тьянь-По. — Мне нужно точно представлять себе, где и как будет проходить наша церемония. Прошу вас, покажите мне ваши достопримечательности. Какие вещи должен увидеть король?

— В каком смысле? — уточнил Эмбриако.

Тьянь-По улыбнулся.

— Я плохо выразил свою мысль! Прошу тысячу раз извинить меня.

— И одного раза будет довольно, но поясните, пожалуйста, что вы имели в виду.

— У вас есть наиболее драгоценные предметы, которые составляют гордость — вашу и Британию, не так ли? — проговорил Тьянь-По. — Во время визита короля Аквилонии эти предметы должны изящно и неназойливо попадаться ему на глаза. Не так ли? Я должен знать, какие экспонаты вашей коллекции избраны для этого. Мы расставим их по пути следования процессии, так что королей будет сопровождать непрерывное удивление.

— Вот оно что! — протянул Эмбриако. — Надо же! Я прочитал много книг, посвященных далеким странам, не говоря уж о том, что провел неко-

мало часов в разговорах с путешественниками, и ни один из них не обмолвился и словом...

— Ничего удивительного, — перебил Тьянъ-По, вежливо улыбаясь. — Ведь все путешественники — известные лгуньи. Большинство из них не бывает дальше портового борделя и местного рынка, где и закупают все те диковины, которые потом привозят в страны заката и продают знатокам за большие деньги. Процессия, которую я хочу организовать, имеет очень древнее происхождение. Такие шествия раньше возглавляли владыки древнего, давно погибшего царства У-Хань. Они называются Шествиями Непрестанного Удивления.

— Что ж, — сказал Эмбриако, — в таком случае, я должен показать вам мою коллекцию. Полностью доверяюсь вашему вкусу. Боюсь, я — из тех невежественных бритунцев, которые покупают все подряд и могут счесть за драгоценность какую-нибудь глупую, банальную вещь. Вроде золотой маски.

Он произнес это, руководствуясь тщеславием, поскольку намеревался не словами, но поступками доказать кхитайцу, что тот ошибается, считая людей из закатных стран полными невеждами в экзотическом искусстве.

Тьянъ-По насторожился, но постарался скрыть свои чувства.

— У вас есть золотые маски? — спросил он.

— Разумеется! Разве наш праздник не будет называться Праздником Золотых Масок? — напомнил Эмбриако. — Неужели бритунский ко-

роль затеял бы подобное торжество, не имея золотых масок!

— И они у вас настоящие? — продолжал настаивать Тьянъ-По.

— Не знаю, не знаю, — Эмбриако пожал плечами с притворным смирением. — Я покупал их у людей, побывавших и в Кхитае, и в Вендии. Маски — самые различные. Моя последняя покупка, например, довольно забавна. Принес один забулдыга, наемник или что-то в этом роде. Потребовал два десятка золотых монет, но в конце концов мои охранники его избили, и мы сошлись на семи.

— О! — вежливо округлил рот Тьянъ-По. — И я могу увидеть эту маску тоже?

— Все, что захотите! — Эмбриако сделал широкий жест.

Тьянъ-По поднялся на ноги и проследовал за гостеприимным хозяином в беседку, где на него уставилась золотая маска. Она стояла в шкафу точно так же, как и вчера, то есть на самом ребре, не прикасаясь к стенкам.

— Изумительно! — воскликнул кхитаец, приближая лицо к маске. — Я должен рассмотреть ее поближе.

Он наклонился над стеклом и начал водить над маской глазами, избегая, однако, прикасаться к ней. Неожиданно в прорезях маски мелькнули чьи-то глаза. Тьянъ-По замер. Он подумал было, что ему почудилось, но нет — кто-то потаенно взирал на него с той стороны маски.

«Кто там, за маской? — подумал Тьянъ-По. —

Действительно! Вот загадка, разрешить которую под силу только мудрому в союзе с сильным».

Странное ощущение длилось всего лишь миг, а затем пропало. Но Тьянь-По был уверен: маска заколдована, и за нею прячется некто. Некто очень недобрый, любопытный и алчный.

— Скажите, господин Эмбриако, — обратился Тьянь-По к хозяину дома, — вы держите у себя в коллекции магические предметы?

— Нет, — отрезал хозяин. — Это исключено. Все вещи, которые собраны у меня, имеют только естественное происхождение. В этом смысл коллекции. Торжество мастерства человеческих рук.

— Понятно, — пробормотал Тьянь-По. — Что ж, продолжим наш осмотр...

* * *

— Говорю тебе, неладно что-то у него с этой маской! — шептал Тьянь-По Конану, когда друзья встретились в таверне.

Они сидели внизу, склонившись над кувшином вина, и разговаривали — то о деле, то о разных пустяках. Фореза нигде не было видно — пропадал в городе, искал, где заработать или украсть. Конан не сомневался в том, что обнищавший лорд закончит свои дни наемным убийцей. Самая подходящая работа для такого бездельника и негодяя, утверждал киммериец. Впрочем, Тьянь-По был другого мнения. «Даже безнадежный человек может исправиться и в следующем

воплощении оказаться превосходной лошадью или честной жабой, — заверял ххитаец своего друга. — Все зависит от правильного взгляда на вещи».

Конан даже спорить не пытался. Он знал, что в некоторых случаях Тьянь-По лучше не возвращать.

О своем походе в сад Эмбриако Тьянь-По рассказывал киммерийцу с множеством утомительных подробностей. Поведал и о том, что видел то самое деревце. Для того, чтобы составить заклинание снятия заклинания ххитайцу требовалось время.

— Я ведь не колдун, ты понимаешь, — говорил он Конану. — Я разбираюсь в каллиграфии. Каллиграфия учит человека сопрягать смыслы,

— Что делать? — не понял Конан.

— Объясняю... Положим есть некая вещь. Кусок мяса. — Тьянь-По взял из своей плошки кусок мяса на кости и потряс им в воздухе, после чего опустил обратно в плошку. — Есть слово, обозначающее эту вещь. И есть рисунок, обозначающий это слово. Связь между рисунком и вещью — таинственна и сродни заклинанию...

— Ясно, — проворчал Конан, которому ничего не было ясно. Он вытащил мясо из плошки своего друга и принял грызть. — Все равно ты не ешь мяса, — пояснил киммериец. — Зачем пропадать вкусной еде! Ты можешь довольствоваться парочкой иероглифов.

— Ты быстро учишься, киммериец, — сказал Тьянь-По, улыбаясь. — Схватываешь все на лету.

— Таково мое дао, — сказал Конан, с хрустом разгрызая кость. — Давайте вернемся к золотой маске.

— Из-за маски кто-то смотрел на меня. Кто-то очень злобный. И бесплотный. Но он желает воплотиться, я уверен, — сказал кхитаец.

— Любая бесплотная сволочь хочет воплотиться, — сказал Конан, гора красивой молодой плоти. Он вытянул под столом ноги, съел рыбу и погладил себя по животу. — Лично я ни за что не хотел бы стать бесплотным духом и сидеть, спрятавшись за маской...

— Точно! — прошептал Тянь-По.

— Что? — удивился Конан. — Ты о чем?

— О бесплотном духе... Если апельсиновое дерево находится в саду Эмбриако, — а оно там, и я его видел! — то и колдуны-братья должны находиться неподалеку. Одного ты видел, он превратился в паука и умер. А другой, разноплащеный дух... Тот, младший, самый сильный из колдунов...

— Думаешь, это он прячется за маской? — Конан сразу подобрался. Блаженная, расслабленность покинула варвара, он был готов действовать в любое мгновение.

— А кто же еще? — шепнул Тянь-По. Он огляделся по сторонам и опасливо вжал голову в плечи, как будто боялся, что дух окажется где-нибудь поблизости.

— Ну, мало ли на свете бродячих духов...

— Давай предполагать, что это он.

— Давай, — согласился Конан, опять расслаб-

ляясь и принимаясь ковырять в зубах огромным ножом.

— Положим, дух живет в маске...

— Положим.

— И сторожит апельсиновое деревце, в ожидании, когда он сможет воплотиться и расколдовать принцесс.

— Положим.

— Ведь если ему это удастся, то он завладеет сразу тремя сестрами...

— Ну.

— Слушая тебя, Конан, можно подумать, что тебе неинтересно! — рассердился наконец кхитаец.

Конан, который только этого и добивался своими нарочито лаконичными и равнодушными ответами, хмыкнул.

— Да ладно тебе злиться, Тянь-По. Конечно, мне интересно. Сразу три принцессы! С ума сойти.

— Продолжаю, — успокоился кхитаец. У него был легкий характер, и это как ничто другое помогало ему уживаться с киммерийцем. — Развоплощенный дух прячется в маске.

— Ты это уже говорил.

— Сторожит дерево.

— И это ты уже...

— Если ты будешь меня отвлекать, я скажу это и в третий раз! А теперь — задача для истинного ученика каллиграфа. Что нужно духу для того, чтобы воплотиться?

Конан напрягся, выпучил глаза, надул на шее

жилы, побагровел и выговорил натужным голосом:

— Чтобы... воплотиться... духу требуется... живая человеческая кровь, господин учитель!

— Молодец! — улыбнулся Тянь-По.

Шумно выдохнув, Конан улыбнулся в ответ.

— Я понял, к чему ты клонишь, Тянь-По. Сегодня же попробую узнать, не пропадал ли кто-нибудь в Пайрогии. Бесследно. И, желательно, в саду Золотых Масок.

* * *

Еще один человек в Пайрогии хотел бы это знать. Звали этого человека лорд Форез. И интересовало его то же, что и Конана с другом: не было ли таинственных исчезновений в доме господина Эмбриако? Точнее: не пропал ли загадочным образом сам господин Эмбриако?

Поэтому как только стемнело, лорд Форез пробрался к саду и очутился возле старого лаза, через который он вылезал на волю еще в давние времена, когда был подростком. Проникнуть в сад для него не составило никакого труда. Он пробежал по знакомым дорожкам, миновал несколько беседок и пышно разросшихся кустов, подстриженных в форме шаров, конусов и кубов, и остановился возле входа на кухню.

Неожиданно лорд Форез ощущил печаль. Он понял, как соскучился по этому дому, по обширному саду, по всем этим таинственным тенистым закоулкам, даже по дядиной коллекции, которой

здесь было подчинено все, включая распорядок дня.

— Не раскисать! — приказал он себе. — Еще не хватало, чтобы я тут распустил сопли! Я пришел убить. Я — наемник. Я — убийца. Я проделал долгий путь... И теперь я желаю завладеть моим наследством.

Он обошел дом кругом. В комнатах господина Эмбриака горел свет. Затем в окне мелькнул силуэт самого хозяина. Форез прикусил губу, чтобы не вскрикнуть от разочарования: итак, дядя жив-здоров!

Он скользнул в кусты и спрятался в глубокой тени. По дорожке сада, смеясь, прошла горничная. Сын садовника, негодный мальчишка, обнимал ее за талию, а она заливисто хохотала. При виде забав лакейской любви Форез почувствовал приступ дурноты. Его всегда раздражали слуги. Вечно крутятся под ногами, мешают, во все лезут, все запрещают и шпионят для дяди. Обо всем ему докладывают.

А сами... И как все это вульгарно, как неизысканно! Вот дочка графа Сабрана... Но о ней лучше не думать. Вычурная, холодная, глупая. И все же — сколько аристократизма! С каким достоинством она разделась, легла и закрыла глаза, предоставив Форезу свое прохладное белое тело!

Да. Лучше не вспоминать.

Дело превыше всего.

Форез дождался, чтобы шаги горничной и ее ухажера стихли, и прокрался в беседку, где хранилась золотая маска. Маска была на месте.

Несколько минут Форез разглядывал ее, и разочарование захлестывало его. Затем он резко распахнул дверцы шкафчика и схватил маску. Глядя в ее пустые глаза, он закричал:

— Кто ты? Почему ты ничего не делаешь?

Естественно, он не ожидал ответа. Но спустя миг в его голове прозвучал хриплый голос:

— Ты ошибаешься, смертный.

Форез едва не выронил маску.

— О чём ты говоришь? Кто ты?

— Я должен воплотиться...

— Мне все равно, что ты там должен! — рассердился Форез. На самом деле он не верил в то, что разговаривает с маской, и полагал, что происходящее — лишь плод его больного воображения.

— Я должен воплотиться, — повторил голос.

Затем Форез почувствовал, как чьи-то глаза смотрят на него с той стороны маски. Он перевернул ее. Пусто. Естественно, пусто. Что там может быть!

Но взгляд не исчезал. Голос молчал, однако чужое присутствие становилось все более ощущимым.

Неожиданно голос прошептал, мягко и вкрадчиво:

— Неужели ты не хочешь увидеть мир моими глазами? Надень маску! Взгляни на этот сад сквозь прорези... Стань МНОЮ!

Форез напряг мышцы, отчаянно отодвигая от лица золотую маску. Силы оказались слишком неравны. Локти Фореза сгибаались сами собой,

словно они вдруг размягчились и отказывались подчиняться. Он стиснул зубы, так что они за скрипели и начали крошиться. Маска неуклонно приближалась. С громким стоном Форез сдался, и маска упала на его лицо. Она приросла к коже.

И... ничего не произошло. Сперва Форез ощущал легкое покалывание, оно было даже приятным — вроде освежающего дуновения морского ветерка. Затем пришло состояние полного покоя. Форез глянул на свои руки и не увидел их.

— Где я? — спросил он мысленно.

Голос в его голове засмеялся.

— Ты теперь — это я. И еще один человек — тоже я. Понял? Скоро я сумею поглотить достаточно людей, чтобы воплотиться, и тогда...

— Идиот! — закричал Форез. — Ты развоплотил меня? Я теперь дух?

— Дух? Ты? — невидимого собеседника, казалось, страшно забавляло отчаяние молодого лорда. — Великие боги, какой дух может быть у такого ничтожества, как ты! Нет, конечно. Ты теперь — никто. А вот я скоро обрету плоть, и тогда...

— Это я привез тебя в Британию. Ты должен был уничтожить совершенно другого человека, — заклинал Форез. — Прошу тебя, отпусти меня. Я покажу тебе твою истинную жертву. Ту самую, которая была предназначена для тебя изначально. Ты не должен был... забирать меня!

Форез все еще надеялся найти с духом маски общий язык и потому подобрал достаточно обтекаемое слово, но у духа имелось на сей счет совершенно иное мнение.

— Ты так до сих пор ничего и не понял, червяк? — прогремел голос. — *Мне все равно, кого похирать!* Все вы для меня — просто корм! Ты, тот человек, или этот алчный купчишка из Хаурана, кто-нибудь еще...

— Отпусти меня... — жалобно повторил Форез. Голос замолчал. Дух, заключенный в маске, явно не желал продолжения разговора.

* * *

Исчезновение Фореза не слишком обеспокоило Конана. А вот судьбой Джунийе, слуги которого несколько раз спрашивали о своем господине у слуг господина Эмбриако, он решил заняться всерьез.

— Говорю тебе, дурья башка, — твердил привратник господина Эмбриако прислужнику господина Джунийе, — они с моим господином уже несколько дней только тем и заняты, что бродят по саду, кушают-выпивают, и говорят, говорят...

— Ты его видел? — напирал прислужник. Это был рослый тощий мужчина с растрепанной черной бородой, с нечистой тряпкой на голове, больше похожий на разбойника, чем на лакея. Джунийе ценил его за звериную преданность.

— Видел! — сказал привратник. — Вчера. Кажется.

— Господин всегда заходит домой после полудня, чтобы переменить одежду, — сокрушался прислужник. — Уверяю тебя, с ним что-то случилось. Он не мог изменить своей привычке.

Конан, слушавший этот разговор, подошел поближе. Оба слуги тотчас замолчали и уставились на верзилу варвара.

— Что тебе? — спросил привратник. — Шел бы ты своей дорогой!

— Ну вот еще! — возразил Конан. — Эта улица, на которой я стою, не принадлежит твоему господину, так что не распоряжайся там, где не смеешь.

— Что значит — «не смеешь»? — возмутился привратник. — Какой-то варвар будет мне указывать, что я смею, а чего не смею!

Конан решил не обращать на него внимания и заговорил с прислужником господина Джунийе:

— Говоришь, не вернулся вчера домой?

— Кто? — Прислужник выпучил черные глаза.

— Ну, этот твой хозяин, — пояснил Конан.

— Не твое дело... — Он пристальное посмотрел на Конана и внезапно переменил свое мнение о верзиле киммерийце. — Да. Господин Джунийе, купец из Хаурана, великий знаток редкостей и ценностей, щедрый и милостивый...

— Все понятно, — Конан безжалостно оборвал поток красноречия. — Он ушел сюда и не вернулся?

— Именно.

— А сам господин Эмбриако — он дома?

— Во всяком случае, господин Эмбриако не покидал своих владений, — заявил привратник с горделивым видом.

— Пожалуй, я с ним побеседую, — объявил Конан.

— Стой! — вспомнился привратник. — Ты никуда не пойдешь.

— В каком смысле? — варвар прищурился. Его синие глаза полыхнули веселым огнем. — Почему это я никуда не пойду?

— Потому что я запрещаю...

Привратник не закончил фразы. Конан взял его за локти и аккуратно переставил на другое место, освобождая проход. Прислужник Джунийе разинул рот от удивления — привратник был мужчиной довольно крупным.

Киммериец вошел в сад. Слуги, переглянувшись, благоразумно решили предоставить ему полную свободу.

Конан двинулся между стволами деревьев, скользя беззвучно и все время пропадая в тени, как будто был охотником и выслеживал пугливую дичь.

В саду было тихо. Ни людей, ни птиц. Только листья шелестели в вышине. Обманчивое спокойствие сада настораживало киммерийца еще больше. Обостренным варварским чутьем он улавливал присутствие магии, и это беспокоило его. Конан осторожно вытащил меч из ножен. Прикосновение доброй стали успокаивало.

Он обошел уже почти весь сад. «Может быть, стоит посидеть здесь и понаблюдать? — подумал он. — Ничего подозрительного на первый взгляд не попадается. Но это-то и подозрительно! Уверен, что Джунийе пропал в этом саду не просто так. Была у бедняги очень важная причина, чтобы пропасть. И для господина Эмбриако будет

лучше, если он не имеет к этой причине никакого отношения».

Конан усился под деревом, откуда хорошо видны были две беседки. «Если хозяин сада устроил здесь эти беседки, — рассудил сам с собой варвар, — стало быть, рано или поздно он явится сюда отдохнуть, пить вино и беседовать...»

Дерево давало приятную тень. Сквозь узорные листья на лицо варвара попадали теплые лучики света. Пахло чем-то пряным. Подняв голову, Конан увидел, что на ветках уже созрели плоды. Он сорвал один из них, до какого дотянулся. Повертел в руках. Круглый, желтый, с резким ароматом.

Конан задумчиво очистил его и начал жевать. Сочная мякоть плода была сладкой и великолепно утоляла жажду. Конан похлопал дерево по стволу:

— Молодец, — похвалил киммериец, — отличная работа.

И снова начал следить.

В доме ожили и загадели слуги. Конан напрягся, вытягивая шею: кажется, там что-то случилось! Но спустя несколько минут даже плонул от жгучей досады. Случилось, как же! Горничную застали в объятиях какого-то лоботряса. Прямо в господских комнатах. Ах, какой ужас! Тьфу!

Шум скандала постепенно утих. Рыдания горничной удалились. Снова воцарилась сонная тишина.

Легкий ветерок раздвинул листья, и перед глазами Конана появился второй плод, такой же

золотистый и сочный, как и первый. Конан потянулся было и за ним, но тут же замер: в беседку направлялся господин Эмбриако.

— Господин Джунийе, вы здесь? — звал он своего гостя.

Вот как! Стало быть, Эмбриако ничего не знает о том, что Джунийе пропал. Не перед соглядатаем же разыгрывает он комедию поисков гостя! Конан был уверен в том, что господину Эмбриако ничего не известно о присутствии в саду некоего киммерийца.

— Господин Джунийе! — еще раз повторил Эмбриако и вошел в беседку.

Конан подобрался поближе, чтобы лучше видеть.

Эмбриако остановился посреди беседки и, внезапно забыв о цели своих поисков, уставился на стеклянные шкафы. На губах хозяина поместья появилась довольная улыбка. Он разглядывал свою коллекцию. Ну конечно! Все коллекционеры — сумасшедший народ. Конан слыхал об этом и теперь получил отменную возможность убедиться во всем собственными глазами.

Эмбриако открыл дверцу шкафа и вытащил оттуда золотую маску. Уставился на нее влюбленно. Боги, какой болван! Неожиданно выражение лица Эмбриако сделалось другим. Самодовольство сменилось недоумением, а затем пропал страх.

Несколько раз Эмбриако вздрогнул, как будто боролся с кем-то невидимым, а затем, словно бы против собственной воли, начал приближать зо-

лотую маску к своему лицу с явным намерением надеть.

Конан выскочил и метнулся к хозяину дома. Нельзя было терять ни секунды. Киммериец не сомневался теперь в зловещем предназначении маски. Как дикий зверь, набросился он на Эмбриако и, ломая его сопротивление, вырвал маску из его рук. Маска откатилась в сторону и замерла на траве.

Эмбриако тяжело дышал.

Его била крупная дрожь, он весь был покрыт испариной, рот его безвольно распахнулся, из глаз градом текли слезы.

— Кто вы? — спросил он киммерийца. Слышно было, как стучат зубы Эмбриако.

— Кто я — неважно, а вот кто он? — Конан показал на маску.

— Не трогайте ее! — в ужасе вскрикнул Эмбриако. — Там... там такой страх! Там — смерть! Я видел ее глаза, и она хотела забрать меня!

Конан положил руки на плечи перепуганного лорда.

— Сядьте. Я принесу вам плод. Тут у вас поблизости растет изумительное дерево, очень вкусные плоды. Сочные. Лучше винограда.

Эмбриако послушно уселся на траву, вытянув ноги и прислонившись спиной к резной деревянной колонне беседки.

Одним прыжком Конан подскочил к деревцу, сорвал второй плод и поднес его своему подопечному. Эмбриако жадно проглотил сладкие дольки и ощущал прилив сил.

— Мне гораздо лучше, — проговорил он. — Спасибо. Расскажите мне, кто вы.

— Друг китайского каллиграфа. Его спутник... э... телохранитель, — сказал киммериец.

Эмбриако успокоенно кивнул. События начали приобретать для него понятные очертания.

— Что вы увидели в маске? — настойчиво спросил Конан. — Ну, помимо своей смерти и прочих глупостей.

— Мне показалось... Нет, я не могу этого сказать! Вы сочтете меня сумасшедшим и не будете после этого серьезно относиться к моим словам.

— Не сочту. Говорите!

— У меня есть племянник, некто Форез, который почти наверняка пытается найти способ свести меня в могилу. Меня и еще нескольких лордов, которые мешают ему получить наследство... Мне почудилось, будто я вижу в маске его глаза. Но это, конечно, абсурд! Там ничего нет, кроме пустых прорезей...

— Никогда не знаешь, кто скрывается за маской...

— Ты прав, смертный! — прогремел чей-то голос.

Конан резко развернулся и увидел, что золотая маска больше не лежит на траве — она парит в воздухе, никем не поддерживаемая. Эмбриако взвизгнул и исключительно быстро заполз в беседку.

Выставив перед собой меч и широко улыбаясь, Конан шагнул навстречу духу.

— Прочь с дороги! — рявкнул дух.

Конан не ответил. Он пытался понять, велики ли дух и насколько он силен. Размахнувшись, киммериец нанес первый удар. Посышался скрежет, как будто меч соприкоснулся с камнем. Меч отскочил, а правую руку варвара пронзила острая боль.

Оскалив зубы, Конан ринулся в атаку. Он кружил вокруг духа, изматывая его ударами. Дух пока что ничего не предпринимал, золотая маска плавала перед лицом киммерийца и скалилась мертвым ртом.

Конан лихорадочно соображал, где же у духа может быть уязвимое место. Пока что его главной задачей было не позволить духу атаковать его самого. И все же, когда дух решил броситься на противника, ставшего слишком назойливым, киммериец не успел отбить нападение.

Невидимая рука крепко схватила его за горло. Конан упал. Теперь маска плясала в воздухе прямо над ним.

Пустые глазницы жадно шарили по могучему телу варвара. Конан отбивался, как мог, лягаясь с риском сломать ногу о невероятно твердое невидимое тело духа. Голос внутри маски опять ожила.

— Что, жалкий человечишко? Борешься за свою ничтожную жизнь? Какой в ней смысл, если она так коротка?

Тяжелая, как колонна, нога призрака наступила на руку Конана, и киммериец выронил меч. Но левой рукой он нашупывал у себя на поясе кинжал. Дух смотрел ему в глаза, и Конан видел,

что господину Эмбриако не почудилось: в пустых глазницах появились глаза Фореза. Они пылали нечеловеческой злобой.

Извернувшись, Конан вонзил в них кинжал.

На сей раз клинок встретил податливую плоть. Раздался оглушительный, скрежещущий крик.

Каменная хватка ослабла, дух выпустил Конана. Теперь маска металась, как обезумевшая пчела. Она носилась и подскакивала, несколько раз ударила о колонну и о ствол апельсинового дерева. И все время сад содрогался от пронзительного вопля, проникавшего, казалось, в самый мозг.

Конан тяжело переводил дыхание. Оглядевшись, он увидел, что господин Эмбриако потерял сознание, и из ушей его вытекла струйка крови. Даже могучему киммерийцу было дурно от криков заключенного в маске духа, так что говорить об изнеженном аристократе!

С трудом поднявшись, Конан приблизился к трясущейся маске. Киммериец оскалил зубы.

— Я догадался, кто ты! — прошептал он. — Ты — третий брат! Ты — один из тех колдунов, которые заколдовали принцесс У-Ханя!

Маска не отвечала. Конан схватил ее за край, прижал к апельсиновому дереву и вогнал свой кинжал во вторую глазницу, пригвоздив маску к стволу.

Хлынула черная, зловонная кровь. Конан едва успел отскочить. Воздух под маской сгустился, а затем появилось тело. Оно извивалось и кричало — но кричало уже не дьявольским, а вполне

человеческим голосом. За первым телом показалось и второе...

Всего двое. Они как будто выпали из пустого пространства под маской. В одном Конан сразу узнал Фореза. А второй, должно быть, Джунийе.

Конан осторожно приблизился к жертвам духа. Мертвые — оба. Крик, который они издавали, звучал не из их уст — то кричала, прощаясь с миром, освобожденная от проклятия душа.

Маска содрогнулась в последний раз и затихла. Теперь это была просто золотая вещица, изготовленная с большим искусством.

Неожиданно с дерева упал плод. Видимо, его сшибло с ветки одним из тех сильных толчков, которые сотрясали дерево. Плод ударился о землю, покатился под горку, стукнулся о колонну беседки и лопнул. Конан смотрел на это с сожалением: больно уж вкусный!

И тут дольки плода начали раскрываться сами собой, точно лепестки цветка, и в самой его сердцевине появилась крохотная женская фигурка. Она вся была окутана прозрачным золотистым светом. На глазах Конана фигурка стала увеличиваться. Вот она уже Конану по колено, вот — по пояс... К тому моменту, когда господин Эмбриако застонал и начал приходить в себя, девушка достигла уже изначального своего роста.

Она оказалась хрупкой и тонкой, с фарфоровым лициком, раскосыми глазами. Тонкие пряди черных волос падали на ее узенькие плечи, а над ушами ее прическу придерживали зажимы в форме шарообразных соцветий.

Она осторожно шагнула вперед, пробуя землю босой узкой ножкой, такой крохотной, что это выглядело невероятно.

Желтый шелковый халат, в который была облачена девушка, потащился за ней шлейфом. Эмбриако открыл глаза. Принцесса растерянно улыбалась, разглядывая мир, внезапно распахнувшийся перед ее взором.

Конан вдруг похолодел. Он понял, что за дерево дарило ему тень и прохладу, пока он наблюдал за садом господина Эмбриако. Он понял также, чем были те плоды, которые они с Эмбриако слопали.

— Госпожа, — обратился Конан к девушке, старательно выговаривая кхитайские слова, — вот человек, который освободил вас от чар. — Он указал на Эмбриако, со стенами копошащегося на земле. — Отдайте ему свою любовь! Он этого достоин.

— А дух? — спросила девушка. — Он держал в плена меня и сестер...

— Ну, дух мертв, я полагаю. Во всяком случае, он не воплотился, — сказал Конан. — Так что об этом мерзавце можно забыть.

Он приосанился и с лязгом вложил меч в ножны.

— Мои сестры... — Принцесса огляделась по сторонам, явно растерянная. — Мы всегда были вместе. Где мои сестры, господин?

— Они... Мое сердце кровоточит, потому что они погибли из-за козней проклятого духа, — промолвил Конан, отводя глаза от прекрасного

лица девушки. И тут же добавил: — Но вы, моя госпожа, уцелели, и это — величайшее счастье.

Слезы быстрыми потоками побежали по щекам девушки, однако она нашла в себе силы, чтобы улыбнуться. Осторожно скользя по земле, девушка приблизилась к Эмбриако. Желтые шелковые рукава ласково коснулись щек бритунского лорда.

— Меня зовут принцесса Лу, — прошептала она.

«В конце концов, — сказал сам себе Конан, — что бы он делал сразу с тремя? В Британии многоженство не поощряется!»

И тем не менее чувство вины не покидало Конана до самого вечера.

Сапфировый остров

ак значит, тебе не понравилось в Стигии? — спросил Конан. Корделия Аквилонская встряхнула головой, словно хотела избавиться от неприятных воспоминаний. Черные, как ночь, волосы девушки взметнулись и легким облаком опустились на обнаженные плечи.

— Люди там странные, — сказала она. — Ве-рят во всякую ерунду. И потом, Конан, они отка-зались мне платить.

— Как непорядочно с их стороны, — усмех-нулся северянин. — А чего ты еще ждала от жре-цов Сета?

Девушка пожала плечами. Она запустила ру-ку в кожаную сумку, висевшую на поясе, и выну-ла человеческий череп. Киммериец повидал в своей жизни многое — но подобная вещица удивила даже его.

Корделия полюбовалась на свое сокровище, легко подбросила на руке и вернула в мешок.

— От этого парня я жду семь тысяч золо-тых, — сказала она. — Столько заплатят мне ал-химики в Аргосе, за череп стигийского жреца. Совсем свежий.

Конан поморщился. Многие видели в нем лишь грубого, жестокого варвара — но они ошиб-ались. Как и все киммерийцы, северянин при-вык с почтением относиться к мертвым. Даже когда речь шла о стигийских жрецах.

— И тебе не противно таскать это с собой? — спросил он.

— Не волнуйся, — отмахнулась Корделия. — Я вымочила трофеи в настое из листьев амаранта. Теперь он не опасен.

Девушка задумалась и снова покопалась в сумке.

— Как ты думаешь, — спросила она. — Сколь-ко мне дадут за черепа аколитов? Конечно, не то же самое, что жрец, но все-таки не хочется про-дешевить.

Конан только покачал головой. Только ему начинало казаться, что он привык к Корделии и ее выходкам, как жизнь сразу доказывала обрат-ное.

Вокруг шумел портовый город. Тяжелые ко-рабли покачивались возле каменного причала, словно гигантские драконы с широкими крылья-ми парусов. Отсюда Конану предстояло отпра-виться в Аргос; и, судя по всему, с Корделией в качестве спутницы.

Нельзя сказать, будто северянин недолюбливал девушку. Но она умела притягивать к себе неприятности, словно мед — насекомых. Киммериец понимал, что и это плавание тоже не обойдется без приключений.

Группа моряков спускалась с борта тяжелой триремы. Выстроенный на скале, далеко выдающейся в море, город Мелант был одним из немногих портов, где корабли с такой тяжелой осадкой могли приставать прямо к берегу. Киммериец ни мало не заинтересовал мореплавателей. Проведя долгие месяцы в открытом океане, они думали только о развлечениях — и вряд ли заметили бы Конана в пестрой портовой толпе, даже несмотря на его высокий рост и не совсем обычную внешность.

Зато Корделию заметили сразу.

Привыкшая полагаться в бою на ловкость, а не тяжелый доспех, девушка носила лишь легкую кожаную куртку, и клепаную короткую юбку, состоявшую из отдельных полос и потому не стеснявшую движений.

Сильное, красивое тело аквилонки оставалось наполовину обнаженным, и сразу приковало внимание моряков. Впрочем, будь даже Корделия облачена в монашескую одежду, ее прекрасное лицо, бездонные глаза и алые губы могли свести с ума любого мужчину.

Что же говорить о мореходах, которые так давно были лишены женского общества. Привыкнув к ласкам потасканных портовых девиц, они никак не ожидали встретить на берегу такую

красавицу. Вот тебе и неприятности, подумал Конан. Северянин расслабил мышцы, готовый в любой момент выхватить из ножен меч.

— Привет, красотка! — закричал один из моряков, с выбитым передним зубом и оспинами на лице. — Нас дожидаешься?

Его товарищи радостно засмеялись.

Конан не обладал особым чувством юмора — однако сомневался, будто самый утонченный поэт найдет в словах матроса что-нибудь смешное. Северянину очень не хотелось ввязываться в историю, но, судя по всему, неприятности уже накатывали на него широкой океанской волной.

Лицо Корделии вспыхнуло от удовольствия.

Как ни уродлив был моряк, сколь грубо ни звучали его слова — они очень понравились девушке. «Моя спутница так любит комплименты, — подумал Конан, — что с радостью примет их даже от каракатицы. Неужели она не понимает, на какую беду напрашивается?»

— Издалека прибыли? — весело спросила аквилонка.

— Из Кордавы! — откликнулся другой моряк.

Лицом он был получше своего товарища — зато на его правом плече красовалась черная татуировка, в виде головы льва. Это означало, что перед ними беглый каторжанин, осужденный за несколько убийств. В порту Меланта на такое не обращали внимание — главное, чтобы матрос беспрекословно слушался капитана и не устраивал беспорядков. Однако Конану что-то не хотелось ближе знакомиться с этим парнем.

— Все время нам помогал попутный ветер, — вмешался в разговор третий.

Он явно опасался, что товарищи перехватят у него из-под носа красотку.

— А про пиратов мы и думать забыли — словно их всех поглотал черный левиафан.

— Даже скучно было, — подтвердил каторжанин. — А не составишь ли ты нам компанию, аквилонка? Мы угостим тебя хорошим элем, расскажем забавные истории.

Конан прекрасно знал, что Корделия не пьет ничего, дешевле красного агалунского вина — и никогда в жизни не любила слушать морские рассказы. Тем более, ему было сложно представить красавицу-аквилонку в грязной, темной портовой таверне, в окружении сомнительного сброва.

Зато киммериец прекрасно мог вообразить, как разъярятся моряки, когда получат отказ. Вся их любезность сразу исчезнет — так стихает вдруг попутный ветер, и начинается мертвый штиль. Матросам приходится налегать на весла — неважно, невольники ли они на имперской галере, или свободные люди. Никому не хочется умереть в центре океана.

«Вот так и мне сейчас придется взяться за меч, — пронеслось в голове у Конана. — Хотя и глупо все это».

— Поворачивайтесь, бездельники! — раздался громкий голос с борта триремы. — Забыли, зачем я вас послал? Увидали смазливую мордашку — и все мозги из башки высыпались? Ну-ка марш на

портовый склад! Пока не проверите груз, никто по кабакам не пойдет, иначе вздерну на рее прямо здесь, в этом проклятом порту.

Невысокий человек в капитанском мундире стоял у борта и грозно смотрел на своих матросов. Незадачливые мореплаватели забормотали — каждый свое. Кто-то заверял офицера, что они уже идут, другие негромко ругались, но ни один не осмелился ослушаться. Они знали, что слова капитана — не простая угроза, и не раз видели своих товарищей, болтающихся на мачте. Жестокость и страх — вот что поддерживало порядок на борту триремы.

— Еще увидимся, красотка! — крикнул каторжанин, но в голосе его не было уверенности.

Что поделаешь! Портовый город — здесь можно встретить человека, расстаться с ним, а потом никогда не найти друг друга. «Вот и славно, — пронеслось в голове Конану. — Еще не хватало мне ввязаться в уличную драку».

Киммериец не боялся сражений, но никогда не вынимал меч из ножен, если можно было решить дело миром. А Корделия сама едва не напросилась на неприятности. К счастью, все обошлось.

Не успел Конан подумать об этом, как голос капитана раздался снова:

— Нечасто встретишь в Меланте такую изысканную даму! — воскликнул он, и обращался при этом явно не к киммерийцу. — Не хотите ли подняться на борт, добная госпожа? Возможно, вы не слыхали, но именно на моем корабле же-

цы везли священную статую трехголового грифона. Многие паломники готовы отдать большие деньги, чтобы только войти в трюм, где путешествовал священный идол. Кроме того, в своих странствиях я собрал много прекрасных сувениров, которые буду рад вам показать.

«Рано я начал благодарить Крома, — подумал Конан. — Да и не стал бы суровый бог помогать мне. Сам виноват».

Корделия взглянула на капитана, сузив прекрасные глаза.

Солнечный свет бил девушке прямо в глаза, однако она прищурилась не поэтому. Девушка взвешивала. Сперва ее называли «смазливой мордашкой», на что явно следовало обидеться. Значит, надо подняться на борт и сломать наглецу обе ноги. Но потом ее стали величать «дамой» и «госпожой». Возможно, стоит простить нахала?

Нехитрая работа мысли, отразившаяся на лице Корделии, не укрылась от внимания Конана. «Женщины, — хмыкнул он. — И о чем они думают?..»

— Простите, капитан, — отвечал он. — Но моя сестра дала обет безбрачия.

Корделия так же походила на его сестру, как пантера на стигийского слона. Офицер был озабочен — он мог признать в Конане телохранителя, любовника, просто случайного спутника девушки — но только не брата. Вообще, братья всегда оказываются некстати, когда собрался показывать красотке сувениры, запервшись в капитанской каюте.

Человек смерил киммерийца взглядом и с сожалением признался себе — справиться с северянином вряд ли удастся. Поэтому он только улыбнулся, совсем не весело, и отвечал:

— Что же! На все воля богов.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил Конан, когда они отошли подальше от триремы. — Эти моряки едва не набросились на тебя прямо у пирса. Или ты хотела развлечься сразу со всей командой?

Корделия надулась.

— Какие ты гадости говоришь, — сказала она. — Эти люди просто были любезны со мной. Конечно, я не стала бы идти с ними в их клоповник. Но это не значит, что...

— Зато к капитану ты уже почти собралась подняться. Можно подумать, у тебя своих сувениров не хватает, в кожаной сумке. И чем бы это закончилось? Он станет к тебе приставать, ты перережешь ему горло, и весь город бросится тебя разыскивать. И к кому ты потом побежишь за помощью?

Конан осекся.

«Кром, — подумал он. — Я действительно веду себя, как ее брат. Ради чего, собственно? Пусть сама расхлебывает кашу, которую заварила».

— Какой ты скучный, Конан, — ответила Корделия. — Капитан — вполне приличный человек. Уверена, у него и в мыслях не было ничего подобного. Он просто хотел поговорить.

— Ты опасна для окружающих, — сказал киммериец. — Мне следовало бы посадить тебя в ме-

шок с бобами, и отправить куда-нибудь подальше — скажем, в Черные Королевства. Может быть, это тебя чему-нибудь научит.

— Просто ты не умеешь общаться с людьми, — возразила девушка. — Чего еще ждать от варвара. Ты всем грубишь. Думаешь только о том, как бы кому голову расшибить. Поэтому и влипаешь вечно.

Другой человек на месте северянина мог возмущаться. Но Конан давно понял, что в таких случаях нет смысла спорить.

— Как знаешь, — отвечал он. — Я отправляюсь на корабль.

С этими словами он развернулся и зашагал вдоль причала. Толстый купец подгонял нерадивых слуг, тащивших тяжелые мешки с пряностями. Носильщики склонялись едва ли не до земли, и Конан в который раз подумал, как тяжело приходится простым людям, пока другие наживаются на их труде. Все это казалось киммерийцу неправильным — в его родной стране такого не было. Но северянин не знал, как изменить жизнь тех, кто давно смирился со своими страданиями.

Внезапно Конану пришла другая мысль. Торговец как раз проходил мимо, и киммериец спросил его:

— Говорят, возле Кордавы совсем не осталось пиратов. Это правда?

Купец окинул его настороженным взглядом. Разные люди встречались в районе порта. Среди них нередко попадались те, с кем лучше не иметь дела — особенно, если у тебя толстый ко-

шелек, толстый живот, а большинство слуг на-
гружено тяжелыми мешками.

Однако торговец не смог бы преуспеть в своем ремесле, не разбираясь он в людях. Несмотря на то, что многие сочли бы облик киммерийца угрожающим, купец сразу распознал в нем честного человека. Что же до варварского происхождения, барыга давно усвоил нехитрое правило — главное не то, откуда человек родом, а то, насколько он может оказаться тебе полезен.

— В Кордаву я не плавал, — сказал толстяк. — Но возле Аргоса пиратов столько, что страшно себе представить. Слава богам, на этот раз нам удалось ускользнуть.

Он в негодовании сплюнул.

Конан полагал, что есть и более пристойные способы выражать свои чувства, но не стал заострять на этом внимание.

— Как знать! — продолжал купец. — Может, оттого и спокойно возле Кордавы, что все корсары перебрались в Аргос. Не знаю только, что им так там понравилось... Нападают на портовые города, не пропускают ни один корабль. А знаешь, — толстяк сделал вид, будто такая идея осенила его только сейчас, — плыви в Аргос с нами. Мы отправляемся через два дня. Моя команда полностью набрана. Если пираты не нападут, тебе вообще ничего не придется делать. Я заплачу тебе в любом случае — по десять золотых в день.

— Прости, добрый человек, — отвечал Конан. — Я и правда плыву в Аргос — но мой корабль отправляется уже сегодня.

— Подумай! — закричал купец ему вслед. — Может, еще согласишься. Разыщи меня вечером! Моя имя Меламед, спроси у портовых рабочих. Два дня, что придется подождать здесь, я тоже тебе оплачу.

«Странные дела творятся на море», — подумал Конан. — «Если скряга-купец готов раскошелиться, значит, и правда опасность грозит серьезная. Видно, многое изменилось в Аргосе, пока я там не был».

2

На мгновение он замешкался — может, и правда принять предложение торговца? Конана не сильно прельщали обещанные золотые, но он хотел побольше узнать о пиратских рейдах. Однако в этот момент произошло нечто, сразу заставившее киммерийца забыть о корсарах.

Далеко позади раздался неясный шум. Ни торговец, ни его слуги ничего не рассыпали — главным образом потому, что и не хотели ничего знать. Однако чуткие уши северянина различили и угрожающее рычание, и имя Корделии.

Пару минут назад Конан дал себе слово, что больше не станет вмешиваться в дела прекрасной аквилонки и вытаскивать ее из беды. Но теперь он уже бежал по пристани, на ходу вынимая меч.

Чтобы быть справедливым, надо добавить — точно так же северянин поспешил бы на помощь любому, и другу, и незнакомцу. И толстому куп-

цу, и не в меру галантному капитану, и даже каторжанину, сбежавшему со своей галеры.

Если Корделия притягивала к себе неприятности — то Конан сам искал их, а все потому, что не мог спокойно пройти мимо, когда на его глазах творилась несправедливость.

Он успел вовремя.

Битва еще не началась — но было очевидно, что собеседники вряд ли обменяются дружескими поцелуями и разойдутся, напевая религиозные гимны.

Девушка стояла, развернувшись спиной к шеренге огромных ящиков, и длинный прямой меч поднимался в ее руках. Прямо напротив нее сгорбились три огра — огромные, мохнатые существа, напоминавшие не то человека, не то снежную обезьяну.

Эти твари не отличались особым интеллектом, но грубая сила с лихвой возмещала им недостаток мозгов.

Обычно они служили наемниками в армии — где им хорошо и много платили, за верность и готовность выполнять самые опасные поручения. Никто не знал, то ли огры действительно безумно храбры, то ли маленькие горошины, ссохшиеся в их головах, просто не позволяли им понять всю степень риска.

Время от времени, огры подряжаются в грузчики, поэтому их всегда можно встретить в портовых городах. Однако те трое, что окружали Корделию, явно пришли сюда не таскать бочонки с вином. В огромных лапах каждый из них

держал щит и палицу, ощерившуюся стальными шипами.

— Что происходит? — спросил киммериец. — Только не говори, что ты и им строила глазки.

Аквилонка в бешенстве обернулась.

— Эти недоноски выскоцили, как только ты ушел, — ответила девушка.

Корделии было неприятно признаваться, что северянин невольно служил ёй охранником, пока они шли вместе. Она привыкла сама заботиться о себе.

— Что вы не поделили? — дружелюбно освежомился Конан. — Эта девушка наступила кому-нибудь из вас на лапу?

Огры медленно повернулись в его сторону. Один из них, самый крупный, давно лишился правого глаза, и это вряд ли улучшило его нрав. Двое других, помоложе, явно привыкли слушаться вожака.

— Издевается, — прорычал один из них. — Слышишь, Горк, он над нами подшучивает.

— Да, — подтвердил второй. — Знает же, что мы считать не умеем. Даже складывать и вычитать не можем, не то, что делить или умножать.

— Ты, дружок, иди своей дорогой, — произнес одноглазый.

В качестве веского аргумента он покачал в воздухе своей палицей.

— Зайди себе в кабак, выпей чарку, да устрицами закуси. А нас в покое оставь.

Киммериец понял, что разговаривать с огрыми бесполезно. Однако ему с трудом верилось,

что три профессиональных наемника просто так напали на девушку в порту. Это могли сделать грабители из города, пираты, приплывшие сюда под видом простых моряков — но мохнатые твари никогда не промышляли разбоем.

Для этого у них не хватало сообразительности.

— Почему они на тебя напали? — спросил Конан.

— Не знаю, — ответила Корделия. — Просто потому, что все огры — сволочи.

Это была блестящая фраза — как раз к месту, чтобы разрядить обстановку.

— Она тоже нас оскорбила, — произнес один из огров-подручных. — Горк, давай ее убьем.

Предводитель посмотрел на Конана с безмерным осуждением. Какое-то время огры незаметно следовали за Корделией по портовому городу, поджиная благоприятного момента. Когда киммериец отправился своей дорогой — наемникам показалось, что их час настал. Теперь Горку приходилось принять решение, как поступить в новой ситуации. А все огры терпеть не могли думать.

Одноглазый почесал в затылке и произнес:

— Ладно, человек. Давай договоримся. Ты убьешь за нас эту девушку, а мы взамен не станем трогать тебя.

При этом гнилые зубы огра оскалились в такой ухмылке, что даже самый простодушный заподозрил бы его в неискренности.

Первым побуждением Конана было спросить — почему мохнатые великаны вообще решили на-

пасть на Корделию. Однако он сразу понял, что не получит от дуболовов ни одного связного ответа.

— Уходите отсюда, — произнес киммериец. — И никто не пострадает. Помните — вы в порту, а здесь не любят огров.

Северянин не преувеличивал. Строго говоря, он даже преуменьшил — огров не любили нигде.

— Как же это — не пострадает? — искренне удивился Горк. — Нам заплатили как раз за то, чтобы девице голову проломить.

Конан вздохнул. Северянин понял, что мирные переговоры провалились — и вовсе не потому, что он проявил себя плохим дипломатом. Никто не мог остановить огра, который выполнял приказ нанимателя.

Вот почему этим тварям так хорошо платили, несмотря на их скудоумие.

— Справиша сама? — спросил киммериец.

— Еще бы, — с презрением бросила девушка. — А ты и правда можешь пойти поесть устриц.

Одноглазый пристально следил за ее движениями. Но он даже не успел шевельнуться, когда девушка сделала первый выпад. Длинный обьюдоострый меч просвистел в воздухе, и обрушился на щит первого из подручных Горка.

Щиты огров обычно выкованы из стали. Они в два раза толще и во столько же превосходят размерами те, которыми пользуются люди. Самый могучий ратник-человек с трудом поднимает такую тяжесть. Но мохнатые огры орудуют

своими щитами так легко, словно те ничего не весят.

Мохнатый наемник поднял лапу, закрываясь от удара девушки. Со стороны казалось — толстая стальная дверь, какие ставят разве что в королевской казне, поднялась между противниками. Но заговоренный меч прошел сквозь крепкий металл, словно разрезал листок пергамента.

Отрубленные пальцы посыпались на каменные плиты.

— Надо было держать руки при себе, — бросила Корделия.

Огр заревел от боли и отступил. Девушка была готова нанести ему еще один удар, но тут же второй великан занял место товарища.

Горк взмахнул палицей и начал надвигаться на Конана. «Зря я не взял с собой магического клинка», — пронеслось в голове у киммерийца. Он знал, что его верный меч на сможет так же легко справиться со щитом противника.

Однако северянин терпеть не мог волшебство, и не доверял колдовским предметам. Какие бы преимущества они ни давали в битве — Конан, как правило, не соглашался надеть даже простого амулета. Мысль о заговоренном мече исчезла так же быстро, как и появилась.

Зубастый великан поднял палицу, снова взмахнул ею и нацелил прямо в голову Конана. Силы удара хватало, чтобы разнести человеческий череп на кусочки, срвняв его остатки с шеей. Киммериец парировал удар. Стальная дубина остановилась, на морде огра отразилось удивление.

Никто из людышек еще не мог отбить его палицу. Многие пытались. Но за этим следовал только хруст костей, звон выпавшего оружия и предсмертные крики. Этот же незнакомец — по-доспевший столь невовремя — владел оружием так, словно сам был огром.

Меч Корделии опустился, быстрый, как молния — но ее противник тоже успел нанести удар. Большие и неуклюжие с виду, огры отличались быстротой и ловкостью. Много умелых воинов погибло лишь потому, что недооценили своих мохнатых врагов.

Заговоренный клинок встретился с шипастой палицей. Волшебная сталь глубоко вошла в дубину — и застряла в ней. Морда наемника оскалилась в торжествующей улыбке. Он взмахнул лапой, и легко вырвал меч из руки Корделии. Девушка выдохнула — она поняла, что осталась безоружной.

От палицы огра тоже было мало проку. Наемник отбросил ее в сторону, вместе с застрявшим клинком. Однако аквилонке не стоило слишком радоваться — одного удара стальным щитом хватило бы, чтобы отправить ее к праотцам.

Девушка оглянулась.

Прямо позади нее поднимались три огромных ящика из ливанского кедра, поставленные один на другой. Все вместе они в полтора раза превышали человеческий рост.

Корделия высоко подпрыгнула, и ухватилась за край верхнего из них.

Удар тяжелого щита прошел мимо. Аквилон-

ка перевернулась в воздухе, и вскочила на импровизированный помост.

— Чур, не заглядывать под юбку, — бросила она.

Одноглазыйogr напрягал все силы, чтобы выбить клинок из рук Конана. Но напрасно — шипастая палица монстра словно застыла в воздухе. Наемник не мог поверить, что в обычном человеке кроется такая сила.

Киммерийцу приходилось нелегко. Каждый мускул напрягся, дыхание с трудом вырывалось из груди. Другой на его месте попробовал бы смошенничать — отпустить меч и ударить огра в открытый живот или пах.

Но северянин всегда сражался честно, даже если силы были неравны.

Вот противник пошатнулся, вот сделал шаг назад. Каждый отвоеванный дюйм давался Конану с огромным трудом. Но только такая победа делает человеку честь. Наконец одноглазый отступил снова. Он отвел палицу, клочья пены застыли на губах монстра.

Силы почти оставили киммерийца. Но северянин давно усвоил, усталость — это то, что можно позволить себе только после битвы. Он развернулся, и лезвие его меча глубоко вспороло живот наемника. Огр рухнул. Тяжелый стальной щит накрыл его, словно могильная плита.

Двое помощников одноглазого пытались добраться до Корделии. Их роста почти хватало, чтобы дотянуться до верхнего из ящиков. Один из них подпрыгнул, но его кривые, покрытые

шерстью задние лапы не были для этого созданы. К тому же, наемнику мешали щит и палица.

Корделия с силой пнула его сапожком по лбу. Утяжеленный каблук мог служить опасным оружием — и незадачливыйogr сразу же это понял. Он отлетел, как подброшенный ногой котенок, и ухватился лапами за мохнатую башку, роняя оружие.

— Выше головы не прыгнешь, — усмехнулась девушка.

Другой наемник успел оправиться от раны. Он вынул изо рта искалеченную руку. Его губы покрывала кровь, смешанная со слюной. Три пальца из шести лежали на каменных плитах. Остальные были подрублены — какой короче, какой длиннее.

Ноogr, кажется, совершенно забыл о боли. Отбросив в сторону меч, он ринулся вперед, и ухватился за средний из ящиков. Мощный рывок потряс все сооружение. Корделия покачнулась, и едва не упала. Монстр радостно зарычал, и дернулся еще раз.

Только богам известно, что жадные купцы хранили под прочным ливанским кедром. Но, на счастье аквилонки, груз оказался достаточно тяжелым — иogr не сумел выдернуть ящик ни с первой, ни со второй попытки. Однако было ясно, что третий раз окажется для девушки последним.

Первый наемник, получивший удар в голову, уже стоял рядом со своим товарищем. Уродливую морду заливалась кровь. Но щит и палица

вновь красовались в огромных лапах — он ждал, пока Корделия упадет вниз, и распластается на камне беззащитной жертвой.

Его напарник напряг все силы. Его тело, и без того сгорбленное, согнулось, как тетива лука. В это же мгновение девушка прыгнула вниз, и обеими ногами приземлилась на спинуogr.

В ее руках сверкали два длинных кинжала. Словно молния сверкнула — и стальное перо устремилось к горлуogr. Но как быстро ни летел нож, чудовище оказалось проворнее. Наемник поднял щит, и клинок с жалобным звоном отлетел прочь, бесполезный и беспомощный.

Мордаogr исказилась в самодовольной улыбке. Через секунду ее сменили удивление и боль. Он медленно согнулся, так и не выпустив из рук палицу. Второй кинжал пронзил его сердце, войдя в грудь по самую рукоятку. Монстр попытался крикнуть, но захлебнулся от страха и растерянности.ogr медленно сел наземь, будто хотел сбраться с силами, и жизнь оставила его.

— Я же сказала — под юбку не заглядывать, — сказала девушка.

Все это произошло так стремительно, что другойogr не успел распрямиться. Он стоял, согнувшись, и все еще сжимал в огромных лапах ливанский ящик.

Аквилонка высоко подпрыгнула, и всем своим весом опустилась на шею несчастногоogr. Раздался мокрый, вязкий хруст. Лохматая голова за прокинулась, гнилые зубы оскалились в предсмертной гримасе.

Девушка легко спрыгнула с тела огра, и подошла к Конану. Поединок киммерийца с Горком только что закончился. Северянин оперся на меч, и хмуро оглядывал поле боя.

— Надо уходить, пока не появилась портовая стража, — бросил он.

В других обстоятельствах, Конан обязательно осмотрел бы тела убитых. Это был единственный способ узнать, кто их нанял. Но огры никогда не брали с собой вещей, которые могли выдать их заказчика. Такой обычай сложился уже давно.

Мохнатые воины сражались храбро, но были слишком безрассудны, и многие из них часто погибали. Те, кто прибегал к их услугам, знали — живые огры никому ничего не расскажут. Оставалось позаботиться о том, чтобы так же молчали их мертвые тела.

3

— Не могу взять в толк, откуда у них зуб на меня, — сказала Корделия.

Путешественники быстро шли по причалу. Стоило им выйти из небольшого закутка, где на девушку напали лохматые воины — как шумная толпа сразу же обступила со всех сторон.

Конан знал, что расслабляться рано. Находясь среди людей, он не чувствовал себя в безопасности. Любой незнакомец мог внезапно ударить в спину, вогнать нож под ребра — и раствориться в людском море, более обширном, чем зеленый океан у горизонта.

И северянин, и девушка понимали — огры никогда не нападают без причины. Киммерийцу не терпелось оставаться со своей спутницей наедине и вытрясти из нее всю правду. Но он догадывался — это бесполезно. Аквилонка успела нажить столько врагов, что и сама не подозревала, кто на сей раз взял ее на прицел.

Киммериец заметил своего недавнего знакомого, купца — тот следил за погрузкой, и недовольно покачивал головой вслед каждому тюку.

Конан остановился и придержал Корделию.

— Мне это не нравится, — сказал он.

Девушка хихикнула.

— Хочешь сказать, что тебе когда-то нравились толстые мужики? — спросила она.

— Не время для глупых шуток. Скажи, на каком корабле мы плывем?

Корделия недовольно взглянула на собеседника.

— Тебя что, огр по голове ударил? Это «Лаида», вот она, перед тобой. Я тебе три раза говорила название, а ты все повторял, что и так запомнишь. И вот — все же забыл.

Конан недовольно отмахнулся.

— Именно так называется корабль, который стоит перед нами, — сказал он.

— Хотя бы читать ты не разучился, — бросила Корделия. — И потом — почему ты так долго возился с тем огром? Дал бы ему ногой по яйцам, и всего делов.

Киммериец нахмурился. Он никогда не прибегал к таким подлым приемам, считал их недостойными настоящего воина. Северянин охотно

растолковал бы это своей спутнице, но сейчас его занимало другое.

— Видишь купца, который руководит погрузкой? — спросил он.

— Да, — отвечала девушка. — Его зовут Меламед, он из Шема. Однажды нанял меня охранять своего сына.

— И что? — спросил Конан, не отводя глаз от торговца.

— Потом выгнал, скотина этакая. Кто ж знал, что его пострел должен был оставаться девственником и попасть в монастырь Стильпиона.

— Он все еще жив, хотя не заплатил тебе? — удивился киммериец.

Девушка фыркнула.

— Узнав, что мне дали расчет, сынок дал мне в два раза больше. Видно, сам не сильно стремился на постриг. А чем тебя заинтересовал толстяк?

Киммериец задумался.

— Только что он сказал мне, что отплывает через два дня. Даже обещал денег, если я пойду к нему в телохранители. «Лаида» отходит сегодня, и ее капитан не станет ждать у причала даже ради богатого торговца. Мне надо выяснить, в чем дело.

— А, это ты, добрый человек! — приветствовал его купец. — Передумал? Мое предложение еще остается в силе. Корабль отходит вечером, так что поспеши.

— Вы же сказали — два дня, — произнес Конан, стараясь не выдать голосом своей заинтересованности.

Лицо торговца потемнело. Он оглянулся, затем понизил голос.

— Неспокойно стало в порту, очень неспокойно. Говорят, нашли трех огров, изрубленных в куски. Ты же знаешь, что местные носильщики почти все состоят из этих великанов. Говорят, надо ждать волнений.

— Отчего это? — удивился Конан.

— А как же, — купец заговорил еще тише. — Местным не понравится, что кто-то убил их братьев. Еще работать откажутся. Или того хуже — на людей бросаться начнут. Вот я и подумал, что не стоит мне терять времени.

Он досадливо подтолкнул одного из слуг, словно это могло ускорить погрузку, и вновь погрузился в тревожные мысли.

* * *

— Тридцать золотых на нос, — сообщила Корделия. — Меламед, конечно же, сердится на меня из-за этого случая, однако выбирать ему не приходится.

Они стояли у борта корабля, и наблюдали за тем, как грузчики доставляют на борт последние ящики и тюки. Спускался вечер.

— Как тебе не стыдно, — проворчал Конан. — Торговец предложил это не тебе, а мне. Я никогда не согласился бы взять у него деньги. Если на корабль нападут пираты — с ними должны сражаться все, кто может держать в руках оружие. Оплата здесь ни при чем.

— Как хочешь, — девушка хмыкнула. — Возьму себе твою долю.

Если она думала, что это как-то затронет киммерийца, то ошибалась. Северянин думал о другом.

— Купец солгал, — произнес он, и кратко пересказал девушке свой разговор с торговцем. — Где ты видела, чтобы портовые огры бунтовали из-за гибели наемников?

— Это вздор, — согласилась девушка. — Лохмачам все равно, сколько их братьев перережут. Думают только о деньгах. Помню, однажды на меня напали шестеро, и один маг. Я убила троих и их нанимателя. Что бы ты думал? Остальные прекратили сражаться, как ни в чем не бывало. Да еще начали спрашивать, нет ли у меня работы для них.

— Да, ограм чувство локтя незнакомо, — кивнул Конан. — Наверное, это и к лучшему — и для них, и для окружающих. Только не возьму в толк, зачем купец мне солгал.

Он помолчал немного.

— Когда мы с ним разговаривали в первый раз, он уже точно знал, куда направляется. А про убитых огров услышал в последний момент — и не нашел более подходящей отговорки, когда я поймал его на лжи. Я бы понял, обман купец другого торговца. В этом ремесле обхитрить товарища — значит потуже набить карман самому. Но лгать простому прохожему?

— Толстячина сделал это по привычке, — пояснила Корделия с таким знанием дела, что не

приходилось сомневаться — уж она сама постоянно этим занимается. — Если человек лжет всем подряд, то просто не может остановиться. Неважно, принесет это ему выгоду или нет. Вот так и со мной у него вышло. Умолчал, что хочет сына отправить в монастырь — а почему? Сам потом не мог объяснить. Слишком привык осторожничать, а это до добра не доводит.

— Может, ты и права, — согласился Конан, но в его душе оставались сомнения.

Небо над их головами темнело; нежные голубые краски уступали место мягким оттенкам багрянца. Конан не переставал удивляться, как плавно в этот закатный час лазоревый цвет переходит в красный у берегов Шема. У него на родине небо темнело иначе.

Он помнил, как шел по заснеженной пустыне, а синева над головой становилась все гуще, с каждой минутой темнела, пока не превращалась в черную бездну, усеянную холодными звездами. Подумал он и о том, какое ощущал одиночество перед лицом бескрайних белых просторов под ногами и бездонной мглы в вышине.

Потом это чувство прошло, и киммериец сам не смог бы ответить — то ли он стал старше, то ли поддерживает его мысль о том, что в каждом городе, в каждой сторожевой крепости ждут верные друзья. А если и нет — наверняка найдутся и с незнакомцами общие приятели, боевые товарищи, или места, где приходилось сражаться вместе, но ни разу еще не встретиться.

Неторопливые размышления Конана прерва-

ла Корделия. Девушка не любила думать и хранить молчание, если есть с кем поговорить. Компания друзей имеет и обратную сторону, успел подумать киммериец, когда аквилонка отрывисто произнесла:

— А пойду-ка я спрошу у купца сама.

Северянин неодобрительно нахмурился.

— Если он не захотел рассказать — стоит ли его принуждать? Или, может быть, тебе мало неприятностей на сегодня?

Но девушка уже не слушала его. Люди вообще становятся глухи, когда говоришь им добрые советы, с некоторой горечью подумал Конан. Корделия же решительно направилась прямо к торговцу.

Купец стоял возле широкого трапа, по которому поднимались носильщики.

Были среди них и шемиты, и огры, и даже несколько людей-ящериц, невесть как затесавшихся в портовый город. Ни один из них не собирался ни бунтовать, ни даже отказываться от работы — да и не удивительно, ведь никто не может заставить человека работать на пристани, кроме голода и нужды.

Торговец следил за тем, как поднимают на борт его добро. А поскольку сам он никак не мог вмешаться в этот процесс, ускорить его или хоть чем-то помочь — то тем сильнее волновался и больше суеты поднимал. Он размахивал руками, словно перед ним собрался в круг большой агламурский оркестр, и исполняли они сложную симфонию — вроде тех, что всегда наводили на Ко-

нана сон и недоумение, как можно слушать подобную дребедень.

Корделия подошла к купцу сзади, неслышно, словно не ступала по корабельным доскам, а летела на крыльях. Потом взяла за ухо и резко вывернула его. Торговец заверещал и стал еще сильнее размахивать руками, словно тоже собирался взлететь — и лишь рука аквилонки удерживала его на палубе корабля.

Носильщики, проходя мимо, смотрели на купца и только посмеивались. Ни один не собирался приходить на помощь толстяку. Во-первых, руки у всех были заняты, а во-вторых, никто им за добрые дела не платил.

Корделия наклонилась к торговцу — а ей пришлось это сделать, ибо он был на две головы ниже — и проговорила:

— Кое-кто здесь нанял меня его охранять.

Купец подпрыгнул от неожиданности — словно не думал, будто схвативший его за ухо враг умеет разговаривать.

Затем попытался бежать, да забыл, что пальцы девушки по-прежнему крепко сжимают ему мочку, и только заверещал от боли.

— А потом, — неторопливо продолжала Корделия, словно сидели они друг перед другом в высоких креслах и пили изысканное вино. — Этот кто-то начал мне лгать и изворачиваться, как в прошлый раз. Ты помнишь, как нехорошо тогда получилось, мой пирожок со свининой?

То ли купец не рассыпал нелестного сравнения — и не мудрено, если вспомнить, в какую пе-

ределку попало его ухо — то ли было ему не до достоинства, но он никак на «пирожок» не ответил, а только забормотал виновато:

— А что ж тут объяснять, добрая госпожа. Ежели пираты нападут, будете жизнь мне спасать, с приятелем своим. Да отпусти же наконец мое ухо, девка шальная. Видно, жалели в детстве на тебя розог, да зря.

Слово «зря» как раз подходит к подобным словам, если тебя держат за ухо, а ты не можешь освободиться. Корделия хмыкнула и поволокла торговца через всю палубу, к Конану.

— Отпусти его, — негромко приказал киммериец. — В конце концов, он прав — ты очень плохо воспитана.

— Еще не хватало, чтобы варвар меня учил, — бросила аквиilonка, но подчинилась.

Торговец осторожно поднес пальцы к уху, словно боялся, что оно вот-вот отвалится и шлепнется ему в ладонь.

— Ничего я от вас не скрыл, — произнес он жалобным голосом.

— Ажешь, приятель, — ответила Корделия. — Сделаем вот как. Конан у нас слишком добрый. Скажу ему, что вон там, на пристани, трое моряков напали на жреца. Он побежит спасать бедолагу, а мы тут поговорим, по-свойски. Как старые знакомые.

— Чумы на тебя нет, — сплюнул купец. — Все мои беды из-за твоей несносности. Сынка-то своего, единственного, доверил этой стервозе, — обернулся он к Конану. — А она что?

— Уверен, ничего, чего бы тот сам не хотел, — отвечал киммериец.

Купец взглянул на северянина, словно на самого последнего предателя. Конан столько раз клялся, что не станет разбирать чужие ссоры, но вновь нарушил свое обещание.

— Надеюсь, с твоим сыном ничего страшного не случилось? — спросил он.

— Да как же, — всплеснул руками купец. — Тоже торговать, поскребыш, начал. У меня всему научился. А теперь куда ни глянь, мне разорение. Заказчиков отбивает, поставщиков переманивает. Эх! Жил бы он сейчас в монастыре, бед не знал, головой об пол при молитве бился.

Торговец замолчал, глубоко сожалея об упущененной возможности, и о загубленной жизни в целом.

«Впервые Корделия сделала доброе дело, раз спасла парня от заточения в келье», — подумал Конан, а вслух произнес:

— Так ты что-то собирался нам рассказать, добрый купец?

Торгаш, в лице которого не осталось не только ничего доброго, но и мало человеческого, скривился еще больше.

— Тайна это великая, — вздохнул он. — Триста талантов за нее заплатил.

Слово «заплатил» застряло у него в горле, когда он посмотрел на Корделию. Прекрасно помнил, барыга, что в свое время обманул девушку с деньгами. Мысль об этом заставила его поскорее продолжать, оставив позади скользкую тему:

— Но ничего! Корабль вот-вот отчалит. Большой беды не случится, если я вам все расскажу. Сынали, небось, о Сапфировом острове? Маленькое такое королевство, мы там остановку сделаем, прямо перед Аргосом.

— Знаю, — кивнула Корделия. — Когда-то служила у местного владыки.

Конан знал, что девушка много времени провела в этих краях, и потому не удивился, что она оказалась знакома и с купцом Меламедом, и с правителем острова.

— На этом корабле, — продолжал торговец, — плывет сам принц. Свита у него маленькая, одет как простолюдин — на всякий случай. Мало ли кто захочет с королевичем расправиться. Никто об этом не знает, кроме капитана и его помощников.

— И одного из них ты подкупил? — подсказал киммериец.

— Было дело, — торговец слегка смущился. Или просто сделал вид — вряд ли в его возрасте он еще умел стыдиться по-настоящему. — Пока корабль в порту, никто об этом не знает. Но стоит нам выйти в открытое море, как на мачте поднимут флаг Сапфирового острова.

— И ты, значит, захотел под флагом потанцевать? — недоверчиво спросила Корделия.

— Я же говорю — девка тупая, — пожаловался купец Конану. — Не понимает ничего. Да когда пираты знамя енто увидят, то и не подумают нападать. Хвост подожмут, да наутек. Короля все ой как уважают. Армия у него сильная.

Купец с важным видом кивнул головой.

Однако Конан не разделял его уверенности.

— Или, — заметил он, — увидав флаг, они еще сильнее захотят напасть на корабль. Решат отомстить правителю. А если признают, что на борту принц — то и подавно. Более ценного заложника им не найти.

Лицо торговца побледнело так быстро, что северянин испугался — как бы купец не отдал небесам душу. Трясущимися руками толстяк схватил Конана за рубашку.

— Думаете, это возможно? — запричитал он так громко, что один из огров от неожиданности выпустил из рук бочку, и та, подпрыгивая, покатилась по палубе. — Значит, все аргосские пираты станут нас поджидать?

Северянин не знал, что утешительного ответить купцу — но даже если бы нужные слова и пришли на ум киммерийцу, толстяк верещал так быстро, что все равно не удалось бы его перебить.

— Горе мне, горе, — говорил торговец.

Он ринулся за утешением к Конану, но в расстроенных чувствах промахнулся, и обхватил обеими руками Корделию. Лицо девушки вспыхнуло от негодования, а купец тем временем продолжал, обливая слезами ее полуобнаженные груди:

— Добра на целых три тысячи талантов. Шелка из Заморы. Камни драгоценные из Черных Королевств. Шемское вино. А пряности — пряности одни чего стоят...

Аквилонка отпустила ему звонкую пощечину, но торговец даже не заметил этого, и только откатился обратно к Конану — точь-в-точь бочка, которую уронил носильщик.

Киммериец взял его за плечи и встряхнул — не сильно, а только так, чтобы привести в чувство. Потом произнес:

— Позаботься лучше о своих товарах. А то слуги зазеваются, да побросают их в море.

Купец бросил на Корделию перепуганный взгляд. Как и все люди, он не знал, чего бояться сильнее — большой опасности, которая может нагрянуть в будущем, или малой, что уже на пороге.

Длиннохвостый человек-ящер, под которым трап прогибался, словно вот-вот треснет, помог купцу принять решение. Торговец обреченно взмахнул рукой, будто отдавал приказ о начале казни — и ни чьей-нибудь, а своей собственной — и поспешил к сходням.

— Ну кто ж так несет мешок, голова твоя дубовая! — кричал он на ходу. — Обеими, обеими руками хватай. Да поворачивайся, хвостом себе помогай, а не махай им. Не парус, чай. Вот существа, прости господи! Даровали им хвост — так и тем пользоваться не умеют.

Так причитал купец, размахивая руками — но все, чего он мог добиться, так это помешать носильщикам, путаясь под ногами и загораживая дорогу.

— Этот паренек не похож на принца, — заметила Корделия.

Конан проследил за ее взглядом.

Молодой человек, лет двадцати трех, стоял у борта, на другой стороне палубы. Конан и его спутница любовались вечерним городом. Взгляд юноши был устремлен в море — туда, где далеко за горизонтом раскинулся его родной остров.

— Сними с правителя дорогие одежды, лиши его власти, свиты — и он станет обычным человеком, — заметил киммериец. — К тому же, как я слышал, принц острова провел много лет, изучая науки у мудрецов Шема. Он привык чувствовать себя учеником, а не королевичем. Поэтому даже поведением похож на простолюдина.

— Вижу, ты не очень любишь правителей, — усмехнулась девушка.

— Я видел многих, — отвечал Конан. — И почти никто из них не заслуживал тех почестей, которые оказывали им люди. Недаром короли хваствают, будто им благоволят сами боги. Такая помощь им очень нужна — ведь сам народ, как правило, не в восторге от своих владык.

Два молчаливых стражника-шемита стояли по обе стороны от юноши. Издалека даже сложно было сказать — то ли они охраняют своего господина, то ли стерегут опасного пленника. Сам принц не думал ни о своем будущем царствовании, ни о том, как встретит его народ. Он просто возвращался домой.

— Ночь прошла спокойно, слава богам!

Купец Меламед стоял возле мачты и довольно улыбался. Потом он развел руки в стороны и вдохнул так глубоко, что Конан подумал — как бы толстяк не всосал в себя весь воздух на несколько миль вокруг.

Веселые облака бежали по голубому небу, словно приглашая людей присоединиться к своему празднику. Однако киммериец был опытным моряком и знал — точно так же радуются дети лазури, когда видят под собой тонущий корабль, или берег, залитый кровью и усеянный мертвыми телами.

Ясный, солнечный день не придавал Конану бодрости — а дождь и ненастье не приводили в уныние. Киммериец привык к тому, что его настроение зависит не от погоды, посланной богами, а лишь от той, что царит в собственной душе.

— Поганый день, — сообщила Корделия, присоединяясь к ним. — Все видно на сотни миль вокруг. Если поблизости пройдет пиратский корабль — корсары обязательно нас заметят.

Купец Меламед поперхнулся.

— Великие боги! — воскликнул он. — Значит, аргосские пираты нападают днем, а не ночью?

— Только днем, — отвечала Корделия. — Я хорошо знаю их привычки. У берега слишком много мысов и отмелей, а пиратские капитаны не такие уж хорошие мореплаватели, чтобы помнить все наизусть.

На груди девушки висела подзорная труба, украшенная изображениями морских тварей. Волшебные линзы, сделанные из крыльев гигантской болотной стрекозы, позволяли рассмотреть даже чешую на брюхе дракона, пролети тот в вышине.

— К тому же, корсары слишком часто меняют места охоты, чтобы как следует изучить хотя бы одно из них, — продолжала девушка. — Поэтому предпочитают орудовать засветло. Конечно, сейчас мы в открытом море. Но привычка есть привычка.

— Жалкий глупец, — прошептал Меламед. — Значит, я напрасно провел ночь без сна, читая молитвы? Получается, я мог как следует выспаться?

«Тогда утром ты стал бы докучать нам с удвоенной силой», — подумал Конан, и поспешил перевести разговор на другую тему:

— А что, раньше ты не плавал в Аргос?

— Отчего же, — отвечал купец. — Было время, когда я каждый месяц посещал Сапфировый остров. Но времена изменились. Вы слышали, что шемские жрецы велели забрать идол из прибрежного храма? Теперь статуя трехголового грифона стоит в Эруке, и тысячи верующих стекаются туда со всего материка.

— Да, — согласилась Корделия. — Еще вчера у меня была возможность полюбоваться кораблем, на котором везли святыню. Такой шанс выпадает не каждый день. Но кое-кто, — тут она неодобрительно посмотрела на Конана, — не дал мне даже одним глазком глянуть.

Конан отмахнулся.

— Этот капитан обманул тебя. Все знают, что шемиты никогда не доверили бы статую своего бога чужестранцу. Их храмы очень богаты, у них хватает собственных грузовых судов.

— Сущая правда, — подтвердил купец. — Сколько раз пытался наладить с ними торговлю — все не удается. Предпочитают вести дела сами, несчастные скряги.

— Лучше объясни, — попросил киммериец. — Какое отношение трехголовый бог имеет к плаванию в Аргос?

— Видно, ты давно не был в наших краях, — отвечал Меламед. — Смотри.

Он подошел к одному из тюков, что лежал на палубе, и сильно ударил по нему кулаком. Маленькое облачко муки, поднявшись сквозь недостаточно плотную ткань, взмыло в воздух и опустилось на доски палубы.

— Вот почему удача сопутствует мне, — самодовольно заметил купец. — Тот, кому принадлежит этот груз — а слава богам, это не я — пожадничал на хорошее место в трюме, да на прочные мешки. Что, спрошу я вас, станет с мукой, если пойдет дождь?

Он опустился на колени — довольно легко и быстро для человека его комплекции. По всей видимости, торговец и вправду привык много молиться.

— Люди думают, что выгадают большие деньги, если положатся на удачу. Чаще всего им везет, и они становятся более беспечными. Но в

один прекрасный день — раз! — и такой хитрец лишается всего своего товара. К счастью, у меня хватает разума не искушать судьбу. А теперь смотрите.

Он провел пальцем по белому пятну, набрасывая нехитрую карту.

— Вот Аргос, — пояснил он. — Отсюда отплыли мы. Раньше все корабли, покидавшие этот порт, направлялись на север, — купец нарисовал точку на побережье.

— Там, где находится священный город шемитов? — спросила девушка.

— Правильно. Одни капитаны везли туда паломников, другие — богатые товары. Без дела никто не оставался. Но теперь, когда трехглавый грифон в Эруке, торговые маршруты изменились. Большинство судов плывет прямо в Аргос. Лишь изредка — как сейчас — корабль заходит в воды Сапфирового острова.

Торговец внезапно замолчал. Он ухватил себя за жидкую бороденку и начал ее поглаживать.

— А ведь это значит, — произнес купец почти нараспев, — что уже долгое время никто не ведет с королевством регулярной торговли. У меня полные трюмы товара. Возможно, удастся продать их там...

Лицо купца покраснело от волнения. Он направился прочь, полностью позабыв о своих собеседниках.

— Думаю, я даже смогу поднять цену... Вдвоем... Нет, втрое!

Он хлопнул себя по лбу.

— Несчастный дурак. Надо было накупить гораздо больше товаров. Палуба такая широкая, а астрологи не предвещали ни дождей, ни шторма. Я мог заполнить здесь все зерном, пряностями, шелками... И почему же я не подумал об этом раньше!

— Кажется, он только что ругал тех, кто оставляет товар на палубе, — заметила Корделия.

— Мнение человека меняется быстрее, чем ветер, — произнес Конан. — Только сами люди это редко замечают.

— А здесь бы я положил свертки бархата... — продолжал купец.

Толстяк осекся. На палубу выходил принц Сапфирового острова, и два шемитских телохранителя следовали за ним. Торговец повернулся было, желая подойти к нему, но не решился. Засунув большой палец в рот, он принял энергично грызть ноготь, бросая неуверенный взгляд на Конана.

— Сейчас подползет и попросит проводить его к принцу, — предупредила Корделия. — Не решается заговорить с королевичем в одиночку.

Киммериец посмотрел на то, что ускользнуло от внимания и самого торговца, и девушки, и даже королевича. В этот момент по палубе как раз проходил человек в офицерском мундире. Золотой якорь, на правой стороне груди, выдавал в нем помощника капитана.

— Шемитский флаг, — негромко заметил Конан, указывая вверх.

— Да, черт возьми, — моряк явно торопился,

и не собирался терять время на болтовню с варваром. — Мы вышли из шемитского порта.

Не останавливаясь, он поспешил дальше. Киммериец спросил, обращаясь к его спине.

— А разве вы не собирались менять флаг, как только мы выйдем в море?

На сей раз помощник капитана остановился.

— Проклятье. Никто не должен был об этом узнать. Но...

Он тоже поднял голову и наконец понял, о чем спрашивает северянин. Несколько крепких ругательств сорвалось с его губ.

— Видите вон того толстяка? — спросил офицер, указывая на торговца. — Захотел плыть с нами в последний момент. Поднял столько шума, чтобы ему отвели лучшую каюту.

«И наверняка много заплатил каждому из вас», — подумал Конан.

— Из-за его товаров мы вышли из порта на полтора часа позже. Потрудиться пришлось немало. Стоит ли удивляться, что все позабыли про этот чертов флаг.

Лицо помощника презрительно сморщилось.

— Невелика беда! Маленький королевич с маленького острова, о котором никто никогда и не слышал. Конечно, правитель разъярится, когда узнает — но пусть подавится своим гневом.

Офицер бросил недовольный взгляд на принца, словно именно тот был виноват в случившемся.

— Все равно к его берегам мало кто причаливает. Большой крюк приходится делать, да и пиратов там в недавнее время развелось. Пусть ска-

жет спасибо, раз наш капитан вообще согласился к ним плыть. Ладно, варвар. Спасибо, что обратил мое внимание на флаг. Не знаю, откуда тебе известно про принца, и не хочу знать. Пойду к капитану.

— Как бы не было поздно, — негромко произнес Конан.

Моряк не слышал его слов, а киммериец не стал его останавливать. Он смотрел на черную точку, появившуюся на горизонте. Северянин не носил с собой волшебной трубы, как Корделия, но острые глаза и так смогли различить очертания корабля.

— Нам очень повезет, если это не пираты, — пробормотал он. — А ни одной причины для везения я придумать не могу.

С этими словами он направился к аквилонке.

— О чём говорил с помощником капитана? — осведомилась девушка.

— Так, пустяки. Лучше посмотри вон туда.

Киммериец указал в ту сторону, где увидел незнакомый корабль. Корделия проследила за его взглядом и поднесла к глазам волшебную трубу.

— Это пираты, — отрывисто произнесла аквилонка. — И мне кажется, они разворачиваются в нашу сторону.

Конан посмотрел вдаль.

— Странно, не правда ли? — спросил он. — Обычно морские разбойники не теряют времени, когда видят купеческое судно. А этих словно что-то удерживает на месте.

Девушка передала ему трубу.

— Они чего-то ждут, — пробормотала аквилонка.

— Ни один пират не знает этого слова, — разразил Конан. — Их лучший союзник — скорость. Нет ничего лучше против тяжелого транспортника. Если только...

Киммериец стремительно поднял голову.

Шемитский флаг исчез; над ними торжественно поднималось знамя Сапфирового острова. В это же мгновение будто кто-то отпустил невидимую веревку.

Пиратский корабль на всех парусах полетел вперед, навстречу торговому судну.

5

Пронзительный, резкий свисток пронесся над морем. То был сигнал тревоги. Несколько моряков пробежали мимо Конана. Внизу, по трапу, застучали тяжелые шаги. Двое аргосских жрецов спешали покинуть палубу, чтобы укрыться в своих каютах.

— Что это? — воскликнул купец Меламед, побегая к северянину.

При этом торговец так путался в длинном одеянии, что едва не растянулся между мешками с мукою.

— То, чего ты так боялся, — отвечал киммериец. — Думаю, тебе самое время укрыться в трюме.

— Выбери самые дешевые товары, — посовето-

вала Корделия. — И спрячься в них. Пираты будут брать самое ценное.

— Хорошо, хорошо, — воскликнул купец. — Я зароюсь в кущитский изюм.

С этими словами он побежал прочь, отпихивая в сторону обоих жрецов.

— Думаешь, он действительно залезет в мешок с изюмом? — спросила Корделия.

Девушка не отрывала взгляда от пиратского корабля — но это не мешало ей краешком глаза следить за тем, что происходит на палубе.

— Не удивлюсь, если он даже ухитрится завязать узел изнутри, — ответил Конан. — Только это мало поможет бедняге, если корсары потопят судно. Что скажешь?

— Легкий и быстрый, — бросила Корделия. — Мародер. Такой не берет ни рабов, ни заложников, ни тяжелого груза. Только самое ценное.

— Странно, — заметил Конан. — Если нападешь на купцов, надо позаботиться и о товарах. А нашим корсарам придется выбросить все — и шелка, и пряности, и зерно. Почти вся добыча окажется на дне моря. Бессмысленное нападение.

— Нет, — усмехнулась Корделия. — Если их цель — захватить в плен одного человека. Принца.

Глаза Конана превратились в холодные льдинки. Он понимал, что намерения пиратов далеко не так очевидны, как кажется его спутнице. Но в этот момент к ним подошел помощник капитана, и киммериец предпочел промолчать.

Северянин не знал, стоит ли доверять офицеру. Возможно, именно он продал секрет принца

купцу Меламеду — и как знать, отчего тогда не предложить эту тайну еще и аргосским пиратам.

— Вы заплатили хорошие деньги, чтобы попасть на этот корабль, — сказал офицер. — И можете укрыться в каютах, как и все другие путешественники. Но...

Конан прервал его.

— Не нужно, — ответил он. — Я останусь на палубе. Сколько у вас орудий?

— Только два. Они расположены на носу. Мы можем установить по дюжине пушек на каждый борт. Но это значит сократить объем трюмов. Богач, которому принадлежит судно, никогда не согласится.

— Ну что же, — произнес Конан. — Два лучше, чем ничего.

Про себя он подумал, что два — это и есть ничего. Однако не имело смысла говорить подобное вслух. Киммериец сомневался, будто команда светится от боевого духа, и все же не стоило подрывать его.

— Где же твоя подружка? — спросил офицер. — Мне показалось, она тоже наемница. Или соглашается сражаться только за деньги?

— Она мне не подружка, — отвечал Конан, мысленно улыбнувшись при одной такой мысли. — А я не наемник. Лучше подумайте о том, что собирается делать принц.

Молодой человек не спешил прятаться в каюте, подобно другим. Он стоял в центре палубы, и двое шемитов помогали ему надеть тяжелый боевой доспех.

«Как нелепо, — подумал Конан. — Юноша должен знать, что его жизнь принадлежит не ему, а королевству. Нельзя бросаться в первую же драку только потому, что представился случай. Один удар меча, один арбалетный болт — и кто унаследует трон правителя?»

Сходные мысли, похоже, охватили и помощника капитана. Не потому, что он заботился о благе Сапфирового острова. Но местный король хорошо заплатил владельцу судна, и вряд ли будет рад, если сына доставят ему по кускам. Пусть даже ни один обрубок в дороге не потерянется.

Офицер поспешил к принцу, и начал что-то втолковывать.

— Не поможешь ему? — спросила Корделия.

Девушка появилась на палубе так же бесшумно, как и исчезла.

— Только не я, — покачал головой киммериец. — Помню себя в возрасте принца. Тогда никто не мог отговорить меня от хорошей схватки, тем более, во благое дело.

— В детстве ты учился в школе гладиаторов, — ответила Корделия. — А этот красавчик изучал науки и философию в Шеме.

— Вряд ли вся мудрость мира поможет ему в этом сражении, — согласился Конан. — Но своего решения он не изменит.

Северянин оказался прав. Помощник капитана, энергично жестикулируя, пытался что-то объяснить юноше — очевидно, призывая к осторожности. Потом сдался, опустил голову и пошел

прочь. В глазах королевича блеснуло торжество — он чувствовал, что одержал первую победу. «Как бы она не оказалась последней», — подумал Конан.

— На борту только две пушки, — сообщил он. — Насколько я могу судить, стреляют они недалеко. Корсары оснащены гораздо лучше.

— Тогда, — ответила Корделия, — нам надо уравнять шансы.

Девушка подняла арбалет, за которым спускалась в свою каюту.

— Эта игрушка сделана из ствола дерева-людоеда, — сказала она. — Болт летит дальше, чем ядро из любой корабельной пушки.

Аквилонка подняла оружие и прицелилась.

— Еще пара минут, — сказала она. — И кто-то на том корабле сильно удивится.

Конан осмотрелся. Он понимал, что два или три арбалетных болта не решат сражения. Команда торгового судна была готова сражаться до последнего — но что они могли сделать против хорошо вооруженных и опытных в бою пиратов?

С кормы подходили трое шемитов. Каждый из них нес длинное копье на черном древке. Не такой помощи искол киммериец — он знал, что в предстоящем бою эти трое не смогут спасти корабль, и только зря погибнут вместе с остальными защитниками судна.

Умереть в бою, или уцепиться за слабую надежду, что тебя возьмут в рабство, а там удастся бежать — вот что оставалось мореплавателям.

— Подсчитываешь шансы? — спросила Корделия, вкладывая первый болт.

— Здесь нечего считать, — отозвался Конан. — Если корсары знают свое дело, нам остается лишь зарыться поглубже в изюм, вместе с нашим приятелем-торговцем.

— Принц так не считает, — сказала аквилонка.

Оглушительный свист, служивший знаком тревоги, смолк. Его сменил размеренный барабанный бой.

Члены команды занимали свои места. Капитан и его помощники ходили от одного поста к другому. Они напутствовали товарищей, и расставляли тех пассажиров, что согласились участвовать в сражении.

Королевич Сапфирового острова был первым из них. Он встал у борта, полагая, наверное, будто это наиболее опасное место из всех. Юноша не знал, что, когда абордажные крючья вопьются в бока судна, безопасных мест на нем просто не останется.

Два стражника-шемита по-прежнему стояли справа и слева от него. Они знали, что наверняка погибнут в бою, и уже смирились с этой мыслью. Странный контраст представляли лица опытных ратников, которые в душе уже готовились перейти на Серые равнины мертвых — и их принца, молодое, веселое, полное жизни и воодушевления.

В этот момент Конан понял, что у него есть только один шанс. Когда начнется бой, он уже не сможет спасти людей. Ни отчаянная храбрость, ни самая умелая тактика не остановят натиска пиратов. Если киммериец хотел помочь своим

спутникам — он должен был заставить корсаров отступить прямо сейчас.

— Сколько человек ты успеешь снять, прежде чем они откроют огонь? — спросил киммериец.

Девушка взглянула на арбалет.

— Двоих. Он долго перезаряжается. Потом они сделают бортовой залп.

Два пирата! Остальные корсары даже не заметят смерти товарищей. Нет, если северянин решил остановить вражеский корабль, ему нужно было что-то помощнее.

— Ты говорила, что у тебя есть волшебные болты? — спросил он.

— Да. Но они не годятся для боя на море.

Девушка показала на мешочек, в котором хранила снаряды. Некоторые из них были помечены разными цветами.

— Этот — отравляющий. Действует на лошадей и верблюдов. Зажигательный. Конечно, корабль корсаров деревянный — но они покрывают борта специальным составом, и поджечь их нельзя. А если стрелять в мачту, огонь скоро съебет ветер. Этот взрывной. Хорош против осадных машин. Борт корабля, опять-таки, не пробьет. Просто отскочит, и рванет в воде — слишком далеко, чтобы повредить обшивку.

— Столько оружия, — пробормотал Конан. — И все бесполезно.

Киммериец мог бы спросить — отчего маги и жрецы не создали болтов, которые годились для боя на море. Но ответ был прост: пока одни чародеи создавали средства разрушения, другие рабо-

тали над защитой. И в области мореплавания последние пока брали верх.

— Вот и вы, — к ним подошел помощник капитана. — Встаньте вон там, возле мачты. Думаю, пираты станут прорываться именно туда.

«Вовсе нет», — подумал Конан. — «Корсары не станут никуда рваться. Они просто заполнят корабль, как муравьи, и остановить их сможет только воля богов. А богам явно до нас нет дела».

— Арбалет, — офицер увидел оружие в руках девушки. — Помню, когда я был юнгой, магические стрелы не раз выручали нас. Но с тех пор все изменилось. Борта покрывают особым составом, который...

Киммериец поморщился.

— Знаю, — ответил он. — Нельзя остановить корабль арбалетом. С тем же успехом можно грозить дракону булавкой. Если только...

Конан задумался.

Внезапная мысль пронзила его, и уже не оставалось времени, чтобы оценить — возможно ли воплотить ее в жизнь. Впрочем, киммериец никогда не терял времени на досужие мысли.

Он взял арбалет из рук Корделии, потом вынул из колчана стрелу с красным наконечником.

— Ты теряешь зря время, варвар, — сказал офицер. — Лучше займи свой пост, у мачты. Пираты вот-вот приблизятся — мы должны быть готовы.

— Корсары покрыли волшебным слоем борта, — пробормотал киммериец. — Но не палубу.

— Это ничего не значит, — с досадой восклик-

нул офицер. — Они сразу же сбьют пламя. Лучше не теряй времени!

— Не мешай ему стрелять, — велела Корделия.

Девушка не знала, что именно задумал киммериец. Северянин сам не был уверен в успехе. Но аквилонка понимала — любая, даже самая безумная попытка лучше, чем простое ожидание.

Арбалетный болт просвистел в воздухе. Он вткнулся в верхнюю часть главной мачты. В другое время, офицер подивился бы меткости киммерийца. Но сейчас ему было не до похвал.

— Тупой наемник, — пробормотал помощник капитана. — С таким отрядом мне проще самому перерезать себе горло.

Конан не слушал его. Он перезаряжал оружие.

Алые языки охватили мачту, и перекинулись на широкий парус. Будь это обычный огонь — сильный ветер сбил бы его за пару мгновений. Волшебное пламя держалось дольше, но и оно скоро потухнет.

— Сейчас огонь охватит весь парус, по краям, — бросила Корделия. — Будет полыхать, как адские врата. А затем исчезнет, даже не повредив как следует такелаж.

— Много шума из ничего? — улыбнулся Конан. — Мы это исправим.

Он выпустил второй болт. На сей раз киммериец целился в основание мачты. Волшебный огонь уже успел растечься по белоснежному парусу. Корсары не обращали на него внимания — знали, что пламя не причинит им особого вреда.

Они ошибались.

Раздался взрыв — такой громкий, что его услышали даже Конан с Корделией. Главная мачта начала крениться, словно подрубленное дерево. В первый момент пираты не поняли, что происходит. Потом с криками начали разбегаться в стороны.

Парус хлопнул, словно крылья гигантской летучей мыши. Самый опасный момент — северянин не знал, потухнет ли от падения пламя. Но волшебный огонь не подвел. Алье шупальца коснулись деревянной палубы и охватили ее.

Рокочущая волна прокатилась по пиратскому кораблю. Корсары пытались бороться с пожаром, но напрасно. Они могли с легкостью сбить пламя, зажженное несколькими стрелами. Но победить огненный ливень, обрушившийся с небес, было им не по силам.

Оглушительный грохот пронесся над морем. В первое мгновение Конану показалось, что пираты все же успели дать первый бортовой залп. Но потом он понял — в трюме взорвался порох.

Люди на пиратском корабле метались от борта к борту. Охваченные растерянностью и испугом, они не знали, как спасти судно. Внезапно посреди них появилась новая фигура. Невысокий человек в капитанском мундире. Конан взял его на прицел, но остановился.

Он узнал того самого офицера, что в порту приглашал Корделию подняться на борт. В то же мгновение пиратский корабль развернулся и начал уходить прочь.

— Прекрасный выстрел, — воскликнула девушка. — Теперь сними капитана.

Конан опустил оружие.

Два залпа грянули одновременно. Торговое судно стреляло из обоих орудий. Первое ядро, подняв столб воды, упало в нескольких десятках футов от пиратского корабля. Второе попало в борт мародера. Доски обшивки полетели в разные стороны, чтобы тоже стать пищей жадного огня.

— Почему ты не стреляешь? — спросила Корделия. — Еще не поздно убить их предводителя. Сделай это.

Киммериец покачал головой.

— Умрет он — и его место займет другой. А я хочу накрыть всю шайку. Довольно уже они разбойничали у берегов Аргоса.

— Не понимаю.

— Я узнал его, — бросил Конан. — Мы видели его на той триреме. Теперь корабль другой, но команда наверняка та же. Этот мерзавец привык сходить на берег, словно честный капитан. Значит, в местных портах нашего приятеля хорошо знают. Его будет несложно найти.

— Да? — озадаченно спросила Корделия.

Девушка поднесла к глазам подзорную трубу.

— А я не успела его рассмотреть. Черт, они уже слишком далеко.

Радостный крик поднялся над палубой. Мало кто понял, что произошло на борту пиратского судна. Но все видели — опасность миновала. Аргосские жрецы, выбравшись из каюты, благода-

рили своих богов, уверенные, что это молния, низвергнувшаяся с неба, подожгла вражеский корабль.

— Ты только что спас принца Сапфирового острова, — сказала Корделия, хлопая Конана по плечу. — Молодец.

— Не будь в этом так уверена, — задумчиво отвечал киммериец, возвращая ей оружие.

— Что ты хочешь сказать? — спросила девушка.

Троє копьеносцев-шемитов, которых северянин заметил несколько минут назад, теперь пошли к нему. Перебивая друг друга, они поздравляли Конана с удачным выстрелом, и благодарили за спасение судна. Корделия поняла, что не получит ответа — по крайней мере, сейчас.

Пиратское судно уходило к далекому горизонту. Вместо белоснежного паруса, теперь над ним поднимался столб черного дыма. Офицер транспортника, готовивший команду к отражению атаки, теперь стоял возле своего капитана, украдкой показывая на киммерийца. Аргосские жрецы пели все громче.

Шум, крики, оживленные возгласы людей — все это проходило мимо северянина, существовало в каком-то другом мире. Конан смотрел вслед уходящему кораблю пиратов — и чем дальше был мародер, тем сильнее становились опасения киммерийца. Он твердо решил не делиться ими с Корделией, пока не выяснит все наверняка. Ему предстояло посетить Сапфировый остров.

— Видела, как смотрел на меня королевич? — спросил Конан.

Торговое судно плавно разрезало морские волны. Далеко впереди уже можно было различить очертания маленького клочка суши.

— Он не подошел тебя поблагодарить, — сказала Корделия. — Хотя прекрасно видел, что именно ты поджег пиратский корабль. Наверное, ты был прав. Несмотря на внешность, в душе принц остался напыщенным индюком.

Словно в подтверждение ее слов, на палубу вышел королевич. Стражники следовали за ним, будто с хозяином их соединяла невидимая нить. Юноша важно прошествовал рядом с Конаном, но не удостоил его даже взгляда.

Киммериец улыбнулся.

— Принц молод, — произнес он. — Юноше не терпелось отличиться в первом бою. Не его вина, что он не понимал всей опасности. В молодости все мы не умнее огров...

Аквилонка фыркнула.

«Уж она-то глубоко уверена, что с детства отличалась мудростью, проницательностью — и тысячью других достоинств, которых на самом деле у нее нет», — подумал Конан.

— В острове нет ничего сапфирового, — заметила Корделия, рассматривая берег в подзорную трубу. — Скорее, он зеленый. Из-за растений.

— Может, так его назвали из-за воды? — предположил Конан.

На самом деле, киммерийца мало интересовали подобные темы. Но еще в детстве он усвоил, что настоящий воин должен уметь думать и сражаться одновременно. Это умение позволяло ему теперь поддерживать разговор, почти не вдумываясь в смысл произносимых фраз.

— Тогда почему его не назвали Остров в Сапфировом Море?

— Так слишком длинно и недостаточно красиво... Королевству нужно звучное название — особенно такому маленькому. Кому есть дело, как выглядят его берега на самом деле.

— Мне, — не задумываясь, ответила аквилонка.

— Боюсь, ты одна такая...

Человек, следивший за их разговором — если бы таковой нашелся — никогда не поверил бы, что мысли Конана заняты совершенно другим. Киммериец смотрел на боевые корабли, выстроившиеся у главной пристани.

— Сколько стоит содержание одного такого красавца? — спросил он.

Корделия не заметила, как ее собеседник быстро перескочил с одной темы на другую.

— Двенадцать тысяч талантов в год, — отвечала она. — Если держать его в порту Аргоса.

— А на маленьком островке, который почти не ведет торговли, еще дороже... Видно, правитель обложил свой народ большими налогами. Как считаешь?

— Не знаю.

Девушка повернулась и оперлась о борт спины, положив на него локти.

— Когда я служила у местного короля, флот был не таким большим. В основном, они полагались на ополчение.

— Все меняется, — отвечал Конан, однако перед ним тут же предстал живой пример обратного. Купец Меламед спешил к ним через всю палубу, такой же взволнованный и суетливый, как всегда.

— Вот и вы, мои дорогие друзья, — произнес он. — Как я рад снова увидеть вас.

Фраза была довольно нелепой, поскольку расставались спутники только на ночь. Однако после встречи с пиратами торговец, видать, дрожал всю дорогу и каждый новый день принимал, как подарок богов.

«Наверное, так и нужно относиться к жизни, — подумал Конан. — А вот волноваться и вечно потирать руки вовсе не обязательно».

Корделия не ответила на приветствие, а только посмотрела на Меламеда так, что бедняга чуть было не ушел по макушку в корабельные доски — как гвоздь после сильного удара.

— Вот они, вот ваши деньги, — поспешил сказать купец, протягивая им два небольших кошелька. — Можете пересчитать, хе-хе-хе.

Аквилонка протянула один из мешочеков Конану, но тот лишь покачал головой. Он не собирался брать плату за то, что считал своим долгом — как и сказал вначале. Девушка пожала плечами и спрятала деньги за пояс.

— Вот о чем я хотел поговорить с вами, — продолжал Меламед. — Как я уже сказал, хочу

сойти здесь, на Сапфировом острове. Поторговать с местными купцами.

Он бросил взгляд на Корделию.

— Мне бы пригодился человек, который все здесь знает.

Девушка отмахнулась.

— Не собираюсь оставаться в этой богами забытой дыре. И потом — пиратов можешь не бояться. Смотри, какая армия у правителя.

— Наш друг имеет в виду не это, — пояснил киммериец. — Он хочет знать, кому из местных чиновников надо дать взятки, и сколько, чтобы выгоднее продать свой товар.

Меламед притворился обиженным.

— Я честный торговец, — сказал он, гордо подняв голову.

От этого движения мелко-мелко затряслись все три его подбородка.

— А что, здесь и правда можно кого-нибудь подкупить? — тут же спросил торговец, позабыв о своей честности.

— Такие люди везде есть, — Корделия потянулась.

Тема ее явно не увлекала.

— Но я не была здесь уже довольно долго. Наверняка все люди уже новые.

— Это не так, — поспешил возразил Меламед. — Я говорил с шемитскими телохранителями. Они говорят, за это время сменился только военный советник.

— Вот как? — спросил Конан. — Это интересно...

Если торговец и собирался спросить, чем

именно, то уже не успел это сделать. Корабль медленно входил в гавань. Две батареи пушек, стоявшие на скалах справа и слева, выстрелили, салютуя принцу. Они охраняли небольшой залив так же надежно, как шемитские телохранители — королевича.

Боевые корабли выстроились в два ряда у пристани, и теперь торговое судно шло между ними.

Это была почетная встреча — но у киммерийца возникло, неприятное ощущение, что все орудия направлены прямо на них.

Сама пристань была богато украшена. Огромные цветы, которых не найдешь нигде больше, кроме маленьких островов недалеко от Аргоса. Яркие флаги. Но больше всего здесь собралось оружия — и солдат. В начищенных до блеска доспехах, обнажив клинки, встречали они своего будущего короля.

— Армии маленьких государств всегда похожи на игрушечные, — заметил Конан. — Посмотри — у каждого из полков свой цвет, знаки отличия, даже перья на шлемах у офицеров.

— Раз они не могут похвастаться количеством — что им еще остается? — сказала девушка.

Купец Меламед тоже переводил взгляд с одного солдата на другого, прикидывая про себя, что за ткани и каких цветов требуются для местной армии.

Большой оркестр играл военный марш в правой части пристани.

— Даже музыку здесь играют солдаты, — бро-

сил Конан. — Можно подумать, остров находится в состоянии войны.

— Наверное, все дело в новом советнике, — предположила Корделия. — Прежний был хорошим бойцом. Честный служака, до гроба верный королю. Он не стал бы тратить столько денег на украшения и лишние корабли.

При одном упоминании о том, что местные министры с готовностью расстаются со своим золотом, купец Меламед едва не лопнул от нетерпения.

Торговое судно почти приблизилось к берегу. Принц стоял у борта, и на лице его Конан поймал легкую тень растерянности. Молодой человек волновался при мысли, что снова окажется дома — после стольких лет.

А торжественная встреча, подумалось Конану, вовсе не успокоила юношу. Скорее, наоборот — напомнила об ответственности, какую придется отныне нести принцу.

Оркестр заиграл громче. Полки расступились, и вперед выехал седой человек на великолепном коне. У киммерийца мелькнула мысль, что король острова выглядит совсем не так внушительно, как хотел бы. И молодой, норовистый конь — купленный за большие деньги у заводчиков Турана — только подчеркивал старость царя, безвольные черты лица и неуверенный взгляд.

Видели это все, и даже купец Меламед побормотал нечто вроде: «Как бы не упал с жеребца, старый хрыч». Однако ни у кого из королевского окружения не нашлось смелости сказать королю

правду. И Конан подумал — юному принцу вряд ли будет хорошо житься в окружении подобных людей.

Правитель остановился и поднял руку. Оркестр смолк. Отряды, окружавшие пристань, сделали несколько шагов назад — четко и слаженно. Теперь за их спинами можно было увидеть жителей острова. Одетые в праздничные костюмы, украденные цветочными венками, люди радовались и приветственно махали руками.

Корделия усмехнулась.

— А ты говорил, что простой народ недолюбливает своих владык, — сказала она.

— Местный правитель создал себе имя, сражаясь с пиратами, — отвечал киммериец.

Для принца опустили трап, оркестр заиграл с новой силой.

— Надеюсь, ты никого не убила на этом острове, — бросил Конан. — И тебя не разыскивают здешние стражники.

Корделия фыркнула.

— Самое скучное из королевств, где я побывала. В основном, тут живут крестьяне. Богатая почва, хороший климат — у них есть все, что нужно для спокойной и донельзя пресной жизни. Я сбежала отсюда, как только смогла.

— Похоже, военный советник сделал то же самое...

Король смотрел на своего сына сверху вниз. Солдат подвел второго коня. Принц замешкался — было видно, что он не решается сесть верхом. Но двое телохранителей не дали ему даже

подумать. Один взял скакуна под уздцы, другой подсадил хозяина — и принц оказался в седле, почти помимо своей воли.

Правитель вновь поднял руку, приветствуя людей. Затем развернул коня, и направился в сторону города. Принц следовал за ним.

— Какая трогательная сцена, — заметил Конан. — Воссоединение отца с сыном. Я чуть не расплакался.

— Даже руки не подал принцу, — сказала Корделия. — Не говоря уже о том, чтобы обняться. Думаешь, эта строгость напускная?

— Скоро мы об этом узнаем, — бросил киммериец. — Держу пари на два кошелька с золотом, которые дал тебе наш друг-купец, что король пригласит нас погостить у него.

Аквилонка дотронулась до его лба.

— На солнышке перегрелся? Ты, конечно, спас его сына. Может, тебе за это даже медаль дадут. Но пригласить во дворец — прости, такое тебе не светит.

— Посмотрим, — улыбнулся Конан.

Торжественная церемония кончилась; почти все отряды уже покинули пристань. Киммериец догадывался, что парад пройдет по центральной улице города, до самого королевского дворца.

Теперь могли сойти и простые люди. Путешественники спешили ступить на твердую землю. Почти никто не собирался оставаться на острове — но корабль должен был простоять в порту около суток, и это время люди хотели провести на суще. Им казалось, что так безопаснее — одна-

ко Конан знал, что если царит мир, но кругом солдаты, смерть так же близка, как и на поле боя.

Капитан проталкивался сквозь толпу, собравшуюся у трапа. Увидев Конана, он приветливо помахал ладонью. Потом понял, что точно такой же жест делал и король, смущаясь, и даже спрятал руку за спину — словно ее могли тут же отрубить за неуважение к правителью.

— Вот вы где! — воскликнул офицер.

— Странно было бы, окажись мы где-нибудь еще, — любезно отвечал Конан.

Капитан словно споткнулся, не ожидав такого ответа от варвара. Затем продолжал, так же волнистым:

— Его Величество приглашает вас троих погостить в его дворце. Вы можете жить там, пока наш корабль стоит в порту — а если захотите, то и гораздо дольше.

Офицер замешкался. Судя по всему, такое радушие короля казалось ему странным. Поэтому он не знал, чем закончить речь. Самого капитана явно никуда не приглашали. Наверное, единственное, что вертится у него на языке — «радуйся, варвар неотесанный, понаехали вас, иностранцев чертовых», — с усмешкой подумал Конан.

— Король пригласил меня? — переспросил Меламед. — Великие боги! А впрочем, ничего удивительного. Слава обо мне идет по всему побережью. Наверняка правитель хочет скупить все мои товары.

Брызжа от счастья, как фонтан на храмовой

площади, купец подхватил под руку капитана, и увлек его за собой.

— Я хочу, чтобы мои товары были готовы к разгрузке, — говорил он. — По первому моему слову. Но не надо разводить суеты.

Торговец бросил подозрительный взгляд через плечо.

— Не нужно, чтобы местные чиновники подумали, будто я так спешу заключить сделку. Нет, господа! У меня много выгодных предложений. Я могу выбирать.

— Толстячок на седьмом небе от счастья, — буркнула Корделия.

Сама она явно не веселилась.

— Да и ты сегодня разбогател.

Девушка вынула оба кошелька с золотом.

— Как ты узнал, что король нас пригласит? Это же просто нелепо.

— Вот именно, — кивнул Конан. — Поэтому у правителя и не было другого выбора. Оставь деньги себе. Для меня достаточно знать, что я оказался прав.

7

Конан лежал под высоким балдахином, и пениеочных цикад доносилось из большого окна. На стенах висели гобелены с изображением кораблей, драконов и морских чудовищ. Меж ними, в дорогих рамках, красовались изданные королем законы, произнесенные им речи — в точности скопированные придворными писцами с ориги-

налов. Широкий ковер устипал пол, мягкий, словно полевые цветы.

Киммериец не привык к таким роскошным покоям. В юности он даже не знал, как можно уснуть на подобной кровати — и наверняка устроился бы на полу.

Но время научило северянина приспособливаться к любым условиям, и теперь он наслаждался роскошной обстановкой с такой же легкостью, с какой мог обходиться и без нее.

Король прислал за своими гостями три паланкина, и слуги несли их до самого входа во дворец. Впрочем, киммериец отказался от такой чести, и предпочел идти пешком. Но Корделия не могла упустить случая покрасоваться, а купец Меламед, скорее всего, и не осмелил бы столь длинной дороги.

Каждому из них отвели богатые покои и привнесли красиво сервированный ужин. Сам правитель пока что не принял их, а все настойчивые — если не сказать назойливые — намеки Меламеда так и остались незамеченными. Впрочем, ничего удивительного в этом не было — король хотел провести вечер с сыном.

Мысли Конана текли спокойно и неторопливо, он почти погрузился в сон, как вдруг дверь резко отворилась, и на пороге появилась Корделия.

— Святые небеса, — пробормотала девушка. — Кто бы мне сказал, что я ночью, тайком, прокрались к тебе в спальню — оторвала бы башку. Но мне приходится спасаться бегством.

— Наш купец? — сочутственно спросил Конан, приподнимаясь на локте.

— Угадал...

Корделия опустилась в кресло и тяжело выдохнула.

— Думала, он меня задушит. Притащился ночью — вот как я к тебе. Решила сперва, что толстячок вздумал за мной приударить. Как же! Принялся расспрашивать о короле — его привычках, обычаях на острове, министрах... Можно я переночую здесь? Уверена, Меламед будет до утра ждать, пока я вернусь.

— Уступлю тебе постель, — сказал Конан.

Нет, все-таки придется сегодня спать на полу.

— Ну что ты, не надо, — отвечала Корделия, быстро забираясь под одеяло. — А тебе точно будет удобно?

— Конечно, — отвечал киммериец. — Я привык.

Девушка не заметила сарказма в его словах — а может, просто не думала, что варвар способен на такой ответ. Северянин вынул из ножен меч и положил его рядом с собой. Аквилонка нахмурилась.

— Дворец охраняют лучше королевские отряды, — сказала она. — Чего ты боишься?

— Это не страх, — отвечал Конан. — А предусмотрительность. Нигде не бывает так темно, как под светильником.

— А при чем тут... — начала девушка, но внезапно оглушительный крик нарушил тишину покоя.

Через мгновение Конан был уже на ногах. Он выскочил в коридор, ожидая увидеть там хотя бы одного из дворцовых стражников. Но просторное помещение было пусто. Вопль раздавался из покоев, отведенных Корделии, и северянин бросился туда.

Он распахнул дверь, и увидел перед собой двух огров. Купец Меламед, съежившись, сжался на полу. Он и правда собирался дождаться девушку — но нашел себе совсем другую компанию.

— Отвечай, где она, — прорычал огр, и хватил кулаком по деревянному столику.

Тот разлетелся на мелкие кусочки.

— Я же говорю, вышла совсем ненадолго, — простонал торговец. — Обещала вернуться. Зачем мне вас обманывать.

— А вот и кричать тоже было незачем, — оскалился огр. — Не бойся, человек. Мы тебе верим. Подождем здесь твою зазнобу. Но сначала кишки тебе выпустим.

Купец рассудил, что, по всей видимости, это будет не очень выгодная для него сделка. Поэтому стал ввинчиваться в пол, словно и правда надеялся прорыть туннель и спастись через него. Конан часто замечал, что в минуту опасности люди ведут себя не совсем разумно, но никогда не переставал этому удивляться.

— Может, я вам помогу? — негромко осведомился он.

Первый огр обернулся и подозрительно посмотрел на киммерийца.

— Ты нам не нужен, человек, — рыкнул он. — Мы ищем девушку. Ага!

Брызги слюны вылетели из его рта. Он шагнул к выходу. Корделия остановилась рядом с Конаном, ее грудь высоко вздымалась.

— Здесь полная комната твоих поклонников, — заметил киммериец. — С кого из них ты начнешь?

— Помогите! — заверещал Меламед.

Он ринулся вперед, к спасительной двери. Купец боялся подняться на ноги, поэтому семенил на четвереньках. Впрочем, это не спасло бедолагу. Второй огр взмахнул лапой и ухватил торговца за шиворот.

— Пусть девушка подойдет к нам, — приказал он. — Тогда я отпущу вашего приятеля.

— Зачем? — удивился Конан. — Я его даже не знаю.

Глаза купца расширились так, что на его лице почти не осталось места для носа.

— Как это не знаешь, ишак проклятый, — закричал он. — Не я ли заплатил тебе толстеный кошелек золотых монет?

Назвать так маленький мешочек — который Конан, к тому же, не принял — мог только купец, привыкший смотреть на мир сквозь подзорную трубу жадности.

Огры недоуменно переглянулись. По всей видимости, им было хорошо известно, что трое путешественников прибыли во дворец вместе. Тогда зачем варвар лжет?

Этого минутного замешательства хватило Ко-

нану, чтобы оказаться между наемниками. Он ухватил обоих монстров за головы и резко стукнул одну об другую. Удивленное выражение так и осталось на мохнатых мордах, когда громилы попадали на пол.

— Ученые мужи называют это «столкновением мнений», — заметил Конан. — Вставай, купец. Не стоит протирать пол бархатным плащом — здесь достаточно слуг для уборки.

Торговец поднялся на ноги — при этом так сильно оперся на руку киммерийца, что наверняка бы сломал, окажись та менее крепкой.

Первый огр попытался подняться, но Корделия резко вогнала меч ему в шею. Кровь забурлила во рту монстра, длинные когти вонзились в мягкий ковер.

Его товарищ дернулся, клыкастый рот распахнулся...

Девушка пнула чудовище ногой в морду. Удар сапожка пришелся на нижнюю челюсть, и та отломалась с громким треском. Тело огра пронзила судорога.

Корделия нанесла еще один удар. Наемник забился, как пойманная бабочка, потом затих.

Корделия сорвала со стены богато расписанный гобелен, и принялась вытираять об него свой меч.

Конан отвернулся. Он никогда не был лежачих — но понимал, что у девушки не было другого выбора. Огры всегда доводят до конца порученное им дело, и есть только один способ остановить их — сталью.

— Ладно, — произнес Конан, оглядывая зали-
тые кровью покой. — Все это начинает надоедать.

Не обращая внимания на Меламеда, который дрожал от страха и все не хотел отпустить руку киммерийца, северянин подошел к небольшому столику с письменными принадлежностями, поставленному у окна.

— Мне хотелось сперва во всем разобраться, — заметил Конан, пододвигая к себе лист пергамен-
та. — Но наши друзья слишком торопятся. Поэтому приходится действовать наугад. Заранее прошу прощения, если сделаю что-то не так и нас за это казнят...

Он опустил стальное перо в чернильницу, и начал быстро что-то писать. Конан обращался с этим крохотным предметом так же ловко, как и с двуручным мечом. Многие варвары не умели даже читать и писать; но киммериец не стал бы лучшим вором Шадизара, не овладей он искусством клинописи и иероглифов.

Закончив письмо, киммериец просмотрел его и кивнул, видимо, оставшись доволен. Затем рас-
топил немного красного воска, лежавшего тут же, в особом футляре, и запечатал послание.

— Теперь нам нужен гонец, — пробормотал киммериец. — Корделия, найди кого-нибудь из дворцовой стражи.

— Уверена, всех отослали подальше, — сказала девушка, отбрасывая испорченный гобелен. — Иначе бы их разбудили крики толстяка.

— Если бы гвардейцы прибежали сюда сами, я не просил бы тебя их найти... И принеси что-ни-

будь выпить нашему другу-купцу. Хорошая бутылка вина ему сейчас не помешает.

Торговец тяжело опустился на подушки и сжал руки на груди — то ли молился, то ли хотел убедиться в том, что его сердце по-прежнему бьется. Корделия фыркнула и вышла. Конан стоял у окна, глядя в сад.

Вскоре девушка вернулась, буквально таща за собой юного лейтенанта.

— Я вообще не должен быть здесь, госпожа Корделия, — бормотал тот. — Мне поручили ох-
ранять подвал, что под нами.

— В котором нет ничего, кроме старого хла-
ма, — отрезала девушка. — Кто спас твоего брата, когда ему собирались отрубить правую руку?

— Вы, госпожа. Я не припомню случая, чтобы кто-нибудь еще осмелился возражать нашему ко-
ролю...

— Тогда иди за мной.

Увидев тела огров, распростершиеся на полу в лужах крови, гвардеец замер.

— Что здесь произошло? — спросил он.

— То, чего твои люди не должны были даже заметить, — отвечал Конан. — Кто командует лейб-гвардией?

— Капитан Феррион.

Киммериец задумался. Настал час проверить — не ошибся ли он, полагая, что везде сможет найти друзей.

— Не он ли возглавлял Тиаранскую крепость, во время бунта гаргулий?

— Да, господин.

— Отлично.

Конан не знал командира, но был хорошо знаком с несколькими бойцами, служившими под его началом. Значит, удастся найти общий язык.

Северянин вновь обернулся к Корделии.

— Я видел главный порт. Есть поблизости место, где может незаметно пристать корабль — недалеко от столицы?

По лицу лейтенанта стало ясно, он знает такую гавань. Но гвардеец не посмел подать голос, раз спрашивали не его.

— Конечно, — сказала Корделия. — В часе езды от города. В мое время ею почти не пользовались.

— А сейчас? — спросил Конан.

— Тоже, — отвечал лейтенант.

— Скачи туда, — сказал киммериец. — Как можно быстрее. Увидишь там корабль и постовых. Скажешь, что от короля — но будь начеку. Отдай им пакет, и сразу же возвращайся.

— От нашего повелителя?

В голосе гвардейца прозвучала неуверенность. Он очень уважал Корделию, как своего прежнего командира — но в первую очередь хранил верность королю.

— Ты узнаешь этот знак? — спросил киммериец.

Лейтенант поднес письмо к свету, и облегченно вздохнул.

— Герб Его Величества. Личная печать. Я отправляюсь немедленно.

— Будь осторожен, — предупредил Конан. —

Эти люди очень опасны. Но письмо послужит тебе пропуском.

Гвардеец отдал честь Корделии — словно та по-прежнему оставалась его офицером — и выбежал прочь.

— Ты уверена, что он справится? — спросил Конан. — Я посылаю его прямо в стаю акул.

— Он был лучшим из новобранцев, которыми я командовала. Прошло несколько лет. — а он уже лейтенант и охраняет дворец. Это о многом говорит.

— Да, — согласился Конан. — Феррион умеет разбираться в людях. По крайней мере, так о нем говорят. Мне надо перемолвиться с ним парой слов — где его найти?

Купец Меламед даже не прислушивался к разговору. Казалось, он вообще не замечает никого вокруг. Корделия откупорила бутылку вина, что принесла с собой, и протянула торговцу. Тот припал к горлышку.

Конан помог своему новому товарищу встать и повел за собой. Он не собирался оставлять Меламеда здесь, где повсюду могли прятаться огры.

— Остается надеяться, что Феррион на самом деле таков, как мне о нем рассказывали, — пробормотал Конан.

— А если нет? — спросила девушка.

— Что же — тогда нас всех убьют.

— Где ты раздобыл королевскую печать? — шепотом спросила Корделия.

— Ночью, на корабле, я заглянул в гости к принцу. Все уже спали, поэтому мне оставалось просто сделать слепок. Был шанс, что у королевича одна печать, а у отца — другая. Но капитан судна заверил меня в обратном.

Феррион вышел им навстречу. Ратник был уже одет в полный доспех, ладонь лежала на рукояти меча.

— Я доложил Его Величеству о том, что произошло. Король примет вас через несколько минут.

Начальник дворцовой стражи испытующе посмотрел на Конана.

— Мы никогда не встречались, но мои люди не раз хорошо о тебе отзывались. Помни — только поэтому я поверил твоему рассказу и согласился разбудить правителя.

— А король не придет в ярость оттого, что мы нарушили его сон? — спросила Корделия.

Феррион с достоинством отвечал:

— Наш владыка поклялся своей жизнью, что покончит с пиратами, которые нападают на остров. Он нанял меня, чтобы я возглавил его флот и обеспечил охрану дворца. Если у вас есть новости о корсарах — правитель захочет услышать их немедленно.

Он словно не закончил фразы. Но Конан прекрасно понимал, что хотел сказать ратник.

«А если я ошибаюсь, нам всем отрубят головы», — пронеслась мысль.

Широкие двери распахнулись. Четверо гвардейцев стояли по обе стороны от входа. Король, тоже одетый в боевой доспех, стоял в центре тронного зала, сложив руки на груди.

Ночная тьма, лишь чуть-чуть разбавленная светом масляных ламп, скрывала старческие черты. Теперь перед киммерийцем стоял гордый и властный король. Принц стоял в отдалении, немного смущенный и растерянный. Он не понимал, что происходит.

— Ты разбудил меня, Феррион, и сказал, будто наш гость знает что-то о корсарах? — грозно спросил правитель.

— Да, — отвечал Конан, не дав ратнику произнести ни слова. — Мне известно, кто главарь, и где их можно найти.

Король кивнул. Он подошел к высокому трону и опустился на него. «Нам явно не предложат присесть», — подумал Конан, и продолжал:

— Угодно ли Вашему Величеству выслушать все сейчас?

Корделия недоуменно посмотрела на киммерийца. Еще никогда северянин не проявлял такой почтительности к владыкам — ни земным, ни небесным.

Но Конан вел свою игру.

Побеждает не тот, кто сильнее, знал он. Будь так, киммериец давным-давно бы погиб. Победа достается тому, кто сражается за правое дело, и умеет обратить мощь врага против него самого.

— Я простой варвар, и мысли у меня нехитрые, — сказал Конан.

Ему даже не приходилось притворяться глуповатым. Он видел — король считает тушицей и самого мудрого из философов.

— Вы наверняка помните Корделию, которая служила у вас.

Правитель кивнул.

— И вот я подумал — как интересно. Она долго жила в этих краях. Знает вас, ваших министров, купца Меламеда. Значит, вполне возможно, встречалась и с главарем пиратов — только сама об этом не знает.

Конан заметил неподалеку кресло и без приглашения опустился на него. Это была проверка. Если король возмутится и прикажет наглому варвару встать — значит, догадки киммерийца построены на песке. Но правитель смолчал, даже не заметив дерзости гостя.

— Когда в море мы встретились с пиратским кораблем, все встало на свои места. Я узнал капитана — видел его в порту, под личиной честного моряка. Корделия тоже смотрела на него — но вот какое дело, солнце было ей прямо в глаза, и она не смогла разглядеть лицо пирата.

Конан простодушно развел руками.

— Все тайны объяснились довольно просто. Девушка не узнала своего собеседника, но тот ее вспомнил. Испугался разоблачения и нанял трех огров-убийц. Потом повторил свою попытку здесь.

— Кто же он? — в нетерпении воскликнул король.

Корделия нахмурилась. С какой это стати правитель стало интересно, что за негодяй верховодит пиратами? Для правителя все преступники на одно лицо. Тогда откуда такое любопытство?

— Ваш прежний советник, — ответил Конан.

— Не может быть... — Король приподнялся с трона. — Прости, варвар, мне сложно в это поверить.

Киммериец кивнул.

— Я догадывался, что так и произойдет. Поэтому и пригласил главаря корсаров сюда... А вот, кажется, и он.

По коридору раздались торопливые шаги. Невысокий человек вошел в тронную залу, сжимая в руках письмо. Лишь в последний момент он увидел гвардейцев, Ферриона и других посторонних. Незнакомец замер, его пальцы сжались, сминая пергамент.

— Это и правда он! — воскликнула Корделия. — Как я могла не узнать тебя в порту, гнусная скотина.

— Просто ты думала только о комплиментах, — пробормотал Конан.

Начальник дворцовой стражи обнажил меч. Гвардейцы обступили пирата. Лицо его побелело, глаза растерянно бегали из стороны в сторону.

— Предатель! — загремел король. — Как ты мог пасть столь низко? Напасть на меня, твоего повелителя? Убивать людей, которых когда-то защищал?

Зубы морского волка крепко сжались. Он не произнес ни слова.

— Хорошая попытка, — согласился Конан. Он встал и подошел к Ферриону.

— Вы ошибаетесь. Наш гость никого не предавал. Корделия говорила, что прежний советник был верен правителю до гроба — так оно и есть. И доказательством тому — пергамент в его руках.

— Нет! — закричал пират.

Теперь настал черед короля застыть в нерешительности. Феррион вырвал из рук корсара пергамент, и застыл, увидев гербовую печать.

— Я сам написал это письмо, — пояснил киммериец. — Подделать почерк короля оказалось несложно. Здесь повсюду висят копии его речей и законов. Мне захотелось, чтобы сообщники встретились лицом к лицу — в последний раз.

— Сообщники? — переспросил Феррион.

— Глупый варвар! — закричал король. — Ты сам не ведаешь, что говоришь. Немедленно уведите его в темницу.

Но начальник дворцовой стражи не шелохнулся. Он внимательно читал подложное письмо.

— Ты пришел сюда по приказу правителя? — воскликнул ратник, хватая пирата за отвороты камзола. — Что это значит?

— Всему виной трехголовый идол, — сказал Конан, вновь удобно устраиваясь в кресле.

Он не собирался торчать на ногах дольше, чем было необходимо.

— Когда жрецы перевезли священного грифона в Эрук, это стало концом для Сапфирового острова. Торговые пути изменились, и купцы больше не приплывали сюда.

— Пусть он замолчит! — властно приказал король. — Феррион. Арестуйте этого варвара и пирата.

— Не спешите, ваше величество, — спокойно отвечал ратник. — Вы наняли меня покончить с корсарами — и я этим занимаюсь. Продолжай, Конан.

Северянин подумал, что не зря его товарищи так хорошо отзывались о Феррионе. Он был готов выполнять свой долг, даже несмотря на гнев правителя.

— Если нет купеческих кораблей — то нет и пиратов, — продолжал Конан. — Никто больше не нападал на берега острова. Богатый край, созданный для земледелия. Раньше крестьяне охотно платили налоги, шли в ополчение — они знали, что только так избавятся от морских разбойников. Но корсаров больше нет — а значит, и король им больше не нужен.

— Что ты такое говоришь? — воскликнул правитель. — Я владыка по праву.

— Если люди не подчиняются тебе — ты никто. А власть твоя держалась лишь на одном. На борьбе с пиратами. И когда корсары ушли, тебе пришлось придумать их.

Король отшатнулся. Вдруг раздался новый голос — того, кто молчал все это время.

— Варвар говорит правду, отец? — спросил принц.

Правитель обернулся.

— Нет, — прошептал он. — Ты не понимаешь. Эти люди не могут жить без короля. Как такое

возможно? Каждый в своей деревне, без законов и порядка...

— Лучше сказать — без грабительских налогов и набора в твою игрушечную армию, — отвечал Конан. — Там, где процветает земледелие, не нужен король. Людям достаточно маленьких городов-государств, где они сами решают свои дела — без правителей. Но ты ведь не мог этого допустить, верно?

— Ты приказал нападать на свой собственный остров? — воскликнул принц.

Король выпрямился. Его глаза блеснули.

— Это политика, — прогремел он. — Ты слишком мал, чтобы понять. Наша с тобой власть держится на войне — войне с внешним врагом. Если его нет, мы должны его выдумать. Ты заметил, как любит меня народ? Как мною восхищаются? Они видят во мне защитника.

— Победителя в войне, которая никогда не закончится, — подтвердил Конан. — Кровь невинных людей будет проливаться снова и снова — чтобы сохранить твой трон.

Феррион обернулся к королю — и холодный меч уперся ему в грудь.

— Ты предал меня, — прошептал правитель. — Но мои солдаты верны мне, а не тебе. Ты всего лишь наемник, чужеземец, которого я нанял, когда мой верный советник понадобился мне в другом месте. Сгниешь в камере вместе с остальными — если я не прикажу казнить вас всех раньше.

Лицо начальника стражи посувровело. Резким

движением он отбил клинок, и всадил свой меч в живот короля.

— Я поклялся, что покончу с пиратами, — произнес он. — И я это сделал.

Солдаты не шелохнулись. Возможно, верность командиру взяла верх над королевской присягой. Или война с пиратами настолько ожесточила их, что они были рады даже такой победе. А может, гвардейцы просто не хотели умирать ради того, кто уже спустился на Серые равнины.

Принц пошатнулся, словно смертельный удар нанесли ему, а не отцу. Он сделал шаг вперед, и склонился над мертвым телом.

«Возвращение домой, — с горечью подумал Конан. — Люди говорят, что нет ничего прекраснее...»

* * *

Сапфировый остров медленно таял в туманной дали. Конан снова стоял у борта торгового корабля и смотрел в никуда.

— Думаешь, он станет хорошим королем? — спросила Корделия.

— Нет, — отвечал Конан.

Девушка помолчала.

— Почему король пригласил нас погостить во дворец? — спросила она.

— В городе слишком много солдат. Особенно, после торжественной встречи принца и после парада. Огры сразу привлекают к себе внимание, а король боялся возбудить подозрения Ферриона и

принца. Только во дворце он мог отдавать личные приказы гвардейцам — так, чтобы это не показалось никому странным.

— Но почему корсары напали на нас? Все видели — пираты устремились вперед, когда на мачте поднялся флаг Сапфирового острова.

— Вот именно. Так всем показалось. Но на самом деле, корабль — не лошадь, которую можно пустить с места в карьер. Корсарам потребовалось некоторое время, чтобы развернуть паруса. Значит — они атаковали нас еще до того, как поняли, кто на борту. Вот почему медлили вначале, вели себя так странно. И отступили слишком быстро, не попытавшись даже сделать одного залпа. Их капитан увидел знамя, когда было слишком поздно.

Свежий ветер ударили им в лицо.

— Он рассказал бы сыну всю правду?

— Думаю, не сразу. Сначала подготовил бы его к такой мысли. Принца несложно убедить в чем угодно. Поэтому они и хотели тебя убить. Капитан корсаров не понял, что ты его не узнала. Но он не сомневался в другом. Тебе известно, насколько он предан королю. А еще ты любишь лезть в дела, которые тебя не касаются. Их тайна могла раскрыться — как раз в тот момент, когда принц возвращался домой. Этого нельзя было допустить. Король был опытным политиком. Чувствовал — его план вызовет возмущение у сына, если юноша узнает обо всем от других. Но стоит сказать пару слов там, подсластить здесь — и любая подлость покажется проявлением доблести.

Корделия усмехнулась.

— И все-таки ты не любишь правителей. А что бы сам стал делать на их месте?

— Не думаю, что мне это грозит, — рассмеялся Конан. — Я — и вдруг король. Такую странную выдумку даже Меламеду не сочинить.

Голубое море расстипалось вокруг, играя в луках восходящего солнца.

Страх

Рзнаешь ли ты, друг мой Ариан, что такое настоящий страх? — спросил колдун Эскиламп, испуганно озирающегося по сторонам, чернокожего мальчика.

Они сидели у костра, глухой ночью, посреди необъятной степи, а над ними широко раскинулось черное небо, усыпанное мерцающими звездами. Поодаль, завернувшись в одеяло, мирно похрапывал Конан, по многолетней привычке положив меч под правую руку. Рядом сопел во сне гном Хепат. Что-то бормотал, иногда тяжко вздыхал и постанывал. Видно одолевали его нелегкие сны.

Четверо товарищей — таких непохожих друг на друга и потому сдружившихся — возвращались из страны Куш, где им выпала трудная миссия по уничтожению опасного талисмана. С успехом справившись с заданием и всласть попивав

во дворце красавицы-вдовы Итили, друзья неспешно продвигались в направлении Заморы, где, в славном городе Шадизаре, Конан с Хепатом собирались продолжать пиршество до тех пор, пока не кончатся деньги. А так как денег благодарная Итилия насыпала друзьям полные сумки, впереди их ожидали очень веселые дни и ночи. Хепат, правда, собирался еще купить дом и жить в довольстве и покое, но Конан знал, что эти блажие порывы рассеются, едва гном доберется до кружки с хорошим вином.

Чернокожий мальчик Ариан — уроженец страны Куш — собирался стать учеником волшебника Эскилампа. И поэтому тренировал способность преодолевать страх. А страхов колдун нагонял на будущего ученика великое множество. Каждую ночь, дождавшись, когда уснут бесстрашные Конан с Хепатом, Эскиламп начинал рассказывать невероятные, повергающие в ужас истории из жизни — своей, покойного наставника и разных знакомых, которых у колдуна было так много, что, казалось, он знал по именам всех жителей цивилизованных стран.

— Так знаешь ли ты, что такое настоящий страх? — повторил колдун испуганному мальчику, — ужас, который заставляет тебя цепенеть, чувствуя, как волосы, сами по себе, шевелятся на голове? Как стекают за воротник струйки холодного пота? Как желудок превращается в глыбу льда? Приходилось ли тебе, подыгвая от леденящего ужаса, чувствовать приближение существа, настолько чужого, с такой темной душой, что все

попытки понять его действия, заранее обречены на провал?

Мальчик, сжавшись в маленький, тугой комок, даже не пытался что-то ответить. Лишь испуганно сверкал белками, бросая по сторонам взгляды, полные ужаса.

— Когда я был молод, — продолжал Эскиламп, — и только-только поступил в ученики к великому магу Актиону, мне пришлось пережить подобный ужас. Учитель заставил меня провести ночь в пещере мертвцевов. По его словам, это было необходимо для проверки мужества. Но не мертвцы испугали меня чуть не до смерти... Нет, там было нечто...

— Расскажи по порядку, — прошептал Ариан, — с самого начала...

Колдун бросил взгляд на спящих товарищей, поворошил дрова в костре — не волшебном, самом обычном, с сухим хворостом и толстыми поленьями.

Растрёвоженный огонь сердито вскинулся, выбросил сноп искр, но быстро успокоился, со всех сторон теснимый чернотой летней ночи.

— Мой учитель Актион, — начал рассказ Эскиламп, — в ту пору копил духовную мощь и поэтому жил один в горах. Оиночество и созерцание — необходимые условия развития личности. Вокруг, на несколько дней пути — ни одного селения. Я долго искал пещеру великого отшельника, а когда, наконец, нашел, был поражен силой и мудростью человека, жившего в ней. Это потом Актион стал склоняться к злу... А в то вре-

мя... Словом, был он мудрейшим и благороднейшим из смертных. Уступая мольбам, он согласился взять меня в ученики. Смутило непременное условие — проверка храбрости — ночь в «Пещере мертвцевов».

Скверная молва ходила про эту пещеру. Обширная, имеющая множество разветвлений, несколько уровней по высоте, она была идеальной ловушкой для неопытных старателей. Множество людей сгинули в ее лабиринтах. И, по легендам, в одном из гротов пещеры были непонятной силой собраны мертвцы — мумии.

Неизвестно, как, отчего умерли эти люди, но природа, или что-то другое, сохранила их нетленными, и неусыпно стерегли они покой хозяина — главного обитателя подземного лабиринта.

Актион рассказал, как добраться до места и попросил, в качестве доказательства, принести один из красных камешков, во множестве рассыпанных в пещере. Подозревая, что эти самые камешки он рассыпал специально и только в той пещере, где покоятся трупы, я молча кивнул и отправился в путь.

Всю дорогу я не мог выбросить из головы слова учителя о том, что это ужасное испытание многим оказалось не по плечу. Вообще, исподволь расспрашивая Актиона, я выяснил печальную судьбу его учеников. Несколько человек тронулись рассудком именно во время этого, первого испытания. Других съели чудовища, охраняющие спуск в нижние пределы. Это являлось последним, самым трудным испытанием

учеников великого волшебника. Еще несколько человек сами отказались от такой чести — спускаться в преисподнюю, ежесекундно рискуя жизнью. Из них вышли колдуны-недоучки, позорящие профессию.

Забегая вперед, скажу, что я, кажется, единственный, кто остался в живых и не сошел с ума после всех испытаний.

И теперь имею право носить кинжал учителя — талисман огромной силы, позволяющий изменять судьбы мира.

Вход в пещеру был небольшим и почти скрытым зарослями жесткого кустарника. Оставив на колючках часть одежды, я пробрался к узкой расщелине, на миг задержался, вздохнул и на четвереньках полез под землю. Через несколько метров лаз расширился, и я смог выпрямиться во весь рост. А через сотню метров своды пещеры почти потерялись в темноте, а стены раздвинулись, образуя довольно широкий тоннель. Стали появляться боковые ответвления, тоннели, низкие, круглые ходы, наподобие нор.

К счастью, учитель подробно рассказал, как выйти к нужному месту, и я двигался довольно быстро и не сбиваясь. Факел мне уже тогда не требовался, ибо первое, что сделал Акцион — это научил меня заклинанию, заставляющему светиться воздух вокруг тела колдуна. И я двигался, окруженный ореолом света и преисполненный решительности довести дело до конца, чего бы это мне ни стоило.

Пещера была фантастически красива. Я всегда

умел видеть прекрасное, будь то скульптура, картина, или природное явление. И, шагая по залам «Пещеры мертвцевов», я не уставал любоваться радугой цветных сталактитов, свисающих со сводов, будто оригинальные люстры, которые за jakiут хозяин замка, как только начнется бал.

Вспомнив, таким образом, о хозяине, я слегка сбился с шага, затем остановился и присел на камень. Не хозяин, а хозяева... Любуюсь красотами, я совсем забыл, куда и зачем я иду. Вспомни, вспомни название этой пещеры, будто кто-то на шептал мне на ухо. Ты идешь к мертвцам, идешь потревожить их покой, а они этого не любят... И гrot, где обитают страшные хозяева пещеры, уже близок! Они знают о твоем приближении! Они готовятся встретить тебя!

Помотав головой, я попытался избавиться от странных, ненужных мыслей. Разыгралось воображение? Или кто-то сумел внедриться в мой мозг? Может, это учитель нагоняет страху, чтобы испытание не выглядело утренней прогулкой? Или кто-то другой? Но кто? Мертвцы, даже если они каким-то образом не совсем мертвцы, вряд ли могут забираться кому-то в мозги...

Так я впервые соприкоснулся с настоящим хозяином пещеры... Точнее, это он слегка прикоснулся к моему сознанию...

Сделав несколько дыхательных упражнений — а воздух в пещере был на удивление свеж — я решительным шагом двинулся дальше. Продолжая на ходу проделывать специальные упражнения, я почувствовал прилив сил и храбрости. До нужног

го грота оставалось совсем немного. Ну и что мне трупы? — думал я, ритмично дыша. Ну, мертвецы... Как они, кстати, оказались все в одной пещере? Пришли, еще будучи живыми или?..

Сейчас я, конечно, вижу, что совершил ошибку, начав размышлять о мертвецах... Следовало лучше контролировать свои мысли — думать о чем-то отвлеченном, не позволяя ненужным, в данный момент словам, всплыть в памяти. Ибо слова имеют огромную силу! Они могут внести успокоение, придать сил, наполнить сердце отвагой, но могут и напугать, ввергнуть в пучину ужаса, даже убить в определенной ситуации. Как раз в такой, в которой находился я.

Мне следовало, вообще, меньше рассуждать. Пришел, держа в строгой узде мысли и эмоции, взял камешек и удалился. А мысли о мертвецах, которые по своей — или не по своей воле — собирались в одном гроте, не способствовали укреплению духа.

Скоро красоты пещеры для меня померкли — в голове крутилось одно: кто собрал всех мертвецов в одном гроте? Ведь, скорее всего, эти люди умирали, заблудившись в лабиринтах пещеры, по одному, в крайнем случае — по двое? А в гроте, куда я направлялся, по слухам, сидели и лежали, будто отдохшая, несколько десятков мумий. Значит, кто-то... какая-то сила... заставила трупы двигаться в нужном направлении.

Так я логически пришел к выводу, что в лабиринте пещер на самом деле хозяинчиают не мумии. Вырисовывалась некая сила, способная за-

ставить трупы двигаться, собирая их в одном месте. Конечно, логика моя была безупречна, но, повторяю, зря я стал думать в тот момент о мертвецах.

Скоро я начал беспокойно озираться по сторонам. Временами останавливался и прислушивался. Казалось, к гулкому эху шагов, добавились еще какие-то звуки... Крадущиеся, шаркающие шаги... Хихиканье... Злобное фырканье... Но, прислушиваясь, я неизменно убеждался, что нахожусь в пещере один. Если не считать тех... которые ждут меня в гроте...

Находя ориентиры, указанные учителем, я постепенно приближался к нужному месту. Возможно, мне показалось, но только вид тоннелей и залов, по которым я пробирался, становился все более мрачным. Сталактиты теперь безжизненно висели простыми, бледными сосульками. Совершенно исчезли краски, так радовавшие меня вначале, все стало серым и монотонным. Не сверкали более стены вкраплениями кварца, не переливались спектром концы сталактитов и ста-лагмитов. Мертвенная бледность разлилась по стенам тоннелей.

Чувствуя внезапно накатившую усталость, я вновь присел на камень. Ореол мой потускнел, и постепенно со всех сторон стала наступать темнота. Решив, для укрепления духа, вновь проделать дыхательные упражнения, я сам испугался издаваемых носом звуков и долго потом сидел, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Казалось, меня обступают смутные, едва различимые тени.

Зловеще усмехаясь, что-то шепчут друг другу, ждут наступления полной темноты...

Действительно, подумал я, что будет, если действие заклинания сейчас закончится? Я ведь даже не захватил с собой огниво... А если бы и захватил — что тут может гореть? Следовало бы взять с собой и факел... Но как бы посмотрел тогда на меня учитель? Ученик колдуна, который не верит в силу заклинаний? Кому он нужен, такой ученик?..

Свет совсем померк. Необходимо было вновь громко и звучно прочитать заклинание. Но я не мог... Просто не мог нарушить ватную тишину, превратившую меня в жалкий, дрожащий студень. Я знал, что пришел в зал, откуда отходят три небольших тоннеля. Средний — ведет в гrot мертвцев. Именно там раскидал учитель красные камни. И туда мне надлежит отправиться... Вот, только, немного бы отдохнуть, еще посидеть, послушать — не раздастся ли звук шагов, не выйдет ли кто, из среднего тоннеля... Нет, я заскрежетал зубами, нельзя сейчас думать об этом! Мертвцы пытаются страхами!

Я набрал полную грудь воздуха и приготовился прочесть заклинание. Но словно чья-то костлявая рука сдавила горло, из него вырывались только жалкие, надсадные хрипы. Свет исчез. Я оказался в полной темноте. Она навалилась, как медведь на неудачливого охотника, лишила меня остатков мужества... Кажется, я закричал, забился, словно пташка в сетях птицелова. Мне виделось, что я тону в глубоком омуте, нечем дышать...

шать... вот-вот холодная, воняющая тиной вода, хлынет в горло... А вокруг уже явственно перешептывались тени, злобно хихикали, хватали за одежду, дергали, толкали...

Не смелость, не мужество помогли мне тогда. Отчаяние! Последний всплеск эмоций перед смертью! Я заорал так, что эхо буквально обрушилось на меня со сводов пещеры. Но это был не крик ужаса... Точнее, крик не только ужаса. Он порождал силу. Великую силу отчаяния! Я вскочил и громким, четким голосом стал читать заклинание. И вспыхнул вокруг меня свет! Шарахнулись тени, и я четко проследил, что исчезли они именно в среднем тоннеле. Там, куда лежал путь мой.

Мурашки ползали по спине, волосы стояли дыбом, свет, рожденный силой отчаяния, пульсировал от переизбытка энергии — я бежал с криком, с рычанием к нужному тоннелю. Прибежал. Ворвался в гrot, ожидая увидеть, кого угодно... но небольшая пещерка была пуста.

Как вкопанный, тяжело, надсадно дыша, я растерянно стоял посреди грота, затравленно озираясь. Никого! Разве можно было такое представить? Потоптавшись, я медленно побрел вдоль стены. За пару минут обошел всю пещеру. Может, я забыл указания учителя и пришел не туда? Но нет — повсюду виднелись красные камешки. Я поднял один — непрозрачный осколок кровавого цвета. Ничего особенного, не драгоценность, но камень довольно редкий. На протяжении всего пути по пещере я таких не встречал. Значит, место то самое... И какого дьявола учите-

лю понадобилось морочить мне голову?! Хотел запугать? Посмотреть, как я выйду из этой ситуации? Послушать, что я расскажу? Вместе посмеяться над шуткой?

Утерев рукавом холодный пот со лба, я облегченно вздохнул, чувствуя, как покидает меня напряженность последних часов. После взрыва энергии наступила апатия. Я сел прямо на землю, сгреб столько камешков, сколько смог, и рассеянно стал перебирать их на ладони. Хорошие, красивые осколки большого камня красного цвета... Вероятно, Актион, специально раздробил подходящий камень... Для этого нужно знать подходящее заклинание. Не слишком сложное...

Итак, мой учитель оказался шутником? Веселым любителем розыгрышей? Как-то не похоже...

И, кроме того, кто же перешептывался в темноте? Кто дергал меня за одежду? Неужели все это — лишь игра расстроенного воображения?!

Внезапно потянуло ветерком. Пропитанная потом одежда неприятно холодила. Откуда здесь сквозняк? Ведь грох не имеет второго выхода... Или, все же, имеет? Может, небольшое отверстие?.. Я поежился и плотнее затянул пояс.

Еще одна мысль не давала покоя — я ведь довольно ясно видел, как шарахнулись в средний тоннель тени... Отять воображение? Но я никогда не был настолько эмоциональным человеком... Веселым, смешливым — да! Но не тем, кто представляет повсюду разные ужасы...

Ветерок тянул понизу и я окончательно закоченел. Сидеть на земле в юности — мучится по-

ясницей в старости. Так говорил мой дед. Поднявшись, и сделав несколько разминочных движений, я заметил у стены подходящий камень. Присел и подумал — не занимаю ли я чужое место? Множество подобных плоских камней были расставлены вдоль стенки пещеры.

Как там говорилось в легендах? Сидят в пещере мумии и ждут... Сидят — на камнях, очевидно, на чем же еще тут сидеть?..

И еще одна неприятная мысль меня посетила в то время. Мне подумалось, что вот я, один в недрах горы, где-то в глубине обширной пещеры, и нет рядом ни одной живой души... Ни одного человека. Я один... И невозможно даже мысленно измерить высоту горы надо мной...

Но нет, похоже, не один я в этом подземном лабиринте... Кто-то же расставил камни...

Я вскочил и прислушался. Тишина звенела. Полное отсутствие звуков рождало тихий, жалобный звон в ушах. Необходимо было, как можно скорей выбираться, захватив в качестве доказательства, пару красных камней.

Сунув руку в карман, я, с безмерным удивлением, заметил, что он уже полон. Более того: все карманы были до отказа набиты красными камешками. Когда это я успел? Мысли понеслись вскачь. Я это чувствовал и ничего не мог с собой поделать. Не мог взять себя в руки. Я решительно не помнил, когда набивал карманы камнями. Наоборот, четко вспоминалось — покатав на ладонях, я высыпал их на землю и отряхнул руки. Все же, камни были пыльными...

Сосредоточившись, я заставил себя успокоиться. В голове немного прояснилось. Возможно, я, неосознанно, думая совсем о другом, собирая камни. Но, ведь мне требовалось не более одного-двух... Я стал выгребать горстями из всех карманов и высыпать красные осколки.

И увидел кольцо... Массивное, серебряное кольцо с печатью. Будто соскользнуло оно с чьего-то усохшего пальца и, вместе с камешками, осталось в кармане.

В голове вновь помутилось. Мной овладела самая настоящая паника. Я, будто бежавший с поля боя трусливый воин, дрожал так, что стучали зубы.

Кто-то — ясно, кто — набивая камнями мои карманы, случайно оставил, соскользнувшее с пальца, кольцо. Но это значит... Это значит, что пещера, где я находился, полна невидимыми мертвецами! Может ли труп быть невидимым? А может ли труп ходить? Может ли сражаться, как те зомби, с которыми мы недавно бились? Колдовство вполне может сделать их невидимыми.

Я озирался по сторонам, часто и с присвистом дыша. Бежать! Это мысль билась в голове, как выброшенная на берег рыба. Бежать! Но ноги будто вросли в землю. Обливаясь потом, дрожа, я не мог сдвинуться с места. И услышал смех...

Не гнусное, мерзкое хихиканье, которое слышалось раньше, когда померк свет. Нет — громкий хохот. Кто-то невидимый от души веселился, наблюдая за моим испугом. И это придало мне храбрости. Я не буду доставлять ему такое удо-

вольствие! Огромным усилием воли я взял себя в руки. И он стал проявляться... А вслед за ним и другие...

Пещера постепенно наполнялась мертвецами. Высохшие, с провалами, вместо глаз, с высунутыми, иссохшими языками, почерневшие, они стояли, окружив меня плотным кольцом. Я чувствовал — еще немного и ноги откажутся служить мне. И тогда я призвал на помощь злость! Ярость! Я возненавидел мертвецов, я взвинчивал себя, как берсерк перед сражением. Да кто они такие?! Жалкие, высохшие мумии! Как смеют они смеяться надо мной — учеником волшебника?! Учеником я еще не был — только кандидатом, но это не имело значения. Эти жалкие останки позволяют себе надо мной смеяться?! Думают, что напугали?!

Спокойно, насколько это представлялось в тот момент возможным, я сказал:

— Ты обронил кольцо, возьми его!

И рука моя почти не дрожала, когда я протянул мертвецу серебряную печатку.

Гул одобрения пронесся по рядам, окруживших меня зомби. Главный — тот, что носил кольцо — одобрительно кивнул и принял его из моих потных рук. Надел на высохший палец. Сделал едва уловимый знак, и его подданные расступились.

— Иди к своему хозяину, смелый юноша, — проскрежетал мертвец, — ты будешь хорошим волшебником... Возможно, лучшим из всех, ныне живущих... Не забудь взять пару камней.

Он протягивал на коричневой, ссохшейся ладони два красных осколка. Не дрогнувшей рукой я взял камни, на миг ощущив могильный холод его ладони.

— Иди, — продолжал главарь мертвецов, — но не останавливайся, что бы тебе ни чудилось. Возможно наш хозяин, попытается тебя остановить... Не бойся. Он вряд ли станет причинять тебеуве-чья... Немногое попугает... Но если ты остано-вишься — это будет говорить о твоей нерешительности и тогда он не позволит покинуть пещеру...

Поблагодарив, я повернулся и двинулся к вы-ходу. Только спустя несколько суток до меня ста-ла доходить вся дикость этой сцены — одобрение мумий, напутствие главного зомби... А в тот мо-мент все казалось вполне естественным. Страх почти прошел. И я твердым шагом, под одобри-тельный говор трупов, прошествовал к выходу.

Обратный путь всегда бывает короче. Но на этот раз он показался мне во сто крат длиннее. Прежде всего, навалилась непонятная тревога. Я шел и мучился. Казалось, учитель обманул ме-ня — послал на верную смерть, для того, чтобы не брать в ученики. Что будет теперь — когда я вернусь целый и невредимый? Не захочет ли он избавиться от меня другим путем? Да и вообще, захочет ли меня видеть?

Я собрался, было присесть и обдумать этот во-прос, но вовремя вспомнил предостережение гла-варя мертвецов. Нужно идти. И тут послышался благостный старческий голос. Где-то рядом стоял

измученный трудным переходом старик и про-сил о помощи.

Но как ни вертел я головой, как ни старался увидеть немощного путника — его не было. Я шел, не сбавляя темпа, и во вслед мне неслись проклятия оставленного без помощи старика. Это все игры хозяина зомби, твердил я себе, это шутит некое существо, обитающее в пещерах.

На моем пути из темноты внезапно выдвинул-ся огромный паук. Это была мерзкая, покрытая слизью тварь, размерами с круглый обеденный стол в хорошем, просторном доме. Только этот «стол» непрерывно копошился, перебирал лапами с кривыми крючками на конце, издавал удушилово зловонье и явно готовился к атаке.

Инстинктивно я схватился за кинжал. В те времена я носил простой, незатейливый клинок, не дорогой, без драгоценных камней на рукоятке и ножнах. Но, выкованный из хорошей стали, он не раз спасал мне жизнь. Нельзя останавливаться, этот паук, скорее всего, иллюзия, попытка за-пугать меня, заставить остановиться в нереши-тельности!

И все же... все же, он был так реален, этот ог-ромный, вонючий паук. С диким криком, разма-хивая кинжалом, бросился я в атаку. Думаю, будь это чудовище настоящим, смерть моя была бы крайне мучительна. Паук исчез, как только я занес кинжал для удара, но вонь... вонь осталась. И тут началось самое страшное.

Я каким-то образом почувствовал рядом при-сутствие некоего существа. Некто невидимый, но

крайне неприятно пахнущий, шел рядом. Просто шел... Я даже слышал шуршание его шагов. Его дыхание... Невидимый хозяин пещер — могущественное существо, способное, конечно же, умертвить меня в один миг. Но он ждал... Он просто шел рядом. Возможно, наблюдая за моей реакцией. И ужас, который я почувствовал в этот момент не шел ни в какое сравнение со страхами в пещере мертвецов. Тело мое стало деревянным, ноги окостенели. Каким-то образом, я умудрялся продолжать движение, хотя ног не чувствовал. Противными холодными ручейками сбегал по спине пот.

Воздух с трудом проникал в легкие, несмотря на то, что я часто и шумно дышал. Невыносимо кружилась голова, но я шел. Спотыкался, чуть не падал, но продолжал переставлять онемевшие ноги.

И мыслей моих коснулось мерзкое, чужое, холодное щупальце. Он копался в моей голове, как скряга в сундуке с золотом. Он изучал меня, он спрашивал о чем-то и тут же получал ответы, он разобрал по кусочкам мою личность, проанализировал и сложил в прежнем порядке. Эта пытка продолжалась тысячелетия. Я потерял представление о времени и пространстве. Я плыл среди тусклых звезд... Я барахтался в мутных водоворотах желтой, вонючей реки и не мог выбраться. Я задыхался, бился в конвульсиях, я плакал, кричал от нестерпимого ужаса... и все же я шел. Не останавливался.

И настал момент, когда он сказал:

— Ты будешь хорошим волшебником. Я дам тебе силу. Ты единственный, после Актиона, кому я даю силу.

Страх исчез, но пришла боль. Каждый сустав выворачивался, каждая косточка ныла, голова лопалась, а грудь разрывалась от боли.

Я кричал и шел. Сколько продолжалась эта пытка — неведомо. Время опять исчезло. Похоже, что весь обратный путь я проделал в сопровождении повелителя пещер и корчась от невыносимой боли.

Шатаясь, выбрался я на свет и рухнул на камни. А когда пришел в себя — радостно засмеялся, ибо почувствовал в себе такую силу, что мог, казалось, одним взглядом, одним усилием воли перевернуть гору. Я запрокинул голову и издал воинственный клич. Затем поспешил к учителю. Мне не терпелось поскорее овладеть наукой колдовства...

Вот так, мой молодой друг, Ариан, я получил силу, которая не раз выручала меня в трудную минуту.

2

Эскиламп встал, потянулся и протянул ладони навстречу занимающейся заре.

— Так ты, наверное, сильней Конана? — испуганно спросил Ариан.

— Нет, друг мой, — засмеялся волшебник, — сила, которую дал Повелитель пещер — не физическая. Это особая духовная мощь, позволяющая

мне, например, управляться с кинжалом — древним колдовским артефактом. Любой другой будет им уничтожен.

— То есть, увидеть твою силу нельзя? Ты не сможешь, — мальчик повертел головой, — поднять, к примеру, вон тот камень?

— Не смогу, — снова рассмеялся Эскиламп, — но я мог бы расколоть его на несколько кусков с помощью заклинания.

— А Конан сможет его поднять и забросить подальше! — с гордостью сказал Ариан.

— Камень-то слишком большой... — притворно усомнился колдун.

Ариан бросился тормошить Конана.

— Просыпайся! Солнце встает! А ты можешь поднять вон тот камень?

Киммериец заворчал, как рассерженный медведь. Рядом заворочался Хепат.

— За каким дьяволом мне его поднимать, этот камень? — Конан заразительно зевнул. За ним — Хепат, а следом Эскиламп.

— Ты должен поднять его! — настаивал мальчик, — а то он сомнева... — Ариан понял, что волшебник просто пошутил. Конечно, Конан сумеет его поднять.

Хепат распаковал сумки с нехитрой походной снедью. Нарезал хлеб и копченое мясо. Не успев до конца проснуться, схватил приличных размеров кусок и, с ворчанием, впился в него зубами.

Конан встал, потянулся так, что хрустнули кости, подошел к камню и, усмехнувшись, поднял его одной рукой.

— Ух, ты! — закричал Ариан. — Если я буду каждый день тренироваться, я смогу стать таким же сильным?

— Ты же хотел стать учеником волшебника? — проворчал с набитым ртом Хепат.

— И волшебника тоже... — растерянно сказал мальчик.

Хепат, успел набить утробу, и был настроен добродушно.

— Перед тобой нелегкий выбор, мальчик, — начал он, назидательно подняв скрюченный палец, — два пути и два человека! Каждый — великий мастер в своем деле! Достойнейший пример для подражания! Ты должен выбрать...

Конан и Эскиламп давно покончили с завтраком и принялись седлать лошадей, а гном все получал заскучавшего вдруг Ариана.

— ...и каждый из этих достойнейших может взять тебя в ученики! Цени это!

— Я учеников не беру, — пробурчал Конан, подтягивая подпругу.

— А я, вначале должен проверить есть ли у кандидата в ученики способности, — добавил Эскиламп.

Хепат крякнул и стал торопливо собирать седельные сумки.

Этот день путешествия ничем не отличался от предыдущего. Выжженная степь, палящее солнце над головой, понуро бредущие кони...

— Мне всю ночь снились пещеры, — сказал Хепат, — будто я бреду, а потом побеждаю мертвцев. И страха совсем не было!

Эскиламп оглянулся на гнома, восседавшего на верблюде, как на троне, и покачал головой.

— Ну... почти не было страха... — поправился Хепат, — я ведь люблю пещеры, я же все-таки гном, хоть и давно живу среди людей...

И он затянул старую песню гномов, которую так любил Конан. Необычная, неземная — подземная — мелодия и странные, отрывистые слова языка гномов давно исчезнувшего племени Вармина...

На ночлег остановились, когда погасли последние отблески зари. Как всегда, старались проехать в часы вечерней прохлады возможно большее расстояние. На сей раз, сущняка вокруг не нашлось, и Эскиламп запалил волшебный костер. Несколько, с трудом найденных веточек, горели спокойным, неугасимым пламенем.

— Теперь твой черед рассказывать, — волшебник, прищурившись, глянул на мальчика, — я порассказал достаточно.

— Не о мертвецах ли в пещерах был последний рассказ? — проворчал Хепат, заворачиваясь в одеяло.

Конан, на сей раз, решил подольше посидеть у костра. Ночная прохлада вселяла бодрость и прогоняла сон.

Прежде чем начать рассказ, Ариан долго думал, что-то шептал, вспоминая, загибал пальцы.

— Считаешь страшные случаи? — усмехнулся Конан, — у меня, например, пальцев не хватит...

— У меня пока хватает... — мальчик с сомнением посмотрел на свои пальцы — вы не поверите,

но самый большой страх я испытал после смерти матери, когда меня приютила ее сестра.

Отец мой давно погиб, — продолжал Ариан, — я его и не помню. Мать помню... Но она вскоре померла и меня, взяла к себе тетя — толстая, седая старуха. Наверное, она не была очень уж старой, просто так выглядела... И еще: на глазах у нее были бельма... страшно так... Чтобы рассмотреть человека, она наклонялась вперед и сквозь ужасные, мутные пятна на глазах пыталась что-то увидеть... Подойдет, бывало, вперит в меня белые глаза и долго-долго молчит. У меня аж мураски по спине...

Я много работал на полях и только к вечеру приходил в дом. Тетя жила с мужем — забитым, маленьkim мужичком. Детей у них не было. Муж ее домой ночевать приходил редко — все больше валялся пьяный где-то на задворках. Я же ночевал в сарае, на соломе. Спать в доме боялся после одного случая...

Меня тогда положили на лавку в углу. Тетя спала на лежанке у другой стены, муж ее бродил вокруг дома и горланил песни. Домой она его пьяного не пускала, а ему от этого только веселее было. Ходит вокруг и поет... а иногда ругается. В тот раз — пел. Потом вдруг замолк, будто подавился. Я слышал — перед тем, как подавиться ему, тетя что-то сквозь зубы сказала... Даже не сказала — каркнула, будто... Или слово какое-то непонятное произнесла. Не знаю... только наутро мужа ее мертвым нашли. А когда хоронили, тетя разговаривала с ним, как с живым...

Я помню, колдун ей сказал — что ты с ним говоришь-то? Он же мертвый! А она как глянет на него бельмами! Колдун, уж, на что человек бывалый, а и он как-то сник и в сторону отошел... Страшные глаза были у тети...

С тех пор я спал в сарае. Не хотел оставаться с тетей в доме. Но даже и в сарае слышал, как стонет она ночами, кричит, будто зовет кого-то... Чаще всего это случалось в те ночи, когда буря шумела, ветер свистел в щелях сарая... А тут еще и крики эти!.. Я, бывало, сожмусь в комок, заткну уши и лежу, дрожу, пока не наступит утро.

При свете дня, правда, все казалось не таким уж страшным. И тетя — как ни в чем не бывало. Покормит меня и отправит в поле работать. Днем — ничего. Солнце светит. Не страшно. Но ближе к вечеру — тоскливо становилось на душе. Опять идти... туда... Надеялся, что ночь будет спокойной, без криков...

Домик-то у тети был небольшой. Одна комната, да чулан, куда мне было запрещено заходить. Что уж она там держала, не знаю, только замок висел огромный на двери... А ключ тетя прятала... Я, правда знал, где он лежит — у нее под подушкой. Тут и любой бы догадался...

Днем, когда я обедать приходил, из-за двери чулана этого будто шепот доносился... Но, скорее всего, казалось мне, чудилось...

А после работы — в доме только поесть, и в сарай — спать. Да и хлеб-то, бывало, в горло не лезет. Тетя сидит напротив и вперит ужасные, белые глаза!..

Так жил я после смерти матери... Стал, вроде бы, уже и привыкать... Ничего, очень уж страшного, не происходило... Только все тягостнее становилось на душе. Особенно после того, как тетя мужа похоронила... Она будто ждала чего-то все время... Прислушивалась...

Оно-то, конечно, если человек плохо видит — он старается больше слушать... Но ведь раньше тетя так часто не прислушивалась!.. А тут — постоянно, особенно по вечерам. Даже и мне стали чудится как будто шаги вокруг дома... И когда в сарае спать укладывался — тоже шаги чудились. Да еще эти ужасные крики тети по ночам!..

А утром — опять ничего. Солнышко светит — и на душе легче. К вечеру, конечно, настроение портилось. А как спать ложиться в сарае, так вообще... Только и думаешь, как бы уснуть побыстрее...

Однажды ночь выдалась тихая. Лежу, слышу, как мыши шуршат в соломе, где-то далеко птицы ночные кричат. А потом, и вообще, все стихло. Казалось, будто все ждут чего-то... Даже мыши перестали возиться. Птицы — и те затихли. Лежу — и заснуть никак не могу. Чувствую — дрожь стала меня бить в тишине этой... Захотелось закричать или схватить молоток и стучать по наковальне. Только бы не эта мертвая тишина! И слышу — кто-то дышит рядом... Прерывисто так... Будто не может за один раз воздух набрать — несколько вздохов делает... Потом сообразил, что это я сам дышу... Так тихо было, что мое дыхание эхом от стенки отражалось.

В общем, сколько я так пролежал — не знаю. Только послышались снаружи шаги — тяжелые, шаркающие, будто вслепую брел кто-то вокруг дома... Кругами ходил и все ближе и ближе... А дыхания не слышно. Только шаги...

Я чувствую — волосы у меня на голове зашевелились, как живые. Крикнуть хочу — и не могу. Хочу тетю позвать — теперь-то она не казалась страшной... Подумаешь — бельма на глазах! Зато — колдунья!

И надо сказать, именно тогда я и понял, что тетя — колдунья. Не из тех колдунов, что в каждой деревне вокруг костра прыгают, нет — настоящая! Ей никаких ритуалов не требовалось... у нее все внутри, в голове...

Хочу позвать — и не могу, не слушается горло, только хрипты вырываются. А шаги — все ближе. Вот уже к самой двери сарай приближаются. Я и вовсе окаменел. Как ни странно, в этот момент удивился, что руки и ноги заледенели. Прямо, ледышками стали, тяжелыми и чужими. Голова закружилась, будто я на лодке в бурю плыву... А дверь вот-вот откроется... Шаги затихли на тропинке, что в сарай ведет...

И тут, когда я решил, что конец мне пришел — вдруг тетя закричала так громко, как никогда до этого. Как только стих крик — будто кто-то мешок зерна с воза уронил. Мягкий, такой звук падения... Упал, стало быть, тот, кто у дверей стоял.

Утром я, выбегая, отвернулся — не мог, не хватило духу смотреть на то, что у порога лежа-

ло. Краем глаза заметил только, что это чье-то тело, все землей покрытое... Как если бы я вот, решил покататься в грязи, а потом немного обсох и пошел бродить по улицам... Страшно... Не хочется даже и вспоминать...

А тетя перестала с тех пор кричать. Вот и вся история... Да, еще про чулан... Ну, это потом — там не так страшно было...

3

Дриан поежился и протянул худые руки к костру. Некоторое время молчали. Слышался только мерный храп Хепата.

— Завтра он будет рассказывать сон про страшную, толстую колдунью, — рассмеялся Эс-киламп, кивнув на куль из которого торчала окладистая борода гнома.

Конан задумчиво подбросил в огонь невесть откуда взявшийся прутик, который вмиг сгорел ярким, синеватым пламенем. Дрова, уложенные Эс-килампом, слегка обуглились — и только. Костер горел ровно и мощно, на несколько шагов раздвигая обступившую путников темноту.

— Почему человек боится темноты? Если ты один где-то, а вокруг — тьма?..

— В темноте могут прятаться враги! — сказал Дриан.

— Темнота, мрак, олицетворяют неизвестную угрозу, — в раздумье продолжал Конан, — если видишь, с кем предстоит сразиться — не страшно. Страшит неизвестность...

— Но вначале человек просто опасался ночных хищников, — Эскиламп медленно, как бы прислушиваясь, поглядел вокруг, — а потом у него разыгралось воображение...

— И он стал придумывать то, чего нет? — насмешливо спросил Конан.

— Не совсем так... Просто многие монстры встречаются не так часто, как о том думают... И уж совсем не так часто, как говорят!

Конан поскреб гладко выбритый подбородок.

— Верно. У страха глаза велики... Но ведь все, или почти все, о чем говорят — встречается. Хотя и не так часто.

— А вампиров вы видели? — выпалил Ариан. У костра надолго замолчали.

Эскиламп усился поудобнее и, с несвойственной ему неуверенностью, сказал:

— Я не видел... Были случаи подозрительных смертей... Об этом — в другой раз... Но вот так: живого, если так можно выражаться, вампира... нет, не видел.

Конан хмуро рассматривал свои, покрытые шрамами, руки. Проворчал, как бы про себя:

— Я видел... И убил, хотя это оказалось непросто...

— А правда, что они могут превращаться в летучих мышей? — Ариан изобразил руками крылья нетопыря.

— Не знаю, вряд ли... Они просто... не люди, — Конан немного помолчал и стал рассказывать спокойным, ровным голосом.

— Было это лет пять назад. Я служил в охране

одного высокородного лорда... После его смерти, моя служба, естественно, закончилась... Но это после... А в то время, о котором пойдет речь, я отвечал за охрану северной стены замка. В моем распоряжении были десять человек — не слишком хороших воинов, скорее любителей поспать. Сон им, надо сказать, дорого обошелся...

В мои обязанности входила расстановка часовых на стене, в саду и у входа в башню. Ворот с северной стороны не было. Ну и проверять время от времени, не спят ли мои воины, пинками будить, если что...

Все шло заведенным порядком, только стал я замечать, что людей в замке становится все меньше. Исчезла одна из поварих, из тех, что нам варили, и стали мы подолгу ждать за столом, когда принесут миску похлебки, да хлеба кусок.

Кормили в замке не очень-то... Только по праздникам — мясо, а в будни — похлебка. Вина и вовсе не дождешься! Только, если у лорда событие какое, знаменательное... Но какие там у него события... Приходилось вино на свои покупать, когда свободен от дежурства. Но в таверне местной вино было так себе... дрянное вино, прямо сказать...

Ну, так вот... Слуги исчезали... Даже некоторые из охранников... Но не из моей десятки, понятно. За своими я следил, как хорошая кошка за котятами. Бывало, конечно, и отвешивал патру-тройку оплеух, если заснут на посту, но это справедливо — они и не обижались.

И вот, в это время позвал меня к себе лорд.

Брикхейм, его звали. Лорд Брикхейм — очень гордился он своей родословной, все портреты на стенах показывал... Даже охранников водил и с гордостью рассказывал, где какой предок висит, да когда и как он умер. Нужно сказать, к чести его рода, что почти все предки в бою погибли. И этот, последний Брикхейм, тоже погиб в бою, правда, в бою не совсем обычном...

Словом, вызвал меня лорд и приказал возглавить его личную охрану, а десятку мою другому передать. Жалованье увеличил втрое. Долго опять про предков рассказывал... А я смотрю — на нем, как говориться, лица нет. Голос срываются, губы прыгают. Он уже старый был, лорд Брикхейм... Но бодрый. Сухощавый, с орлиным носом, торчавшим среди впалых щек, как клюв орла. Глаза сверкали. И не понять — не то гневом, не то весельем... В последнее время, правда, потухли глаза его...

Остановил себя в тот раз лорд, не стал больше о предках рассказывать, посмотрел на меня... и заплакал. Я стою — глазам не верю. Чтобы гордый лорд плакал перед охранником?!. Здорово его, значит, допекло!..

Обнял он меня — еще один удивительный поступок — а у самого слезы еще не высохли. Потом все же взял себя в руки и кивком предложил следовать за ним. Идем — лестница в подвал, в винные погреба. Туда лорд никого не пускал, только виночерпия, да что-то в последнее время я его не видел... Отломкнул замок, открыл дверь — вошли мы, он из бочки налил огромный ковш и

единным духом выпил, как простой солдат. Я даже уважением к нему проникся. Потом мне налил ковш и смотрел, как я выпью. Ну, долго-то ему смотреть не пришлось!.. Еще по ковшу... Потом, когда в голове немного зашумело, он повел меня дальше, вдоль длинного ряда бочек. Идем, я факел держу и его поддерживаю — все же вино подействовало на старого лорда... Зашли за угол, лорд заставил меня отодвинуть пустую бочку, за ней оказалась потайная дверь. Вошли. Длинный коридор, с потолка капает, стены в плесени. В конце коридора — тяжеленная каменная дверь с особым запором. Открыть ее можно было только с нашей стороны. Я отодвинул засов, щеколду поднял, дубовое бревно, окованное медью, отодвинул — оно вроде упора было, чтобы уж точно с той стороны никто не выбрался.

Лорд мне показывает — достань, мол, меч и будь наготове. Я приготовился, а сам думаю, что же за чудовища там такие могут быть? Брикхейм, вижу, дрожит весь, несмотря на вино выпитое. Схватился костлявой рукой за кинжал — меч он в замке не носил — и показывает мне: вперед!

Распахнул я дверь. В одной руке факел, в другой меч — и шагнул вперед, как приказал лорд. Первое, что увидел — труп у самой двери. В богатых, расшитых золотом одеждах и с волосатыми руками, а на пальцах — когти. И когтями этими, видно по следам, мертвец камень скреб, глубокие борозды остались.

Лорд вздохнул облегченно и приказал мне пе-

ревернуть труп. И, клянусь Кромом, когда я взглянул в лицо мертвецу — вскрикнул, не удержался. Не человек это был и не зверь... Трудно сказать... Из пасти высовывались огромные клыки, да и все зубы выглядели, скорее звериными... Вместо носа — две волосатые дырки, а в остеокленевых желтых глазах с вертикальными зрачками сверкала такая злоба, что я содрогнулся и поспешил отвернуться.

Лорд сказал, что заплатит мне месячное жалованье, если я отнесу это чудовище на лежанку. Тут только я осмотрелся. Небольшая, в общем, комната, вырубленная в скале. В стенах — ниши и в каждой нише — лежанка каменная. Ясно — склеп. И склеп тайный.

Поднял я мертвеца, отнес в пустую нишу, потом обошел всю комнату, разглядывая скелеты на лежанках. Лорд мне не препятствовал. Молча стоял у двери. Все мертвецы при жизни были чудовищами — когти, клыки, череп нечеловеческий. У некоторых даже небольшие рожки виднелись. У других — только как бы уплотнения по бокам черепа... Но клыки и когти имелись у всех...

Потом мы, вернувшись в винный подвал, выпили еще по паре ковшей. А уж после этого, мне пришлось достопочтенного лорда Брикхайма на плече нести в его покой.

На следующий день он все рассказал... В роду у них кровь порченная, проклятая. Не все, но некоторые из родственников лорда, по достижении определенного возраста, превращались в чудо-

вищ. Постепенно лица менялись, ногти превращались в когти, клыки изо рта лезли... Потом, когда родственник забывал человеческую речь, его и запирали в склепе. Тот мертвец, которого я на лежанку уложил — был старшим сыном лорда. И только боги знали, которые еще из сыновей превратятся...

Но эта напасть была не нова... Лорд меня призвал по другому поводу... Стали исчезать люди. Некоторых находили в подвалах замка... обескровленных... с ранами на шее. Лорд хотел знать — или это новое проклятие на его род, или пришлый вампир завелся. Вот такое он дал мне задание. Вручил ключи от всех дверей, разрешил и в винный погреб ходить... Только не часто я наливал из бочек — не до того было...

Вначале думал я логово вампира где-нибудь в подвалах замка найти. Но сколько ни бродил — кроме крыс никого не видел... Стал к людям присматриваться. По легендам, вампир бледным должен быть... Но в замке почти все были бледными! Питание плохое, сырость, солнца годами не видели...

Пропал еще один человек — служанка жены лорда. И супруга хозяина нашего, красавица Юфрия, тряслась от гнева. По правде сказать, не была она такой уж красавицей... Тощая, бледная, как смерть, с породистым, как у мужа, носом... Вот уж кто, как нельзя лучше, подходил на роль вампира... Но положено считать жен лордов — красавицами. И все, как один, восхищались красотой нашей хозяйки.

Решил я тогда засаду устроить в одном из за-коулков подвала — где и нашли обескровленный труп служанки. Дождался ночи, вроде спать по-шел, а сам незаметно спустился в подземелье. Поборол искушение заглянуть в винный по-греб — мимо проходил — и устроился в самом темном, заставленном пустыми бочками углу. Сел на низкую кадку, под прикрытием больших бочек и потушил факел.

В темноте стал ощутим запах сырости. Замок вообще бы сырым, а уж подвал!.. Я думаю, это потому, что стоял он не на холме, как обычно, а на равнине, вблизи речки. А чуть дальше болота начинались. И ходили об этих болотах самые мерзкие слухи. Говорили, будто видели там не то чудовищ, не то приведения, а, скорее всего — все вместе. Я-то думаю, не так часто на болотах чудо-вища живут... Больше слухов... Но сырость от них идет изрядная!

Просидел я почти всю ночь без толку. Задремывать стал, только что-то меня вдруг разбудило. Звук какой-то или запах... Или сквозняком потянуло... В темноте все чувства острее становятся. Услышал я шуршание крыс где-то в другом конце подвала. Принюхался — вроде появился посторонний запах... А чем пахнет — не пойму. У меня огниво и факел под руками — в любой момент зажечь можно. Только опять сонливость на-катила.

И, то ли во сне, то ли наяву слышу смех... Как бы далеко где-то, а то, вдруг, и рядом... Из последних сил зажег факел. Вспыхнул он и осветил

прямо у меня под ногами труп слуги, а вдали, там, где темнота уже не рассеивалась светом фа-кела, мелькнул силуэт. И смех опять раздался... Женский смех...

Утром пошел я к лорду и рассказал, чем за-кончилось мое ночное дежурство. Он, как услы-шал про женский смех — вздрогнул всем телом. Видимо, уже давно подозревал... Да и я об этом же подумал... Хотел уже вслух сказать, но тут во-шел второй сын лорда и я вздрогнул: проклятье захватило и его. Лицо юноши уже было нечелове-ческим. Но он, вероятно, не зная о том, спокойно поговорил с отцом о какой-то мелочи и вышел. Тут только я понял, почему в замке не было ни одного зеркала. Мне-то они без надобности, а служанки, я слышал, сетовали — плохо-де без зеркал, причесаться, прихорошиться нет возмож-ности...

Тут лорд вдруг заорал что-то о каре небесной, о том, что богов прогневал тем, что на вампирше женился! Выхватил кинжал и побежал в спальню супруги. Я — за ним, хоть и негоже, вроде, охран-нику в спальню жены лорда заходить. Но — тут случай особый...

Пинком распахнул Брикхейм дверь в спальню хозяек замка, забежал... и вдруг повесил голо-ву — стоит, как бы парализован, даже кинжал из рук выпал. Юфрия лежала обнаженной на широ-кой кровати и потягивалась так, сладостно, удов-летворенно... Глянула на меня, улыбнулась, и зам-етил я клыки — эти знаменитые клыки вампи-ров, о которых столько рассказывают. Не знаю —

постоянно они во рту сидят, или только когда надо вырастают... И губы ее, похоже, в крови были... Но это, скорее всего, показалось — уж кровь-то слизать она бы успела...

В общем, стоим мы с лордом посреди спальни — он совсем раскис, шатается, бормочет, что-де давно догадывался... не хотелось верить... потому и дети у них в чудовищ превращаются чаще, чем другие предки...

А я глянул — она меня ласково пальчиком манит, а сама этак соблазнительно на кровати раскинулась. Тело-то у нее красивое было...

Я усмехнулся про себя — думаю, не хватало еще с вампиршей в кровать лечь. Но обнаружил, что ноги идут помимо воли. И все ближе кровать, красивое тело жены лорда и ее клыкастая улыбка. И уже чувствую, сладость накатила, будто год женщин не видел, будто не вчера меня ублажала одна из хорошенъких служанок...

Собрался с силами, выхватил меч и одним движением отсек ей голову! Кровь забила таким фонтаном, что мгновенно вся комната стала красной.

Кровать пропиталась, будто покрасили ее! Узорчатый ковер на полу стал однотонным. А кровь все хлестала, не переставая, и тогда лорд Брикхейм кинулся ко мне и вцепился в горло когтями пальцами. И чувствую — пальцы у него холодные, как лед. А сила в них такая, что я с трудом разжал его хватку. Смотрю — а изо рта у лорда нашего клыки лезут...

Отбросил я его от себя... А когда он вновь

накинулся — разрубил сверху донизу, на две половинки...

Вот так и погиб лорд Брикхейм... Я думаю, он превратился в вампира, сам того не замечая. А кровь, если и сосал, то в забытьи... А жена его — та была активной... Через каждые два-три дня кровь сосала... Я когда из замка уезжал — служанку, с которой утешам предавался, брат не стал: у нее с каждым днем руки становились все холоднее...

4

Конан встал и потянулся. Костер по-прежнему горел ровно и весело.

— Ну, а дети его? — спросил Эскиламп.

— А дети... Я потом спрашивал у купцов, что бывали в тех краях... Замок этот все обезжают — большой крюк делают, только чтобы мимо не проезжать. Говорят, там живут упыри и чудовища. И вся округа обезлюдила... Правда, в тех краях народу много никогда и не было...

Пару лет спустя, в бою, я столкнулся с таким монстром. Не знаю, был ли это один из сыновей покойного лорда, но когти, клыки и зверская рожа у него имелись.

Я тогда, с сотней других наемников, поступил на службу еще к одному лорду, давно и безуспешно воевавшему с соседом, тоже, естественно, лордом. Платили они оба очень хорошо и наши ребята то и дело сталкивались в бою со своими знакомыми, которых нанял противник. В таком

случае, старались, конечно, отходить в сторону — своих не убивать. Благо, оба лорда вооружили всю чернь — руби в свое удовольствие!

Не знаю уж, кто там из высокородных лордов был прав — для меня-то они все на один манер. Стараются попросту оттяпать у соседа земли, да казну разграбить. А раз так — наемникам плати не скучись! Они, правда, и платили!.. За каждый день войны — золотом! Поэтому мы охотно нанимались то к одному, то к другому...

И вот, однажды, вылазку решили сделать — внезапно напасть на войско противника, взявшее в кольцо наш замок. Я возглавлял первую сотню бойцов — самых отчаянных головорезов. Мы ворвались в лагерь противника, как топор в трухлявое дерево! Разбили их наголову, и лорд-противник пощады запросил. Все золото отдал, половину земель и еще каждый год обязался сколько-то там платить...

Но суть не в этом. Когда уже стали они сдаваться, я заметил свирепого воина с рычанием отбивавшегося от нескольких человек сразу. Захотелось немного еще поразмяться, крикнул ребятам, чтобы отошли в сторону и дали мне сразиться с этим молодцом. Солдаты отодвинулись, но при этом как-то странно улыбаясь. Через минуту я понял — почему. Воин этот, которого они окружили, был не человек. Именно таких я видел в замке Брикхейма. Морда зверя, клыки, когти. Но меч он держал крепко и сражался славно! Чувствовалась выучка знатного человека... Может быть, это действительно был один из сынов-

вей старого лорда... Ушел из опустевшего замка отца и, пока еще сохранял человеческий разум, нанялся в ратники к этому лорду-неудачнику... Вот так...

Дриан шмыгнул носом и сказал:

— Мы же договорились страшные рассказы... А этот интересный, но не страшный!

— Ты спрашивал про вампиров — вот я и рассказал, — проворчал Конан, расстилая одеяло, — да еще и про человека-зверей добавил...

Эскиламп рассмеялся.

— Это просто он так рассказывал... А если бы поподробнее рассказал, как сидел в темноте, в подвале, да как вампир подкрадывался...

— Все равно не страшно! — Дриан разочарованно стал укладываться.

— Если не страшно, так почему бы тебе не лечь одному и подальше от костра? — насмешливо спросил колдун.

Мальчик опасливо поглядел в темноту, покачал головой и придинул одеяло еще ближе к костру.

— Кровь!.. — раздался вдруг вопль, — Сколько крови!.. Я убил ее!.. Сколько крови... — и Хепат вновь мирно захрапел.

Восход гном встретил уже на ногах. Мрачный, всклокоченный и невыспавшийся, он ворчал:

— Сколько можно рассказывать?.. Мне все это снится — я давно заметил... Лучше бы рассказывали о приятном...

Очередной день пути не принес ничего нового, а вечером Хепат, вместо того, чтобы завернуться в одеяло и захрапеть, подсел к костру.

— Я, вот, тоже кое-что вспомнил... Хотите, расскажу?

— Если страшное — рассказывай, — кивнул Ариан.

— Страшное — не страшное... — проворчал Конан, — рассказывай в любом случае, мы послушаем... а я полежу...

Через некоторое время Конан мирно захрапел, а Хепат, неодобрительно косясь на спящего друга, начал:

— Жили мы тогда в больших пещерах. Дело было при живом царе Вармине и наше великое царство... гм, процветало... — гном поерзal, покряхтел, будто вспомнил что-то не относящееся к делу, и продолжал, — да... ну, словом, жили мы все же неплохо...

Только стали доходить слухи, что приближается к нам некий ужас из дальних пещер. Что это было — никто сказать не мог... Кто видел — тот погибал от страха или от чего-то еще...

Несколько смелых гномов ушли на разведку. Вернулся один, совершенно одичавший. С ума он спятил, или как-то еще повредился — не знаю. Только хохотал непрерывно... А иногда, наоборот, плакал и выл от страха, забившись в самый дальний угол своей пещеры. Жена за ним ухаживала, но он, в такие моменты, и ее пугался. Так и умер в углу, и с таким выражением лица, что смотреть неприятно. Хотя... кому же приятно на мертвцевов смотреть?!

Тогда и призвал меня Вармин. Был он высок — почитай, выше всех гномов — осанист, с

большой белой бородой, которая, надо сказать, всегда была изумительно расчесана — волосок к волоску! Это у других гномов, особенно у тех, кто выпить любил, бороды — ни к черту!.. Спутанные, слипшиеся... А особенно, если длинная, так и вообще... смотреть срамно! У некоторых-то бороды кучерявились — так тем, все едино. Можно годами не расчесывать, она все равно неплохо выглядит. А если волосы на бороде прямые — надо ухаживать. Или, уж, подстригать... Не позориться с нечесаной бородой. Или брить! Но не ходить нечесан...

Да, ну это я немного отвлекся. Оно-то и понятно — тема уж больно захватывающая! Ведь у гнома борода — основная краса! Что нужно гному, чтобы женщины любили, а другие гномы завидовали? Ясное дело — борода нужна в первую очередь! А уж потом оружие иметь красивое. Ну, еще пещера чтоб, не пустовала. Добра накопить — это уж само собой. Золотишка, камешков драгоценных... Особенно рубины и изумруды пещеру украшают! Зайдешь, бывало, к иному богачу, а у него вся пещера светится! Где — красным, где зеленым... А где и бриллианты сияют! Но ими-то, в общем, редко стены украшали. Очень уж дорогие камешки... Не ровен час, кто и позарится. Гостей-то у всех полные пещеры!

Я вот, удивлялся иногда, да и по сей день удивляюсь — ведь если одни к другим в гости ушли — у них пещера пустой должна быть! А нет! У всех всегда — полные! Вот загадка! Куда не придешь в гости — там уже и без тебя полно!

Сесть даже негде! А уж чтобы вина выпить... Нет, угощали, конечно, всегда хорошо! Вино только быстро кончалось. Но если в гости заявишься с самого утра — пей вволю!..

Вы не подумайте, конечно, будто гномы только и делали, что в гости ходили. Нет! Работали много. И золото добывали, и камешки, и тоннели новые рыли. А часто там и тоннели возникали, где можно камешки найти. Куда копать, если нужно, допустим, новую комнату выкопать? Конечно, туда, где могут быть камни драгоценные. А уж камни-то эти, любой гном за милую чует! Подойдешь, бывало, к стене, ладонями ее коснешься и чувствуешь — вон там камни лежат... россыпь камней... надо только покопать немножко. И копали! Так изрыли всю гору тоннелями, что другие гномы — которые в гости шли — могли заблудиться и попасть совсем не к тем... Но их все равно принимали хорошо. Вина, правда, старались не давать чужим — вино-то, ведь, приходилось наверху покупать! Но, уж, эля — всегда нальют! Полные кружки! А кружки у нас были огромные! У Конана, вот, есть кружечка... Она, конечно, красивая, с барельефами... Демон подарили! Красивая... а все не то! Вот у нас кружки были!.. Можно из нее тянуть весь вечер, а она все, будто и не пустеет! Чудо, что за кружки! Некоторые украшали даже самоцветами. Хорошие-то камешки в кружки не вставляли, а так — разные осколки... Но не в красоте наших кружек суть! В объеме!

Да, ну я опять тут отвлекся немножко... И не-

мудрено ведь! Как начну вспоминать жизнь свою в царстве Вармина, так остановиться не могу! Бывало, спать ляжешь, а не спится — все вспоминаешь... Хорошо тогда жили, весело... Конечно, и войны случались, и просто стычки с соседями... Чаще-то воевали с чужаками. Вот, например, дикие обезьяны нагрянут — тут и берутся все гномы за оружие. А как же иначе? Гм, дикие обезьяны... Обезьяны-то всегда дикие! Ордой, бывало, так и прут! И рубишь их, и стреляешь — а их все не счешь. Много сильных гномов погибло, разорванных этими обезьянами!

Ну, так вот... О чём-бишь я? Да, появился, значит, некий ужас... Гном-разведчик умер в пещере своей от страха!.. Даже жены пугался... Оно-то, надо сказать, и немудрено... Жена у него уж такая страшная была!.. Ее потом никто не хотел к себе брать. Нашелся один, правда, взял четвертой женой. Так потом до самой смерти ни разу не улыбнулся! А уж такой весельчак был! Да и то сказать — смерть-то его очень уж скорой была. Оно-то и понятно: каждый день видеть такую рожу!

Да... сложно, вообще, жилось в пещерах. Работать много приходилось, хоть и веселились тоже... Да и как не веселиться вечером, если за день, бывало, столько камней добудешь, что на них можно с десяток бочек самого лучшего вина у людей наверху купить? А уж если не лучшего качества — так бочек двадцать! И пей, хоть залейся! И гостей угощай! Правда, не все щедро угощали. Были такие, что вино-то для себя при-

держивали, а гостей элем поили, чтоб не слишком накладно вышло... Да ведь и то сказать — если каждый вечер гости — на них не напасешься!

Ну, так вот... Вызвал, это, меня к себе царь и говорит... А я, надо вам сказать, молодой еще тогда был. Только-только борода начинала расти. И очень я негодовал по младости лет на тех, кто свою-то бороду в порядке держать не мог! Уж у меня-то, думал я тогда, борода — как вырастет — всегда будет в самом лучшем виде! М-да... Оно, конечно, молодость...

Ну, и говорит, значит, мне Вармин... Наш великий царь! Сейчас, правда, я уже сомневаюсь в его величии...

Да что вы спите-то черти?! Я же вам страшную историю рассказываю!! Не спиши, Ариан? Ну ладно...

Так и говорит мне Вармин, что надо одному идти... Ты, говорит, лучше всех тоннели, да пещеры окрестные знаешь. Ты молодой, шустрый! Иди и будь очень осторожен. Не ленись лишний раз вернуться и доложить! А то уйдешь — и с концами! И гадай потом, где твои кости лежат...

Ну, я действительно, неплохо знал окрестные пещеры. Забирался даже и в соседние царства. Даже и туда, где не жаловали чужаков. И если бы увидели меня — стрела в бок и весь разговор! Бывал я и в старых, заброшенных пещерах. Там, надо сказать — жутковато! Известно, ведь — места покинутые жителями — нехорошие, недобрые... Есть в таких пещерах, что-то плохое... Не то призраки бродят, не то сами стены зло впита-

ли... Ясно ведь, что зло, как ржавчина в железо, въедается в стены пещеры и если долго жили там злые гномы... Словом, нежелательно в таких пещерах даже и появляться, не говоря уж о том, чтобы поселиться.

Придешь, бывало в такую заброшенную обитель — как пахнет злобой! Аж попятишься! Оглянешься — никого, а злоба так и гонит тебя куда-то, так и пышет жаром в лицо!.. Да нет, скорее, не жаром... Холодом! Ледяным ветром дунет! Так, что задрожишь весь, как от мороза лютого! Будто целый день в ледяных пещерах бродил, а одет легко...

Словом, всегда страшно в заброшенных пещерах. Да ведь и то сказать — почему их забросили-то? Почему не живет никто там, где когда-то звучали застольные песни и веселые детские голоса? Что выжило, что прогнало отсюда гномов? Может, зла накопилось слишком много? Ведь не все гномы — такие весельчаки, как, вот я, например! Бывают и угрюмые, и злые... И если постепенно злых становилось все больше, а веселых все меньше...

Э-хе-хе... Старался я проходить такие пещеры как можно скорее. Пробежишь, бывало — только обдует тебя могильным холодом!.. А ты — дальше! Туда, где никто не жил, где царит еще первозданная природная доброта. Ну а вслед, будто голоса чьи-то, замогильные несутся... Кричат, грозят... будто дальнее эхо горного обвала... Какие-то смутные, страшные образы навевают такие места... как из далекого, полуза забытого сна... Старый

ужас, от которого трясутся колени и спирает в груди. Хочешь вздохнуть — и не можешь. Закостенело что-то... Язык, бывало, таким шершавым станет, что и слова сказать не можешь...

И это мне — весельчаку — так страшно становится! А что говорить о тех, кто хмурый, да угрюмый?.. Хотя, оно, конечно, наверное, смелость от веселого нрава мало зависит...

Словом, пробегал я галопом такие пещеры, где зло таилось... И вот, стал замечать — чем дальше забираюсь вглубь — вниз, то есть — тем страшнее становится. У нас, ведь, как рыли — ярусами! И вся гора, и вверх, и вниз изрыта, будто соты пчелиные. Мы-то жили где-то посредине... А чем ниже — тем страшнее! Это я заметил.

Я и до сих пор сметливый и наблюдательный, а уж раньше!.. Бывало, надо загадку кому отгадать — он над ней целый день бьется — я вмиг растолкую... что загадка эта неправильная, дурацкая загадка! И разгадывать ее — значит, себя не уважать! От меня и уходили с веселой душой. Некоторые, правда, смеялись очень. Но меня все равно уважали. Братья, вот только — смеялись-то так же, как и другие, но насчет уважения... Но ведь, они старше меня были. А, известно, что старшие младших редко уважают...

Да... Ну, вы-то меня знаете, чего тут долго толковать!.. Опять спиши, Ариан?! Я для кого рассказываю?! Сам же заказал страшное! Погоди, погоди... Еще будет такое страшное, что не заснешь потом! Это сейчас вы все спите, как сурки. Подождите — дойдем и до страшного. Просто я,

если уж рассказываю, то — обстоятельно, не торопясь... Вон, Конан рассказал — раз, раз... и все! К чему так торопиться-то? Так что, ты, Ариан, не спи! Конан-то, ладно... он всегда спит. Любит спать! Но, правда и вскакивает, если тревога!.. Будто и не спал! Это уметь надо! А посмотрел — все спокойно, тревога напрасная оказалась — лег и опять заснул мгновенно. Молодец, словом. Эс-киламп, вон, тоже похрапывает! Не знаю, как у него со сном — случись беда — проснется ли так же быстро, как Конан? Ну ладно... А ты не спи, Ариан, слушай! Иначе кому же я все это рассказываю?! А я так — раз начал, меня уж не остановишь, пока все не расскажу! Так что слушай! Я тебя время от времени тормошить буду — ты уж не обижайся...

Так вот... Где я остановился? Что? Про царя? Да ты, Ариан, проспал все! Про царя я давно рассказывал! Ну, ладно, повторять не буду... Но теперь слушай!

Так, значит... Про царя... Хороший был царь, Вармин — справедливый. А, главное, борода у него... Что? Про бороду я рассказывал? Ну, да?

Ладно, слушай дальше... Вызвал он меня... Да... Трудно рассказывать, когда тебя все время перебивают! Не перебивал? Так ты, значит, все же спал?! Нет? Ну, смотри!

Да, вспомнил — про пещеры нижние я рассказывал. В общем, чем ниже, тем хуже. Страшнее. Беспокойнее на душе. Тяжелее на сердце. Но — иду. Пробираюсь. Где со светом, где и впотьмах приходилось, чтобы не видно было. У гномов-то

глаза к темноте привычные. И зрачки — я замечал — у нас сильнее расширяются. Как у волка! Или, допустим, собаки. У собаки-то как? Если нужно в темноте увидеть что-то — так у нее зрачки во весь глаз! Потому и видит хорошо! Так, или почти так, и у нас, у гномов.

Словом, тушил я иногда факел и брел в темноте. Особенно, если из окон немного света попадало. Вот ты, Ариан, вижу, хочешь спросить про окна! Ариан! Эй, проснись-ка! Про окна — дескать, какие в пещерах окна?! А такие — что если пещера выше уровня земли — можно и окна незаметные пробивать. Вот так — не полная тебе темнота! Вообще, пещеры у нас были очень умно устроены... И вентиляция, и окна... Воду подводили к самому жилью. Течет ручеек сверху, а ты его направишь, желобок продолбишь — вот тебе и вода к самому носу!

Да... но об этом, в другой раз. О пещерах-то, ведь можно рассказывать вечно! Только начни! Поэтому — как-нибудь потом расскажу.

Спускаюсь я, значит, спускаюсь... Ниже уровня земли, понятно — никаких окон. Но у меня несколько факелов имелось разных — и больших, и маленьких. Маленький освещает только дорогу под ногами — и все. А пламя-то ладонью прикрываешь — и иди незаметно.

Ну и стал я в нижних ярусах скелеты находить. То тут, то там... Некоторые лежали в полном боевом доспехе. Другие — в обычной одежде. Только одежда-то истлела вся... Неприятно, знаешь ли — идешь в темноте и вдруг спотыкаешь-

ся обо что-то. Факел зажег — скелет! Череп смотрит пустыми глазницами, скалится, будто смеется над твоим страхом... А то иногда покажется, что злится, зубами скрипит. Я, в такие мгновения, вроде, даже скрип слышал... Но — казалось, конечно...

И вот, чем ниже я спускался и дальше от нашего селения отходил — тем мрачнее выглядели пещеры. Своды будто хотели опуститься на тебя, раздавить, стены — скать, сплющить... Душно в таких пещерах, даже если и вентиляция хорошая...

В общем, иду — и сам не замечаю, что с трудом воздух хватаю открытым ртом, что пот уже глаза заливает, видно плохо...

Чувствую — много зла скопилось тут, внизу. Скелеты все чаще попадаются. И стало мне блестится, будто шепот чей-то слышу... Тихий такой, зловещий. Слов как бы и не разобрать. Но слышится угроза... И кажется, что это скелеты со мной разговаривают, шепчут, угрожают...

Еще ниже спустился. Там совсем плохо стало. Однажды глянул в угол пещеры, где скелет лежал — будто чуть шевельнулся он... Я глаза протер, посмотрел внимательнее — нет, лежит...

Иду дальше и ободряю себя — ну что за бред?! Где это видано, что б скелеты шевелились? И тут же будто чей-то шепот — видано... видано... Ты тут еще и не то увидишь!

Очень уж мне хотелось назад повернуть. В наше селение войти, выпить вина в окружении товарищей... Только как представишь, что эти това-

риши скажут, когда узнают, что я скелетов испугался!.. Засмеют, ведь... А сорвать — не смогу! Я, вообще, всегда правду говорю. Обманывать — тошно.

Вот, люди, вижу, часто друг друга обманывают! Зачем?! Один говорит другому: убил-де както дракона огромного! И ведь, знает, что не поверит никто! Все едино — надо сорвать!.. А того не поймет, что себя же этим и принижает. Ведь мог бы — мог бы дракона убить! Если, конечно, не ленился бы упражняться с оружием, силу заиметь... А врет — только говорит этим, что мог бы... да вот... лень... и силы нет... И жалко смотреть бывает на такого вруна...

Поэтому, я — всегда правду!.. И тут, чувствую, что все, как есть, выложу, если испугаюсь и вернусь. И — засмеют. Сначала братья. Потом — и все остальные.

Иду. Шепот этот, зловещий — громче стал, уже и слова слышу. Убьем, задушим, наши костяные пальцы вопьются тебе в горло!.. Спотыкаться я стал на ровном месте. А уж если камень, какой... Несколько раз падал. Однажды, упал — в темноте дело было — зажег факел, глянул — а мне прямо в лицо ухмыляется голый череп... Хотя, черепа-то всегда голые... На то он и череп...

Вскочил я — и бежать. Вроде даже, подыгрывать от страха начал. И не заметил яму эту...

Кто ее вырыл на дороге — не знаю. Гномы так не делали. Разве только, если враг приближается. Но тогда — много ям копали. А тут — одна. И не

совсем обычная. Обычно-то яма, а в ней камни острые торчат, чтобы упал, и проткнуло тебя насквозь... А тут — нет. Упал я — и попал в какой-то другой ярус. Как бы между этажами оказался. От этой ямы — тоннели, как норы, во все стороны. Низкие. Такие, что приходилось кое-где и на четвереньках ползти.

Сколько я так пробирался по этим норам — не помню. Будто онемело во мне что-то. Ползу, а в голове ни одной мысли. Только оказался, наконец, на площадке. Выполз — и онемел! Подо мной — необъятная пещера! Такая, что кинь камень — до ста досчитаешь, а он все лететь будет! Откуда-то сбоку окна — пещера освещена мягким светом. А прямо передо мной — вниз лестница бесконечная. И такая узкая, что даже я — гном не робкого десятка — испугался не на шутку. А главное — перил совсем нет! Узкие каменные ступени, а с двух сторон — пропасть! И как спускаться по этой лестнице, если поджилки трянутся?! Ширина-то — только-только ноги поставить. Да и то — смотреть, куда ставишь: не ровен час, оступишься.

Не знаю, как у тебя, Ариан, а у меня такое иной раз во сне бывает... Иду, где-нибудь... не то, по мостику, не то по тропке горной, а подо мной — пропасть глубочайшая. Такая, что дно еле видно... И страх забирает, а идти надо!..

Вот так и тут... только уже не во сне, а наяву. И откуда в той горе такая пещера взялась? Хотя, наверное, это уже не в горе, а под горой... Опять же — окна... Значит, все же выше уровня земли.

А если выше — значит, я по тем тоннелям на самую вершину горы забрался! А когда полз — вроде и не заметил, чтобы вверх... Словом, чудно все!..

Долго я так стоял на площадке и сообразить пытался... Думал, может, я в забытьи по тоннелям в соседнюю гору перебрался... В общем, стоял и не мог заставить себя на лестницу вступить. Вот представь, Ариан, что ты стоишь на вершине горы, а горы-то и нет под тобой — одна только узкая лестница!.. Колени затрясутся!

Хотел я уже и назад повернуть. Думаю — да на кой ляд мне эта лестница и эта пещера?! Вернусь теми же ходами обратно и буду пробираться дальше. Только понял я, что не смогу вернуться... что заблужусь в переходах. У гномов-то чувство направления хорошо развито, и я всегда знал, куда идти. А тут — не помню! Знаю, что не смогу дорогу найти... Сгину в низких тех тоннелях!

Да еще и шепот меня догнал! Сзади, откуда я приполз на эту чертову площадку, шепот стал доноситься — тот же, что и раньше. Только на этот раз пожалуй, даже страшнее. Будто волна за мной катится! Все ближе и ближе. Вот-вот накатит, накроет с головой, а уж тогда не выбраться. И шагнул я на ступеньки...

Несколько шагов сделал — голова так закружилась, будто бочку вина в себя влил за один присест! Остановился — качаюсь, хочу за что-то схватиться, а — не за что! За воздух же не схватишься. Шатает меня, как на ветру, руками ма-

шу... Знаю — назад теперь ходу нет, ибо не развернуться на той лестнице. Хотел сесть, чтобы хоть ощутить руками камень — схватиться за ступени... Но и сесть невозможно — ноги не поддаются, станешь — точно свалишься! Полетишь вниз, как птица охотником подстреленная. Лететь долго придется, а в конце — об камни! И будет гнить твой труп, пока не превратится в скелет, вроде тех, что я в пещерах встречал.

И подумал я — много, наверное, там, внизу уже лежит скелетов! А как только подумал — шепот услышал. Теперь снизу. Будто шуршание сухих костей поднимался ко мне шепот... Горы, горы скелетов лежали под лестницей. Скоро и мой к ним присоединиться...

И тут придумал я, как страх побороть. Известно ведь, что пройти, скажем, по бревну, лежащему на земле — очень даже просто. А вот — по тому же бревну, перекинутому через пропасть!.. Там уже сложнее будет! Значит, вся суть в том, что видишь под собой бездну. А если не видеть ее — так и не страшно! И представил я, что лестница эта на земле лежит. И пошел! Даже качаться перестал. Иногда представлял, что вокруг меня — стены каменные. Что лестница в стене вырублена. Так и спустился. Но такое напряжение даром не проходит. Спустился — и упал без чувств...

Очнулся от шепота. Догнали они меня — те, кто погиб в пещерах... Навалились, угрожают, кричат...

А громче всех слышался некий голос, призы-

вающий к себе. И знал я, что надо идти в центр пещеры этой, огромной. Что там он меня ждет... А кто он — неясно.

Побрел, согнувшись... Еле ноги переставляю, сапоги по камням шаркают. Еще подумал — мол, всю подошву стешу... Но сил поднимать ноги не было!

Притащился. Глянул и обомлел. Даже сердце, казалось, биться перестало. А в глазах так потемнело, что виделось только то, что прямо передо мной... а по краям — чернота. И посреди черноты — как раз то, что меня к себе призывало... То, что вело, гнало меня по тоннелям... То самое зло, тот самый ужас из дальних пещер, о котором столько у нас толковали...

С трудом различал я сквозь темноту, затмившую глаза мои, какое-то шевеление... Что-то мерзко так копошилось, будто несколько пауков, слепившихся в один комок... Или, может, что-то вроде огромного спрута, поджавшего щупальца, но готового в любой момент их выпустить, схватить тебя, подтащить к себе, окутать мерзкой слизью и высосать кровь... Словом, не понял я — не разглядел, что это было. Как он выглядел, этот ужас...

Показалось только, что щупальца у него — из мертвых, убиенных им тел состоят... И еще много чего показалось... И — запах!.. Такой ужасный запах от него исходил!.. Желудок мой непрерывно сокращался, изо рта текло что-то горькое...

А в голове — теперь уже не шепот!.. Властный, визгливый крик! Подавляющий волю, полностью

парализующий тело. О чем-то он меня пытал... Я, вроде, что-то рассказывал... мысленно... Узнал он, конечно, все, что хотел... Сопротивляться было невозможно. Долго он держал меня или нет, не знаю... Под конец только, страшно так рассмеялся, издевательски, как смеется, наверное, кошка, с мышью играющая... И предсказал мне судьбу. В один миг все будущее у меня перед глазами промелькнуло... Не верилось. Не хотелось верить!.. Но все, что он предсказывал — сбывается. Вот, с братьями моими... Вышло точно, как было предсказано...

Не знаю, почему он меня отпустил. Может, чтобы я страдал остаток жизни, видя, как сбываются его пророчества?..

Спишь, Ариан? Не спиши? Вот видишь — я же говорил, что страшно будет!

А, главное, до сих пор, как погляжу в темноту — вижу чудовище это... Воплощение ужаса. Скопище всего самого мерзкого, что только может быть под землей и на земле!

5

Хепат умолк и долго смотрел в темноту. Ариан подсел поближе к костру и, обхватив руками колени, сжался в комок.

Эскиламп — когда это он успел проснуться — задумчиво сказал:

— Возможно, ты встретил одного из слуг Азатта, обитающего за Вратами... Иногда кто-то из его отвратительных помощников пробирается в

Мир... Но недолг его век на Земле — поставленные Старшими Владыками стражи Врат, неустанно ищут и уничтожают всю мерзость, сумевшую незаметно проникнуть к нам из-за Границ.

— Может и так, — пробормотал гном, — только вот он предсказал гибель моего племени... Все так и произошло...

— Вероятно, он посодействовал этому... Творить пакости — его призвание. Когда-то они царствовали на Земле, эти твари...

Эскиламп что-то прошептал, и костер вспыхнул, будто в него плеснули масла.

— Вот так-то получше, — проворчал Хепат, — а то темнота кругом... Подступает, будто... Кажется, что там... кто-то затаился.

— К-кто з-затаился, — прошептал Ариан, придвинувшись к костру так близко, будто собирался сжечь себя заживо.

— Да нет там никого, — сказал Конан, подсаживаясь к костру и зевая. — Вот напугали сами себя!..

Он уселся, скрестив ноги, выпрямив спину и положив руки на колени.

— Один старый монах научил меня этой позе. Сам он сидел в ней часами. Правда, ноги у него, вообще, выворачивались...

Эскиламп посмотрел на Конана, легко принял ту же позу и положил левую ступню на правое бедро, а правую — на левое. Затем скрестил руки за спиной и ухватился правой рукой за большой палец правой же ноги, а левой — соответственно за палец на левой ноге. Грудь у него распрымилась, лопатки сошлись. Закрыв глаза, он стал медленно и глубоко дышать.

— Вот-вот, — кивнул Конан, — иногда он и руки так заплетал... Вообще, в узел завязывался, застывал и грезил. Я пытался узнать, что же он видит... Но ничего не добился. Понял только, что виденья его — нечто непостижимое и прекрасное.

— Это невозможно передать словами, Конан, — медленно сказал Эскиламп, — и он не просто видел прекрасное... этот монах... Он жил в этом прекрасном... Согласись — это разные вещи. Или ты просто увидишь на столе кружку вина, или сам сядешь и выпьешь...

— Понятно, — проворчал Конан, — можно также сказать и о женщине: или просто увидишь ее, или...

— Некоторые гномы бросали в костер специальные травы и тоже что-то там видели... в чем-то участвовали... — встярал Хепат, зевая во весь рот.

Ариан обошел вокруг застывшего Эскилампа, пытаясь запомнить, куда нужно пристраивать ноги и руки. Долго что-то бормотал, показывая пальцами, потом покачал головой и сел рядом, пытаясь скопировать позу. Несмотря на детскую гибкость, он никак не мог управиться с ногами, а колени упорно не желали лежать на земле.

Эскиламп в очередной раз глубоко вздохнул и вдруг стал выплевывать воздух сильными, равномерными толчками.

— Это очень хорошо очищает легкие, — пояснил он, развязываясь и принимая обычную позу.

— Тот монах тоже любил плеваться! — расходился Конан.

— Эта система воспитания тела и духа, — терпеливо объяснил колдун, — подарок одного из богов... Посвященные передают ее от учителя к ученику и свято хранят тайну упражнений.

— Значит, твой учитель, Акцион, тоже умел так завязываться?

— Он многое умел, Конан... Я же говорил — это был необыкновенный человек. Жаль, что склонился ко злу...

— И нашел смерть во чреве огромной змеи, — вставил Хепат.

Эскиламп грустно посмотрел на гнома и продолжал:

— Раньше боги часто спускались к людям и учили их разным премудростям. Выплавлять железо, выращивать хлебные колосья... Они даже дали семена неизвестных тогда растений... Научили людей смотреть на звезды...

— Не просто смотреть, как я понимаю, — Хепат запрокинул голову, — просто смотреть и я могу...

— Конечно, не просто... — сказал Эскиламп, обращаясь к спутанной бороде гнома, — звезды и судьбу могут предсказать, и время показать. По ним мудрецы календарь составили... Еще один дар богов — лечение иглами. Нужно иметь набор золотых и серебряных игл — они хранятся в монастырях...

— Знаем такое дело! — авторитетно заявил Хепат. — Иглы эти втыкать в разные места... в

нужные точки! Это и я могу! Вот только, надо знать при какой болезни, какую иглу, да в какую точку втыкать!..

— Вот именно, друг мой, — мягко заметил колдун, — надо знать! Этому люди учатся несколько десятилетий. Только потом начинают лечить.

— Я бы и за месяц выучил, — проворчал Хепат, — только бы кто рассказал...

— Да кто ж тебя в ученики возьмет?! — засмеялся Ариан.

— А мне и не нужно, чтоб в ученики! Рассказать — и все! Я мгновенно запомню!

Гном вопросительно уставился на Эскилампа, но тот покачал головой:

— Я и сам еще не до конца освоил...

Хепат крякнул с досады и засобирался спать.

— Многие знания утеряны, — грустно продолжал колдун, — например, легенды рассказывают о неком оружии, чем-то похожем на арбалет, стреляющем невидимыми стрелами... даже не стрелами, а железными шариками, летящими так быстро, что их невозможно увидеть!

— Громовые стрелы? — уточнил Конан.

— Да, иногда это оружие так называли. Когда шарики эти летели — гром гремел... Многое, многое забыто из того, что подарили нам боги... И многое будет вновь ведомо...

— Боги не будут второй раз учить нас, дураков! — вставил Хепат, заворачиваясь в одеяло.

— Ну, так люди сами догадаются! Или найдут древние книги... Ведь хранится где-то эта муд-

рость! Часто слышал я о тайной библиотеке, где спрятаны книги, написанные богами. Много лет пытаюсь ее найти...

— Догадаются твои люди!.. — ворчал гном, будучи явно не в духе, — хоть бы не забыли то, что сейчас знают...

— Увы... забудут. Многое забудут. Это неизбежно. Даже мы, волшебники, не можем сохранить знания! Уже сейчас утеряны некоторые могущественные заклинания! И еще многое, многое забудется. И многое будет открыто заново!

Эскиламп вопросительно глянул на Конана:

— Ты хотел что-то рассказать? Вижу, сидишь задумавшись...

— Да, вспомнился один случай... Это было, в общем, не так давно... Я тогда прогулял все деньги и решил наняться охранять караван.

Киммериец помолчал, затем чему-то усмехнулся и продолжал:

— Владелец каравана предложил жалованье втрое, против обычного. У него уже было двенадцать охранников со своим командиром... Требовался тринадцатый воин...

Конан опять надолго умолк и задумался. Только нетерпеливая возня Дриана и покашивания Эскилампа вернули его к действительности.

— Странным был этот купец. Худой, бледный... Купцы-то, сколько я их видел, всегда толстые — чуть с жири не лопаются! И говорил странно — не разжимая губ, монотонно ронял бесцветные слова... Казалось, голос его исходит не из уст, а откуда-то изнутри...

Но как бы то ни было — договорились. На следующий день я присоединился к каравану. Состоял он из десятка верблюдов с поклажей и погонщиками, да нескольких лошадей. Четверка лошадей тащила огромную повозку, где под шелковым балдахином, неподвижно восседал хозяин.

Двенадцать охранников держались особняком. Я несколько раз пытался заговорить с ними, познакомиться... Те же односложные ответы сквозь зубы... Погонщики — так те, вообще, молчали, о чем бы я их не спрашивал...

Да демоны их забери всех, думаю, мрачных и неразговорчивых! Не стал больше ни с кем говорить. Еду себе позади каравана, по сторонам посматриваю, как положено... Иногда вперед скачу, особенно, если впереди холм или увал — осмотреться. Словом, службу несу, как и должно.

Да, еще одна странность — никто мне так и не сказал, куда этот караван направляется. Спрашивал я и натыкался на пустые глаза. Ладно, размышляю, куда-нибудь да приедем. Судя по всему, караван направлялся, чуть ли не в Вендию. На юго-восток двигались... Я прикинул — зарабатываю столько, что хватит на год веселой жизни!

Словом, едем... Выехали-то ночью. Всю ночь по холодку двигались, затем — день, следующую ночь... Хозяин и не думает останавливаться! Странно все это было. Ни один купец не ездит без остановок! Мне-то ладно — я и на ходу мог подзакусить, но ведь коню нужно пастись! Да и верблюдам! И лошадям охраны...

На четвертые сутки я не выдержал и подсту-

пил к хозяину — выкладывай, в чем дело! Невозможно же без остановок двигаться! Животным нужен отдых! Да и людям, в конце концов.

Купец посмотрел на меня тусклым взглядом и процедил, как всегда, не разжимая губ: «Остановливайся, отдохни. Потом догонишь».

Я пожал плечами, отделился от каравана и направился в ложбинку, где трава была погуще и не такой сухой. Там и остановился. Коня пустил пастись, сам как следует, закусил, да и лег отдохнуть под тенистым деревом.

Лежу, размышляю о странностях хозяина и всех слуг его. Незаметно и заснул.

Проснулся, уже вечером, от тревожного ржания. Конь, вижу, беспокоится, копытом бьет... Огляделся — вроде, никого вокруг. И в то же время, как-то неспокойно стало на душе.. Будто знаешь, что вот-вот враги нападут, а откуда их ждать — неизвестно. Собрался я быстро, в седло вскочил и пустился караван догонять.

Только вот, следы никак не могу найти. Вот, вроде, и дорога, по которой ехали... а следов нет! Может, думаю, они свернули куда-то? На ближайший холм поднялся — нет нигде каравана. Вроде, и спал я недолго — не могли они за это время уйти так далеко, что и с холма не увидеть! А, главное — следы-то где?! Не по-воздуху же они летели?!

Вернулся назад, в ту лощину, где отдохнул. Затем, точно по своим следам к дороге проехал, нашел то место, где я от каравана отделился. Вижу — четко мои следы. А следов каравана — нет!

Вспомнил я тогда и глаза тусклые у погонщиков и охранников, и бледный вид хозяина, его манеру говорить, не разжимая губ...

Конан умолк и протянул руки к огню. Ариан смотрел округлившимися глазами. Ждал продолжения. Не дождавшись, спросил:

— Так ты нашел караван или нет?

— Нет, конечно... Да я и искать больше не стал... Мне бы сразу понять!.. А я с ними трое суток ехал! Одного не могу взять в толк — я-то им, зачем понадобился?

— Тут можно только предполагать, — медленно сказал Эскиламп, — возможно, они опасались встречи с патрулями... а ты — человек известный! Любой патруль — видя, что с караваном идет знаменитый Конан — не стал бы их задерживать...

— Да разве ж их можно было задержать?! — подал вдруг голос Хепат. Оказывается, он не спал, хотя друзья могли поклясться, что слышали его равномерное похрапывание.

— Кто знает, на какой стадии они находились... — задумчиво протянул колдун, — но, во всяком случае, им понадобился живой человек... Значит, чего-то опасались...

Так они?.. Они, значит... — Ариан дрожал не то, от возбуждения, не то, от страха.

— Именно, — кивнул Эскиламп, — Конан удостоился чести сопровождать караван мертвцев... или призраков... Точно не могу сказать.

— А задаток-то он тебе дал, хозяин этого самого каравана? — спросил Хепат.

— Задаток дал! Золотом чистейшей пробы, как я потом выяснил. Я, в общем, и не переживал, что не получил всей суммы... Кто знает, куда направлялся этот караван...

— Куда он направлялся — ясно, — хохотнул Эскиламп, — но тебе туда попадать было ни к чему!

— Да, уж... — проворчал Конан, — пока еще рановато... Давайте-ка седлать коней — скоро рассвет. Надеюсь, что наш-то караван, следы оставляет?

— Пока еще оставляет! А твой след, Конан, будет самым заметным!

Эскиламп махнул рукой, и костер мгновенно угас. Хепат ворча, сворачивал одеяло: так и не удалось поспать... Ариан зачарованно смотрел на своего огромного друга — пытался представить... Сопровождать караван мертвцевов!.. Бледный хозяин... Не разжимая губ...

А Конан привычно и спокойно седлал коня, готовясь к новому дневному переходу.

СОДЕРЖАНИЕ

Брэнт Иенсен. Узники камня	7
Дуглас Брайан. Смерть в саду золотых масок	149
Терри Донован. Сапфировый остров	260
Ник Харрис. Страх	342

Издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет
знаменитый цикл исторической фэнтези

«Борская сотня»

Земля мертвых
Череп епископа
Донос мертвеца
Царская дыба
Дикое поле
Люди мечи
Слово шамана
Камни Юсуфа
Черный легион

Корсары Балтики
Старая крепость
Русский булат
Наследники Борджа
Пленники вечности
Хрустальный крест
Власть чародея
Скитальцы

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта: «Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны», «Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2005 году в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман новой трилогии — «БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

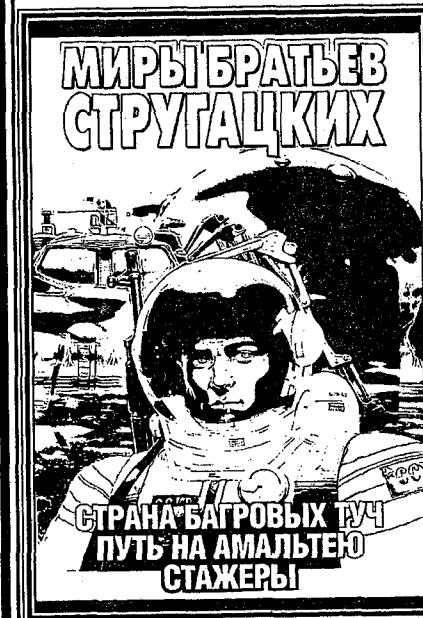
Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стиvana Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте».

Издательство высыпает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магия книг братьев Стругацких подвластна самые разные люди — независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначено именно для него. Братья Стругацкие — это «знак качества», фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте». Издательство высыпает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофе-ра Стасефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дун-кана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, не-вообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высыпает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **АСТ**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 114б, стр. 2, т. 287-45-69
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское ш., 86, корп. 1, 2-й этаж
- м. «Братеево», ул. Паромная, 9, корп. 1, т. 342-26-67
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, 17, корп. 4, т. 372-40-01
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Кантемировская», ул. Кантемировская, 16, корп. 1, т. 320-01-22
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Люблино», ул. Совхозная, 20, т. 358-21-59
- м. «Марьино», ул. Борисовские пруды, 46, корп. 2, т. 342-33-23
- м. «Молодежная», гипермаркет «Ашан», Марфино, т. 795-07-32
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Речной вокзал», Зеленоград, 3-й микрорайон, корп. 360, т. 536-16-46
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Речной вокзал», Химки, гипермаркет «Ашан», т. 981-45-27
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07

- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Тульская», Варшавское ш., 9, Тульская ярмарка, 5-й этаж, т. 737-03-77, доб. 40-20
- м. «Тушинская», ул. Митинская, 36, т. 753-48-52, доб. 122
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Шукинская», Строгинский б-р, 1/2, т. 750-38-77, доб. 111
- м. «Тушинская», 65—66-й км МКАД, ТК «Крокус Сити», 2-й этаж, т. 942-94-25
- м. «Рязанский проспект», Рязанский пр., 76, корп. 3, т. 170-11-82
- м. «Семеновская», ул. Шербаковская, 35, т. 363-32-26
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Текстильщики», ул. Юных ленинцев, 37, т. 178-20-00
- м. «Медведково», г. Мытиши, Осташковское ш., 1, гипермаркет «Ашан»
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Вологда, ул. Герцена, 118, т. (8172) 75-43-22
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 61, т. (3522) 46-29-22
- Курган, ул. Куйбышева, 109, т. (3522) 53-19-62
- Курган, ул. Пушкина, 108, т. (3522) 43-22-59
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Шадринск, ул. Комсомольская, 22, т. (35253) 5-02-18
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Курск, ул. Дзержинского, 86, т. (07122) 2-39-56
- Курск, ул. Гагарина, 2, т. (07122) 37-04-62
- Курск, ул. Сумская, 34/2, т. (07122) 32-42-11
- Курчатов, Коммунистический пр., 17, т. (07131) 4-12-84
- Железногорск, ул. Ленина, 16, т. (07148) 2-21-23
- Льгов, ул. К. Маркса, 4/33, т. (07140) 2-40-12

- Обоянь, ул. Ленина, 51, т. (07141) 2-23-79
- Рыльск, Советская пл., 6, т. (07152) 2-55-37
- Суджа, ул. Первомайская, 18, т. (07143) 2-29-75
- Шигры, ул. Красная, 42, т. (07145) 4-27-39
- Дмитриев, ул. Республикаанская, 10а, т. (07150) 2-26-57
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Н. Новгород, пл. Горького, 1/61, т. (8312) 33-79-80
- Орел, Рыночный пер., 5, т. (0862) 43-71-30
- Батайск, ул. Кирова, 8, т. (86354) 5-67-44
- Донецк, ул. Ленина, 24, т. (86368) 2-27-25
- Новочеркасск, ул. Московская, 10, т. (86352) 2-30-53
- Азов, Петровский б-р, 3, т. (86342) 4-09-95
- Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 84, т. (8632) 40-63-87
- Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 199, т. (8632) 64-90-24
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рыбинск, ул. Ломоносова, 1, т. (0855) 52-47-26
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Санкт-Петербург, Московский пр., 39/2, т. (812) 316-24-72
- Санкт-Петербург, Невский пр., 35, ст. м. «Гостиный двор»
- Смоленск, ул. Гагарина, 4, т. (0812) 65-53-58
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, пр. Ленина, 68, т. (3512) 63-01-01, 63-22-70
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Киров, ул. Комсомольская, 37, т. (8332) 54-38-91
- Киров, ул. Ленина, 88, т. (8332) 62-15-43
- Киров, ул. Пролетарская, 22а, т. (8332) 67-65-22
- Киров, ул. Ломоносова, 37, т. (8332) 25-35-77
- Кирово-Чепецк, пр. Мира, 41, т. (83361) 4-57-91
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Волжский, пр. Ленина, 6, т. (8443) 31-64-02
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38

- Нахodka, ул. Гагарина, 8, т. (42366) 3-41-11
- Арсеньев, ул. Жуковского, 29, т. (42361) 4-40-28
- Артем, ул. Фрунзе, 69, т. (42337) 4-26-78
- Большой Камень, ул. Приморского комсомола, 14, т. (42335) 5-72-09
- Дальнегорск, ул. 50-лет Октября, 59, т. (42373) 2-20-33
- Дальнереченск, ул. Дальнереченская, 59, т. (42356) 2-54-52
- Партизанск, ул. Ленина, 16, т. (42363) 0-25-78
- Владивосток, пр. 10-летия Владивостока, 44, т. (4232) 36-28-79
- Владивосток, ул. Светланская, 43, т. (4232) 22-31-93
- Владивосток, ул. Русская, 5а, т. (4232) 34-11-41
- Владивосток, Океанский пр., 140, т. (4232) 45-38-02
- Астрахань, ул. Советская, 17, т. (8512) 22-58-78
- Таганрог, ул. Чехова, 49, т. (8634) 36-03-04
- Братск, ул. Крупской, 27, т. (3953) 42-02-88
- Великие Луки, ул. Гагарина, 19, т. (81153) 5-17-91
- Великий Новгород, ул. Менделеева, 1, т. (81622) 2-37-29
- Мурманск, пр. Ленина, 67, т. (8152) 45-51-78
- Нижний Тагил, ул. Пархоменко, 20, т. (3435) 41-14-88
- Нижний Тагил, ул. Космонавтов, 10, т. (3435) 48-09-33
- Нижний Тагил, ул. Первомайская, 32, т. (3435) 41-98-52
- Новоуральск, ул. Комсомольская, 23, т. (34370) 3-17-08
- Стерлитамак, пр. Октября, 43, т. (3473) 24-10-64
- Стерлитамак, пр. Ленина, 31, т. (3473) 20-87-45
- Стерлитамак, пр. Ленина, 30, т. (3473) 43-16-58
- Самара, пр. Кирова, 301, т. (8462) 56-49-92
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Пенза, пр. Победы, 4, т. (8412) 42-45-35
- Рига, ул. Краста, 70, т. (8-10-371) 7-812-644
- Оренбург, ул. Туркестанская, 23, т. (3532) 41-48-06, 41-18-05
- Нижний Новгород, ул. 50-летия Победы, 6/2, т. (8312) 74-01-29
- Ульяновск, ул. Железнодивизии, 6, т. (8422) 41-47-36
- Тольятти, ул. Ленинградская, 55, т. (8482) 28-37-68, 48-31-56
- Пенза, ул. Куйбышева, 21/48, т. (8412) 32-40-78
- Киев, ул. Красноармейская, 57/3, т. (8-10-38-044) 227-31-36
- Луганск, ул. Сосюры, 137, т. (8-10-38-064) 234-58-11
- Мукачево, ул. Пушкина, 2, т. (8-10-38-031-31) 5-46-81
- Черкассы, ул. Шевченко, 256, т. (8-10-38-047) 236-08-40
- Запорожье, ул. 8 Березня, 32, т. (8-10-38-061) 264-19-00

- Запорожье, ул. Гоголя, 155/2, т. (8-10-38-061) 264-19-00
- Донецк, ул. Ильича, 93, т. (8-10-38-062) 290-50-30
- Донецк, ул. Артема, 147а, т. (8-10-38-062) 290-88-99
- Харьков, ул. Донец-Захоржевского, 6/8, т. (810-38-057) 700-44-29
- Омск, ул. Бударина, 3б, т. (3812) 23-46-49
- Псков, ул. Пушкина, 1, т. (8112) 16-50-01
- Тюмень, ул. Орджоникидзе, 51
- Ульяновск, ул. Гончарова, 14, т. (8422) 41-65-12
- Ульяновск, пр. Гая, 76, т. (8422) 66-36-24
- Ульяновск, ул. Ворочая Михайлова, 41, т. (8422) 52-64-41
- Ульяновск, ул. Богдана Хмельницкого, 19, т. (8422) 48-40-13
- Самара, ул. Галактионовская, 130, т. (8462) 78-75-14, 32-74-44
- Самара, пр. Юных пионеров, 146, т. (8462) 59-45-52
- Тольятти, ул. Революционная, 60, т. (8482) 35-04-50
- Тюмень, ул. Республики, 155/1, т. (3452) 20-61-80
- Брянск, ул. Фокина, 31, т. (0832) 74-14-94
- Якутск, ул. Ярославского, 16/1, т. (4112) 42-40-27, 34-20-47
- Якутск, ул. Орджоникидзе, 5, т. (4112) 34-15-80
- Новосибирск, ул. Советская, 13, т. (3832) 23-35-20
- Новосибирск, ул. Бориса Богаткова, 262, т. (3832) 67-78-07
- Минск, пр. Машерова, 11, т. (8-10-375-17) 223-34-96
- Минск, пр. Франциска Скорины, 19, т. (8-10-375-17) 227-49-18
- Инта, ул. Куратова, 14, т. (82145) 6-05-93
- Томск, пр. Фрунзе, 102, т. (3822) 52-32-76, 52-33-35
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ **наст**оящие КНИГИ

Литературно-художественное издание

КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Балуши*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наш электронный адрес: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

190121, г. Санкт-Петербург,

Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А

conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САУА ТУМАНА	64	КОНАН И АРИК ЗВЕРЯ	65	КОНАН И ОИНТЕЛЬ ДРАКОНОВ	66	КОНАН И НАСАДЕНИЕ МЕРТВЫХ	67	КОНАН И ЗАХАТ АРРОСА	68	КОНАН И АЛАЛ ПРЯТЬ	69	КОНАН И ТАЙНЫ ПРУСТОВЫ	70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА	71	КОНАН И ГОДОС КРОВИ	72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА	73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИГИФРЫ	74	КОНАН И ЗЕМЛЮЖДА ПРУСТОВЫ	75	КОНАН И ДУЗИМ ГОР	76	КОНАН И СОЛОНЩА КАРДИТИИ	77	КОНАН И ИФРИТОВЫЙ КУБОК	78	КОНАН И ЧУВИНЕЦ ТУДОВОЙ	79	КОНАН И СТРЯСНИ МОРЯ	80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ	81
КОНАН И БАЛМЕКА ЛЕСА	82	КОНАН И НАРДА ПЛЕМЕННИКА	83	КОНАН И АЕГИОН ЗАРИ	84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЛЧЕНИЯ	85	КОНАН И ТРОН МАЛЫИ	86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ	87	КОНАН И МЕСТЬ БЕД	88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ	89	КОНАН И ВОЛНЫ БАШНЯ	90
КОНАН И КЛАНЬЯ БАРВАР	91	КОНАН И СКОПЕТ МАТА	92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА	93	КОНАН И АЕГИДА АЕМУМЫИ	94	КОНАН И ГРОСТЬ ГИГАНОВ	95	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ	96	КОНАН И РЫБ ТАЛАНТИИ	97	КОНАН И ГИОСОДА ОБРЕЧЕННЫХ	98	КОНАН И ЧАРМ КОЛДУИИ	99
КОНАН ГЕРОЙ ХАНКОНИИ	100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ	101	КОНАН И НАКАДЫВАЮЩАЯ РОКА	102	КОНАН И ГЛАДОЛ СИА	103	КОНАН И РИГУЛА АУТОМ	104	КОНАН И АЛЫИ СИНИЕ	105	КОНАН И ТЕМНЫЙ СОЛНЦИК	106	КОНАН И КАЛЫКИ А-ЗУМ	107	КОНАН И СЛАД БОГИНИ	108
КОНАН И СИЛЫ ВЕНДИИ	109	КОНАН И АНКИ АЛЕРОНА	110	КОНАН И НЕДОРОГИЕ ОСТРОВЫ	111	КОНАН И АДМОНЬИ СТЕПЕЙ	112	КОНАН И ЧАРДЕН ЮКА	113	КОНАН И УЗИНИИ КАМПЫ	114						

ISBN 5-17-030708-X

9 785 170 30708 1